

А.В. Ополовников

СОКРОВИЩА РУССКОГО СЕВЕРА

*Москва · Стройиздат
1989*

От автора

Эта книга — расширенное и измененное по своей структуре переиздание выпущенной в 1977 году небольшой книги «Русский Север». Здесь представлены самые разные произведения народного деревянного зодчества, начиная от всемирно известных шедевров архитектуры и кончая еще малоизученными и даже неизвестными в истории русской культуры памятниками. Разнообразна и география их размещения, охватывающая не только европейскую часть России, но и отдаленные районы Сибири.

Включенные в книгу памятники были исследованы на протяжении почти полувековой моей научно-реставрационной деятельности, половина которой — свыше двадцати лет — связана с работой в Центральном научно-исследовательском институте теории и истории архитектуры. Исследование и научная фиксация рассматриваемых памятников были бы не возможны без содействия со стороны Совета Министров Якутской АССР, Министерства культуры РСФСР, Союза архитекторов СССР и РСФСР, научно-методического совета по охране памятников Министерства культуры СССР, Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, в том числе и его отделений в Иркутской области и Якутии, Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР, объединений «Союзреставрация» и «Росреставрация», Ивановского государственного историко-революционного музея, Плесского государственного музея-заповедника, Якутского государственного краеведческого музея им. Ем. Ярославского.

Значительная часть представленных в книге памятников публикуется впервые.

Текст книги написан в соавторстве с моей дочерью, кандидатом архитектуры Е. А. Ополовниковой. Она же подготовила эту книгу к изданию.

Введение

На русской земле—в Беломорье и Обонежье, в Подвинье и Поонежье, в Вологодском крае и Новгородском, Костромском и Владимирском, в Ярославской, Калининской, а кое-где и в Московской области, в Сибири и Якутии—стоят, растерянно глядя на современный мир, памятники былой жизни: избы и амбары, большие и малые церкви, колокольни и часовни, некогда мощные крепостные башни. В старину таких построек на Руси было великое множество...

«Страной зодчих» назвал Россию Игорь Грабарь. Народные постройки—от крестьянской избы до плетня у околицы, от премудроверхого храма до малого креста на могиле—удивительно красивы и ладны. Каждая деталь и каждая линия в них осмысленны. Плотники издревле владели на Руси «всеми хитростями своего художества, срубая в правило (по линейке) не только прямоугольные стены и кровли своих зданий, но и обделывая лесной материал в кружало (по циркулю), как требовалось при устройстве всякого рода лодок и морских судов»¹.

Практическое назначение старинных деревянных построек, крупных ли, малых ли, у народа-зодчего всегда было связано с представлением о красоте мира. Польза и красота неотделимы в древнерусской архитектуре, как неотделимы они и в самой жизни человека. Тут важно отметить, что под красотой понималось не украшательское многоделье, а тонкое, сердцем прочувствованное и разумом осмысленное соотношение частей и целого, мудрая простота форм и естественное изящество линий, то есть именно то глубинно-вдумчивое осознание архитектуры, которое делает ее не ремеслом, а искусством. Традиционные основы этого искусства свято оберегались каждым последующим поколением мастеров и вместе с тем оттачивались и отшлифовывались на протяжении веков, впитывая в себя достижения мировой архитектуры и преломляя их сообразно с неизблемыми заветами дедов и отцов. Так сформировалась особая, самостоятельная ветвь всей русской архитектуры—народное деревянное зодчество. Это было искусство, созданное путем

¹ Забелин И. Черты самобытности в древнерусском зодчестве. Русское искусство.—М., 1900.—С. 32.

накопления коллективного опыта и производящее огромное впечатление устойчивой мудростью традиций, единством стиля и глубиной идейно-образного содержания. Это была поистине общенациональная архитектура, впитавшая в себя суть мироощущения всех слоев русского общества, когда «и князья, и бояре, и духовенство, и народ, и дружины княжеские, и дружины боярские, и дружины городские, и дружина земская — все классы и все виды населения были проникнуты одним духом, одними убеждениями, однородными понятиями, одинаковую потребностью общего блага»².

Это единение рождало национальное самосознание русского народа, глубоко проникая и разветвляясь корнями во всех слоях русского общества, отражаясь «в сгибе ума русского, в русском образе взгляда на вещи»³, влияя на все виды искусства и как генетический код предопределяя их самобытную общность и народность, понимаемые нами не как особое достоинство, а как «необходимое условие истинно художественного произведения»⁴.

Архитектура, как известно, всегда социальна и исторически обусловлена. Потому в разные периоды существования России по-разному проявлялись самобытные черты ее архитектуры, увядая порой под пластом привнесенных извне идей и форм. И уже от обратного — сочтался ли русской «код», национальное самосознание с новыми идеями и формами, давал ли он свои всходы — можно судить о прогрессивности этих идей и форм в истории русской архитектуры. Примеров здесь много. Приведем самый простой: зародившиеся на Западе барокко и классицизм получили в России свою самобытную интерпретацию, а вместе с ней и эпитеты «русское» (барокко) и «русский» (классицизм), отражающие генетическую, национальную суть их архитектурных образов, но не форм.

Расширение и укрепление мощи Российского государства в XVI—XVII веках, взятие Астрахани и Казани, присоединение сибирских земель, победа над польско-литовской интервенцией — все это влекло за собой и укрепление государственного аппарата, необходимо-

го для удержания в повиновении народных масс. Демократические, республиканские основы жизни, зародившиеся когда-то на разрозненных землях русских княжеств, особенно в Новгородской республике, в условиях централизованного Московского государства стали быстро увядать. Все рельефнее выступала самодержавная направленность русской государственности. В полон прежде всего была взята церковь как важнейший идеологический аппарат государства.

Церковные нововведения, осуществленные в середине XVII века, наряду с усилением политической власти привели к массовому переселению недовольных на Север и в Сибирь. Переселенцы-раскольники рьяно придерживались древних традиций, свято оберегая их и в быту, и в искусстве, и в архитектуре. Вместе с тем они отстаивали и свои утраченные привилегии: старинное крестьянское право свободного передвижения, право землевладельцев на обрабатываемую землю, на общинное самоуправление. Им искренне были не понятны и чужды вводимые гражданские законы и меры, направленные на соблюдение порядка в государстве, но насильственно подчинявшие сознание необходимости, парализующей их волю и самостоятельность мышления.

Процесс закрепощения крестьян, усилившийся с образованием централизованного Русского государства, к концу XV века, спустя три столетия, становится губельным для русского крестьянина, порабощая его не только физически, но и духовно. В 1760 году помещики получили право ссылать в Сибирь крестьян на поселение, а в 1765 — на каторгу. В 1767 году крестьянам было запрещено подавать жалобы на злоупотребления помещиков. За подачу таких жалоб разрешалось отдавать в солдаты. «...Вотчинник и помещик наряду с «духовным отцом» становился властелином ума, души, совести крестьянина», превращаемого тем самым в «быдло», — так писали об изменении положения русских крестьян советские историки⁵.

Начиная с 20-х годов XVIII века окончательно теряет свою самостоятель-

² См.: Лихачев В. Д., Лихачев Д. С. Художественное наследие Древней Руси и современность.—Л., 1971.—С. 6.

³ Беляевский В. Избранные статьи.—М., 1965.—С. 23.

⁴ Там же.—С. 52.

⁵ См.: Мавлюков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века.—М.—Л., 1962.—С. 403; Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма.—М., 1977.—С. 32.

ность и церковь, превращаясь в одно из бюрократических государственных учреждений—синод. Контроль над ним ввергается светскому лицу— обер-прокурору, названному в официальной инструкции 1722 года «оком государя и стряпчим по делам государственным»⁶. С начала XIX века само слово «церковь» в официальных документах заменяется «ведомством православного исповедания». Бывшая в прошлом духовно-идеологической основой русской жизни, призывавшая человека к внутреннему самосовершенствованию и самоконтролю, к осознанному действию во имя идеала, а не к слепой вере в абстрактный, недоосмысленный идеал, церковь примерно к середине XIX века окончательно «заземляется», обюрокрачивается, превращаясь из епархии «справедников духа» в епархию «чиновников в рясах». Даже благочестивый историк синода П. В. Верховский вынужден был констатировать, что «господство турок на православном востоке с 1453 года не могло так поработить веру и церковь, как их поработил в России синодальный режим»⁷.

Изменение содержания влекло за собой изменение формы. Простые и четкие, как сама природа, народные постройки, естественно зародившиеся еще в Древней Руси и веками выношенные ее терпеливым народом, в условиях подражающей европейской культуре Российской империи стали считаться «в подлом вкусе». Это пренебрежение к народным традициям привело к перестройке древних памятников. Негласному, но активному гонению подверглось и древнерусское деревянное культовое зодчество, названное «раскольничьей» архитектурой. Со второй половины XIX века под предлогом ветхости было уничтожено огромное число деревянных часовен, церквей, монастырей. Десятки и сотни скитов были разорены и разрушены до основания. В это же время началась почти повсеместная переделка деревянных церквей. Многие памятники были искажены до неузнаваемости или, выражаясь языком тогдашних церковников, «благолепно обновлены». А суть этих обновлений состояла в замене строгой,

самобытной красоты показной пышностью. Характерным явлением для второй половины XIX века становится массовая постройка каменных церквей рядом с деревянными, а иногда и на месте их. На фоне новых церквей, построенных часто по стандартным проектам, рельефнее выступало строгое величие деревянных храмов и колоколен XVI—XVIII веков, хотя и заброшенных, но по-прежнему сохранивших свое образное значение.

«Как будто старались нарочно внушить мысль, что великое совсем не велико, как будто бы насильно стремились истребить в душе благоговение и сделать человека равнодушным ко всему»,— так писал о забвении национальных традиций и форм в русской архитектуре Н. В. Гоголь⁸.

Физическое и духовное закрепощение крестьян, парализовавшее их мышление и творческую инициативу, привело к резкому расслоению российского общества, к отторжению народных масс от участия в развитии общенациональной культуры, ставшей, по существу, культурой дворянской. Новые формы русской архитектуры не были рождены в недрах народной души. Замечательные в городских ансамблях и дворянских усадьбах, они, привнесенные в деревянное зодчество, уродовали его. Утрачивалось тектоническое единство конструкций и формы, архитектурные детали приобретали иной, подражательный характер, нередко являясь бездумной имитацией форм городских построек. Сам характер народного зодчества, его идейно-художественный и образный строй радикально менялись, подчиняясь характеру и духу господствующей архитектуры того времени. При таких изменениях, понятно, все мотивы, формы и детали стилиевой деревянной архитектуры были использованы механически и эклектично, в неумеренном изобилии и без элементарного художественного такта, вне всякой связи с традициями деревянного зодчества и характером архитектуры здания—просто как модное украшение, техническое новшество или то и другое одновременно.

Один из первых исследователей народного деревянного зодчества академик

⁶ Никольский Н. История русской церкви.— М., 1930.— С. 140.

⁷ Там же.— С. 147.

⁸ Гоголь Н. В. Собр. соч. в 6 томах.— М., 1952.— Т. 6.— С. 52.

В. В. Суслов, посетивший в 80-х годах прошлого столетия Русский Север, писал: «И теперь трудно представить себе, до какого безвкусия дожил наш народ... Везде, где только является какая-либо возможность сделать обновление древней церкви или создать новую, лежит печать жалкого подражания современности. Большинство виденных мной церквей переправлены в такой степени, что затеряны не только детали их, но искажены и самые формы. Грустно думать, что за какое-нибудь столетие народ окончательно убил в себе все вековые традиции и даже не видит достоинств своего прошлого»⁹.

Но не по замыслу народа засорились и умерщвлялись живительные истоки его культуры, истоки его самосознания. На то были объективные причины. Как известно, бытие определяет сознание.

«Вряд ли найдется другая страна в мире, где бы крестьянство переживало такие страдания, такое угнетение и надругательство, как в России»,— писал В. И. Ленин¹⁰.

Однако в изменениях, происшедших в деревянном зодчестве под влиянием новых вежий, следует различать две основные тенденции, за каждой из которых скрыты разные творческие методы архитектуры, разное отношение к древним традициям и материалу и в конечном итоге разный уровень художественной культуры. В одних случаях, обычно более ранних, элементы стиливой архитектуры, проникая в народное зодчество, подвергались радикальной творческой переработке в рамках древних традиций и вплетались в архитектурную ткань всего здания органически как его неотъемлемые части. И это не только не нарушало цельности художественного образа здания, а обогащало и совершенствовало его, придавая ему, быть может с некоторым опозданием и наивностью, общий характер, созвучный сдвигам в эстетике всего русского народа, происшедшим на определенном историческом этапе (нарядность, жизнерадостность, гуманизм, гражданственность и т. п.).

В качестве яркого примера именно такого подхода к освоению мотивов и форм господствующей архитектуры

можно привести чудесные избы Прионежья с их барочными наличниками на окнах и нарядными балюстрадами гудбищ, опоясывающими изыяные срубы рельефным ожерельем, с богатой резьбой балконов, причелин, полотенец и других деталей. Примером творческого осмысления и освоения элементов господствующей архитектуры можно считать и своеобразное зодчество Среднего Поволжья с его замечательной резьбой.

Вместе с тем в деревянном зодчестве этого рода и этой поры явственно проступали признаки наступающего кризиса. Они сказываются в перегруженности, измельченности и огрублении декора, в самом факте появления декора только как украшения, в некоторых элементах формализма, когда, например, балконы делались без входов, ставни не закрывались и т. п. В характере этих построек архитектура стала надуманной, отчужденной от своего природного, функционально естественного корня.

Осмысление жизни, отраженное в традиционно народных образах архитектуры, раздумья и мироощущение крестьянина в новых постройках остались втуне; строгая слаженность форм подменилась или их упрощенностью, или (другая крайность)—мещанской выпендренностью, претендующей на величие. Стремление к красоте подменилось стремлением к дорогому материалу. В подобных постройках нет и намек на вселенские раздумья крестьянина, нет чарующей простоты его мудрости.

Изда русского крестьянина—это не только его жилище, это его мир. Мир, в котором отражена вся Вселенная и определено свое место в ней. «Изыбной литератургией» назвал этот мир Сергей Есенин. Он же считал, что изба—«это символ понятий и отношений к миру, выработанных... отцами и предками, которые неосознанный и далекий мир подчинили уподоблениями вещам их коротких очагов... Красный угол, например, есть уподобление заре, потолок—небесному своду, а матица—Млечному пути»¹¹.

Проникновение в мир образов есть самый существенный, самый результативный способ изучения искусства любого народа (и русского, конечно, тоже).

⁹ Суслов В. В. Путевые заметки о севере России и Норвегии.—Спб., 1888.—С. 67.

¹⁰ Ленин В. И. Маркс об американском «черном переделе». Поли. собр. соч.—Т. 10.—С. 60.

¹¹ Есенин С. Ключи Марин.—Собр. соч. в 3 т.—М., 1970.—Т. 3.—С. 141.

Архитектуре как искусству в этом мире образов принадлежит если не главное, то одно из главнейших мест. Именно такое отношение к архитектурным древностям утвердилось в среде реставраторов на рубеже нашего столетия. В это время были проделаны и первые опыты подлинной реставрации произведений деревянного зодчества, в которых утверждались принципы, прямо противоположные принципам клерикально-купеческого благолепия. Среди них церкви в селах Пучуга, Зачачье, Панилово, Верховье, Челмужи, колокольня в Цивозере.

В основе реставрации этих памятников лежала, с одной стороны, глубокая неприязнь самих реставраторов к пошлому украшательству, к убогим вкусам новых богатеев, которые «хотели пышностью закрасить свою подлость»¹², а с другой — преклонение перед ясной простотой и национальной самобытностью русского деревянного зодчества, страстная любовь к нему, глубокое понимание его особенностей и традиций, умение разбираться в подлинном и наносном. На этих же принципах основана и современная методика реставрации памятников деревянного зодчества¹³.

Чтобы проникнуть в потаенную суть народного деревянного зодчества, надо понять его. Понять и полюбить. Полюбить «не простой любовью глаза и чувственным восприятием красивого, а... самую правдивою тропинкой мудрости, на которой каждый шаг словесного образа делается так же, как узловая завязь самой природы... Люди должны научиться читать забытые ими знаки. Должны почувствовать, что очаг их есть та самая колесница, которая увозит пророка Илью в облака. Они должны постичь, что предки их не простыми завитками дали нам фиту и ижицу, они дали их нам как знаки открывающейся книги в книге нашей души. Человек по последнему знаку отправился искать себя. Он захотел найти свое место в пространстве»¹⁴.

Произведения архитектуры вбирают в себя (и отражают) не только эстетические взгляды народа, уровень и строй его жизни, но и — самое главное — то своеобразие восприятия мира, которое

присуще обычно нации в целом и взаимосвязано со всем ходом ее исторического развития. Потому для нас деревянное зодчество — не суммарный (даже и многогранный) набор тех или иных сооружений, глядя на которые мы можем представить себе, как жил наш народ в прошлом, а главное и прежде всего — материальное воплощение его духовной сущности. Но чтобы понять эту сущность, надо разобратся в самом деревянном зодчестве, как явлению подлинно народном, и суметь отличить его от строительной культуры иного рода, обращенной на совершенно иной социально-исторической почве. Словом, архитектурно-художественная и философская суть памятника — единственно, что всегда самобытно и интересно в любой национальной архитектуре.

Вот в этом и главное — понять памятники русского деревянного зодчества, чтобы покорила они нас не масштабами своими и затейливостью форм, а строгой красотой истинного искусства.

Памятники народного деревянного зодчества вне зависимости от своего назначения — будь то избы, мельницы, амбары или церкви — чем-то похожи друг на друга, и не случайно, ибо корневая основа у них одна: архитектурно-художественное и конструктивно-техническое единство сооружения.

В народном деревянном зодчестве слитность конструктивно-технического назначения и архитектурно-художественного звучания дерева видна всюду. Она и в правдивой красоте текстуры самого дерева, и в контрастных сочетаниях по-разному обработанных поверхностей отдельных деталей и отдельных частей здания.

Она и в холодных, серебристых оттенках ели, и в теплом, золотистом цвете сосны с ее живым, никогда не повторяющимся рисунком янтарной сердцевины, и в светлой оболони с ее неторопливым чередованием темных мутовок и муаровыми переливами просвечивающих волокон.

Она же в способности гладких деревянных плоскостей, поставленных под разными углами, по-разному отражать свет, давая богатую игру световых бли-

¹² Карамзин Н. М. Избр. соч. в 2 т. — М. — Л., 1964. — Т. 2. — С. 341.

¹³ Ополовников А. В. Реставрация памятников народного зодчества. — М., 1974: Он же. Реставрация

памятников русского деревянного зодчества. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра архитектуры. — М., 1976.

¹⁴ Есенин С. Указ. соч. — С. 145, 147.

ков, и в умелом использовании этого свойства для достижения эффектных контрастов. Игра света и тени не допускает монотонности здания, которая всегда неизбежна при однородном материале.

Эта же особенность видна и в резьбе несущих столбов, насыщенной контрастами крупных упругих линий и мелких ритмичных узоров, и в мерцающих отблесках каркасных конструкций, оконных косяков и чешуйчатых кровель, в скульптурной пластике любой детали, сделанной рукой большого мастера одним только топором, и в разнообразном сочетании всевозможных оттенков, которыми так богаты произведения народного деревянного зодчества.

Подобных примеров можно привести великое множество. Но и тех, что тут есть, вполне достаточно, чтобы видеть то истинно реалистическое в своей основе, естественное и неподдельное отношение к дереву, раскрывающее все лучшие его качества, отношение, которое определяет сам характер, специфику и своеобразный дух народного зодчества и делает его именно тем, чем оно является.

Стремление раскрыть эту глубинную суть русского деревянного зодчества и явилось причиной создания нашей книги. Оно же обусловило и характер подбора памятников. Каждый из них обладает такими особенностями, которые в своем единстве полно и разносторонне раскрывают богатую палитру средств художественной выразительности, применявшуюся древними мастерами.

Словом, наша задача — не внешне формальное ознакомление с различными приемами деревянного зодчества, но изучение на конкретных памятниках творческого метода мастеров прошлого, изучение их умения находить художественную форму, в совершенстве воплощающую идейное содержание замысла.

В книгу включены памятники, расположенные в самых различных уголках России: в центральных ее районах и Сибири, в Беломорье и Обонежье, на Северной Двине и Мезени. Среди них — и общепризнанные шедевры, и малоизученные здания, и до последнего времени

неизвестные, выявленные в 1980-е годы. Понятие «неизвестный» может быть отнесено не только к памятникам, но и к географической среде размещения некоторых из них, например, к заполярным землям Якутии. Здесь, в низовьях Индигирки, по сей день стоит самая северная в стране часовня. Столь же нова для ученых и церковь клетского типа на Алазее (междуречье Индигирки и Колымы). Ознакомление с этими памятниками дает возможность расширить и обогатить само понятие «русское деревянное зодчество», причем не только количественно, но и качественно, точнее и ярче выявляя изменения и устойчивость древних традиций народного зодчества в той или иной части России, контрастнее оттеняя особенности уже известных и общепризнанных шедевров деревянной архитектуры, помогая глубже осознать и прочувствовать величие силы их образов.

Мы рассматриваем памятники не по их типологической принадлежности (жилье, хозяйственные, культовые и другие сооружения), а по географии их размещения. Такой прием позволяет конкретизировать особенности той или иной региональной архитектурной школы или традиции, показать ареал их распространения и степень трансформации по мере удаления от места возникновения.

В этой книге хотелось бы раскрыть перед читателем многоликость прекрасного, которое кроется не только во всемирно известных памятниках, но и в порой незаметных, простых постройках. Надо только суметь увидеть их, разглядеть их внутреннюю красоту — подлинную, правдивую и реалистичную. Ту самую, что озаряет человека целительными лучами радости и дарит ему величайшее из земных богатств — участие в празднике жизни.

Глава первая

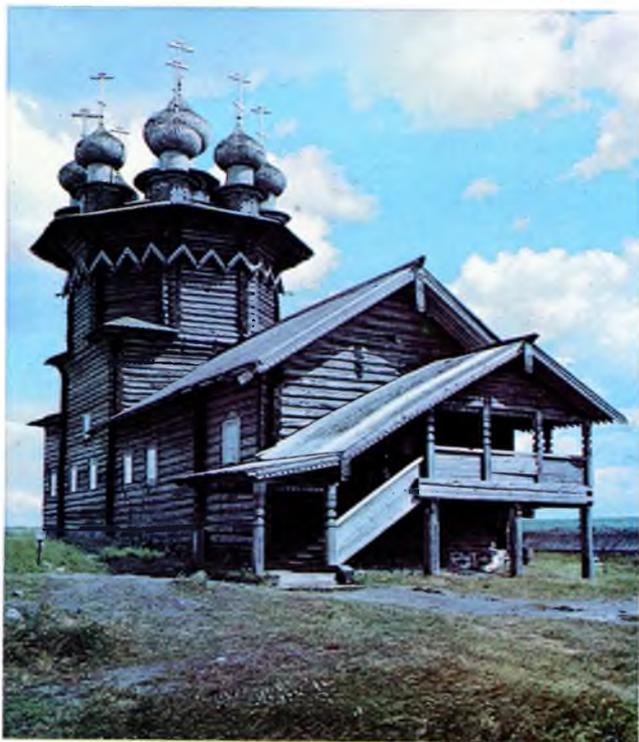
*Онежский
край*

Рассвет в Кижях

Преображенская церковь

Покровская церковь

*Преображенская церковь.
Главы*

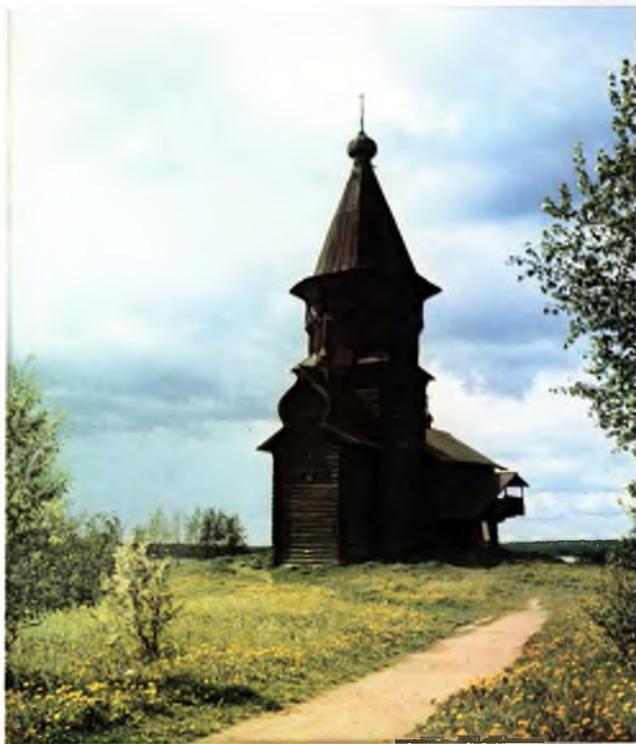
Часовня из дерева
Кавгора в музее «Кижь»

*Часовня в деревне Корба.
Вид с северо-востока*

*Успенская церковь в
Кондопоге*

*Успенская церковь в
Кондопоге. Фото
В. Ф. Гудлева*

*Варваринская церковь в
селе Яндозеро.
Северный фасад*

*Мост через реку Кену
Архангельской области*

*Дом в деревне Будылино
на Почозере
Архангельской области*

*Часовня из деревни
Федоровская в музее
«Малые Карелы»*

Онежский край — это старинная вотчина Великого Новгорода. Вольный дух древней республики поселился здесь вместе с ее приверженцами. Новгородцы привнесли в эти места и древнерусские строительные традиции, на основе которых выросли столь дорогие нашему сердцу памятники русского народного зодчества.

До XI века был этот край почти пустынным — лишь редкие поселения предков современных карелов встречались по берегам Онежского озера и реки Онеги. Но уже в XII веке, судя по древним документам, здесь было немало сел. Все они к концу XV века вместе с самим Новгородом становятся частью единого Русского государства.

В этом крае жили почти исключительно крестьяне. В поте лица своего трудились они на новых землях, вырубали и выжигали леса под пашни, обживали каменистые и болотистые места. Закаленные в постоянной, непрерывной борьбе с суровой природой, они никогда не гнули спины перед чужими и своими угнетателями. Страшное проклятие крепостничества, уродовавшее человека, лишь затронуло, но не придавило северные районы России, где распространилась так называемая черносошная форма феодальной зависимости. Много крестьян-раскольников переселилось сюда во второй половине XVII века после церковной реформы патриарха Никона (1654—1656 гг.). «Поляной лесовольной» называли они северорусские земли. Патриархально-размеренный уклад жизни здесь бережно оберегался и потому сохранялся долго.

Новшества принесла эпоха Петра I. Во время русско-шведской войны (1700—1721 гг.) были построены металлургические заводы, разрослись старые села и слободы, был основан Петрозаводск. Но в дальнейшем, особенно в XIX веке, Онежский край оказался в стороне от главных путей русской истории. Местная культура, созданная руками крестьян, во всей чистоте сохранила свой характер. Край жил неторопливой жизнью, храня древние обычаи и традиции. Теперь он — огромный заповедник древнерусской культуры. В местных

иконах многие века преломлялись традиции древней новгородской живописи. И знаменитые русские былины Владимирского цикла, родившиеся в Киевской Руси, были записаны не в Киеве и не в Центральной России, а за сотни верст от Днепра, в глухих заонежских деревнях!

Именно Заонежью, волею исторических судеб ставшему хранилищем русского народного творчества, более всего обязана наша фольклористика. Здесь жили такие широкоизвестные сказители, как династия Рябинных, из поколения в поколение передававших свой редкостный талант, Василий Щеголенок, прославленная вопленица Ирина Федосова и многие другие. Эта же ярко выраженная преемственность, упорная, можно сказать, истовая приверженность к образам и формам древнерусской культуры сказывается и в памятниках деревянного зодчества. Памятники эти разбросаны по всему Онежскому краю. Некоторые из них стоят теперь в Кижском музее-заповеднике.

Музей- заповедник „Кижы“

Поначалу этот музей возник на небольшом безлесном и почти пустынном острове Кижы на Онежском озере. А когда-то здесь было обширное поселение, именуемое в новгородских писцовых книгах «Спасский Кижский погост». Кижский — от названия острова, а Спасский — от названия церкви на погосте острова.

Само слово «погост» говорит о значительности поселения. Так в старину называли не только довольно крупную административно-территориальную единицу, состоявшую из нескольких волостей, со множеством сел, деревень, выставок и починков, но и ее главное поселение, служившее административным центром.

Здесь жили представители светской и церковной власти, стоял стрелецкий гарнизон; здесь происходили народные сходы, ярмарки, церковные и другие празднества. Сотни крестьян из окрестных волостей съезжались сюда на лодках и заполняли губную избу, толпились в трапезных церквей и под крыльцом, шумели в лавках и питейных заведениях, до отказа наполняли «дворы на приезд». Здесь были приказы и суды, лавки и ремесленные мастерские, амбары и склады, церкви и школы — одним словом, на погосте сосредоточивалась вся духовная, культурная, экономическая и политическая жизнь округа.

В писцовой книге московского дьяка Андрея Плещеева о заонежских погостах 1582—1583 гг. сказано: «Погост Спасский в Кижях на Онеге озере. А на погосте церковь Преображение Спасово, а другая церковь Покров Святии Богородицы»¹⁵. Какие они были — нам неизвестно. Уже значительно позднее, в переписи 1616 г., упоминается, что «верх у Спаса Преображенского шатровый», а относительно Покровской церкви говорится лишь, что она была «теплой».

Преображенская церковь, но уже не шатровая, а многоглавая, была возведена здесь в 1714 году, в самый разгар Северной войны, когда Россия прочно утверждалась на берегах Балтики и ста-

¹⁵ Невалин К. А. О пятинах и погостах новгородских XVI века. Прил. VI. — СПб., 1853. — С. 162.

Музей в Кижях

новилась мощной морской державой, когда пали крепости Гельсингфорс, Або и Ваза и по всей России гремели салюты в честь победы русского флота при Гангуте, когда уже предопределен был благоприятный исход Северной войны.

Вот в этой-то атмосфере возник величественный образ двадцатидвухглавой Преображенской церкви, звучащий как торжественный гимн героическому русскому народу в честь его исторической победы.

Неслучайно старинное предание прямо связывает строительство Преображенской церкви с личностью Петра I: «Петр Первый, путешествуя из Повенца Онежским озером, остановился у Кижского острова, заметил множество срубленного леса и, узнав о постройке, собственноручно начертил план»¹⁶. Так ли это было, нет ли — трудно сказать. Но в каждом предании есть доля исторической правды. В представлении народа сам факт сооружения Преображенской церкви и ее идейно-художественный об-

раз связывались, почти ассоциировались с личностью Великого Петра, с новой эпохой в истории Русского государства.

Праздничная, жизнерадостная нарядность, эпическая мощь и былинная приверженность земной красоте — таков образный строй памятника.

Несмотря на кажущуюся сложность композиции церкви, ее план и объемно-пространственная схема предельно просты и лаконичны. В их основе лежит традиционная схема восьмерика с четырьмя прирубями. Она имеет такие же глубокие корни в русском деревянном зодчестве, как и многолавие.

В архитектуре Преображенской церкви эстетика и практическая целесообразность проступают едва ли не в каждой детали. В ярусах глав и бочек, образующих стройную декоративно-конструктивную систему; в живописной скульптурной пластике открытого бревчатого сруба; в большой выразительности косячатых оконных и дверных проемов; в правдивой красоте и убеди-

¹⁶ Олонекские губернские ведомости. — 1892. — № 93. — С. 952—954.

Ансамбль Кижского погоста

тельной силе мощных кронштейнов, несущих крыльцо; в упругой, построенной на тонких контрастах, резьбе столбов, поддерживающих кровлю крыльца, и в характерной, мастерски прорисованной форме водосливов на кровле.

Анализ работы основных несущих конструкций церкви с оконными и дверными проемами и системой жестких пространственных связей внутри здания открывает перед нами все новые и новые достижения строительной мудрости, накопленной веками и основанной на предельном знании всех возможностей дерева как строительного материала.

При реставрации Преображенской церкви для покрытия ее глав и бочек было изготовлено тридцать тысяч осиновых лемешин. Большая их часть дополнительно подтесывалась при укладке, ибо деревянные кровли куполов делаются из лемеха, имеющего в основном только один какой-либо размер. Для нижней части купола, расширяющейся кверху, лемешины подтесываются по

кромкам снизу; для средней части они остаются такими, какими были заготовлены, а в верхней, сужающейся части купола они снова подтесываются по краям, но уже сверху. Поэтому в сужающейся части главы стыки вышележащих лемешин не совпадают с осями нижележащих и располагаются довольно свободно, но, разумеется, так, что эти стыки перекрываются верхними лемешинами.

Однако в современной реставрационной практике нередко отступают от этой традиционной особенности укладки лемеха и располагают его в шахматном порядке, уменьшая лемешины по мере сужения куполов. В самом верху главы они становятся чуть ли не в палец шириной. Вряд ли надо много говорить о том, как обесценивает эта ошибка архитектурно-конструктивные особенности лемеховой кровли, как теряется ее пластическая мягкость, как измельченный до нелепости лемех перестает быть надежной защитой главы.

Кижы осенью

*Иконостас
Преображенской церкви*

В реставрации нет мелочей. Каждый штрих, каждая, казалось бы, второстепенная особенность строительства как связующие нити сочленяют целостность памятника и выявляют его самобытные черты. Такими незримыми нитями, сотканными мастерами-зодчими, связана Преображенская церковь с окружающим пространством. Ее центричность, высота и всефасадность были ярким художественным выражением самой сущности центра большой крестьянской волости.¹⁷

Рядом с Преображенской церковью, как обычно на северных погостах, стоит зимняя теплая Покровская церковь. Она более утилитарна, менее величава в сравнении с летней. Построенная на полвека позже Преображенской церкви, она несет в своей архитектуре первые черты стилистического изменения народного деревянного зодчества. Все ее помещения — сени, трапезная, четверик и алтарь — имеют одинаковую ширину и в плане образуют вытянутый прямоугольник с двумя срезанными углами. Уже сам по себе план выявляет канонизацию всех частей церковного здания и подчинение их задачам культа.

В храме традиционного типа, к которому относится Покровская церковь, помещение трапезной было самым большим и превышало по площади собственно церковь в два-три раза, а иногда и больше. Если в XV—XVI веках трапезные встречались в церквях как исключение, то с начала XVII века, когда по всей России оживилась земская деятельность и окрепло местное самоуправление, они становятся почти обязательной составной частью зимних церквей. А сами трапезные превращаются в своеобразные центры мирской жизни многих погостов.

По своему назначению трапезная при северных церквях была гражданским помещением и служила главным образом для нужд населения погоста. Была местом мирской сходки — съёма, на котором жители погоста и входящих в его состав сел и деревень решали свои насущные житейские дела. Здесь происхо-

дили судебные разбирательства, оглашались царские и воеводские указы, принимали подати, заключали торговые сделки, выбирали должностных лиц и т. п. Здесь же, у крыльца церкви, публично наказывали провинившихся. Не было дня, чтобы здесь не толпились любопытствующий народ.

Против мирского использования трапезных боролась официальная церковь. Но вековые традиции народного зодчества продолжали жить. Так произошло и с трапезной Покровской церкви: она сохранилась, но размеры ее уже невелики, потому что ко времени постройки церкви изменилась основная функция, в которой уже не осталось места для трапезной как общественного центра всего погоста.

И все же Покровская церковь — один из лучших памятников народного деревянного зодчества Русского Севера.

Были нужны безупречный вкус и творческая дерзость, чтобы заменить традиционный шатер «букетом» из девяти глав, чтобы так удачно найти верное решение трудной задачи: что же поставить рядом с фантастическим многоглавием Преображения? Соперничать ли с ним или стремиться его превзойти? Подражать ли ему? Идти по пути резких контрастов или единозвучия форм? Эта задача была решена строителями. Покровская церковь прочно вошла в архитектурный ансамбль погоста, хотя об разный лад ее звучания совсем иной в сравнении с Преображенской.

Многоглавие этого памятника уникально. Его купола отличаются особой выразительностью, утонченными пропорциями, тонкими, изысканными профилями всех контуров, в то же время они достаточно скромны, чтобы не затенять величие церкви Преображения.

Архитектурный ансамбль Кижского погоста был бы неполным без шатровой колокольни, стоящей отдельно между Преображенской и Покровской церквами.

¹⁷ Известия Императорской Археологической комиссии. — Вып. 52. — Спб., 1914. — С. 129—131.

Преображенская церковь.
Кровля глав и бочек.
Реконструкция

Это самое позднее сооружение ансамбля, возведенное в 1874 году, когда пора расцвета народного деревянного зодчества уже миновала. Новая колокольня была поставлена на месте старой шатровой колокольни и в какой-то мере создавалась по ее подобию. Архитектура нынешней колокольни далека от традиций народного зодчества. Но постройка ценна тем, что хотя бы приближенно воспроизводит формы старой шатровой колокольни и восполняет традиционную часть ансамбля, типичную для архитектуры северных погостов.

Обе кижские церкви, колокольня и кладбище были окружены бревенчатой оградой. Но до наших дней она не дошла; сохранился только каменный фундамент, на котором уже в значительно более позднее время выросла новая ограда, сложенная из валунов. А ныне существующая сделана в середине пятидесятих годов при реставрации всех памятников архитектуры Кижского погоста.

Ее прообразом послужила весьма древняя ограда, чудом уцелевшая в одном из отдаленных уголков Онежского края — на Водлозерском Ильинском погосте. Возрожденная в Кижях, она не только способствует лучшему сохранению всего Кижского ансамбля, но и восполняет его неотъемлемую часть, опоясывая обе церкви и колокольню бревенчатым срубом и объединяя их в целостную архитектурно-пространственную композицию. И, может быть, самое удивительное в этой композиции то, что она создавалась одновременно, не по воле одного зодчего, а на протяжении более чем ста пятидесяти лет!

Идея создания в Кижях музея под открытым небом продиктована стремлением спасти ту часть наследия народного зодчества, над которой нависла реальная угроза полной и бесследной утраты. Это — жилые дома, амбары, гумна, мельницы и другие старинные крестьянские постройки, представляющие большую историко-культурную ценность. Сохра-

нить их на своих исконных местах не всегда удается, потому что они изжили себя морально, как отжила и сама старая деревня с ее патриархальным укладом жизни и натуральным единоличным хозяйством. Музей же гарантирует памятникам не только сохранность, но и делает их доступными для широких масс населения.

Такой музей был заложен в Кижях в 1951 году. Выбор этого места преполюбили, во-первых, мягкие, неяркие по тональности онежские пейзажи с широкими плоскостями светлого озера, со множеством разнотравных островов, с елово-ершистыми линиями материковых берегов-мандер, с задумчивыми, разбросанными по разным уголкам часовнями, с уютными избами и ладными амбарами — воедино сливающаяся красота земли и красота творений рук человеческих. Во-вторых, остров раскинулся на большой водной магистрали, опоясывающей его с обеих сторон и связанной не только с Петрозаводском, но и с такими крупными городами страны, как Москва, Ленинград и т. д.

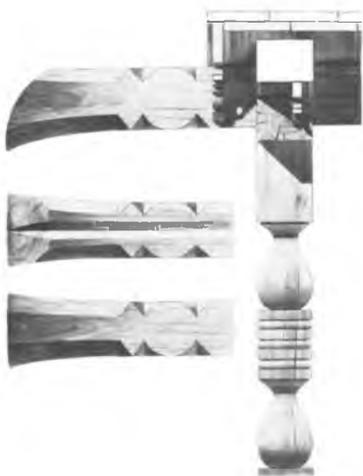
Среди кижских памятников-экспонатов жилые дома разных типов, с крытыми дворами, две ветряные и водяная мельницы, рига, всякого рода амбары, бани, часовни, два памятных креста под навесом и миниатюрная Лазаревская церковь — самый древний из сохранившихся памятников русского деревянного зодчества.

Не все они равноценны по своим художественным достоинствам, но каждый интересен по-своему. Одни отличаются ярко выраженным своеобразием архитектурной композиции, другие — оригинальностью и рационализмом технического устройства. В одних преобладают достоинства архитектурно-художественные, а в других все подчинено утилитарно-практическим задачам. В совокупности своей они дают достаточно полное и разностороннее представление о народном деревянном зодчестве, которое будет расширяться по мере дальнейшего пополнения хранилища музея.

*Покровская церковь.
Южный фасад.
Реконструкция*

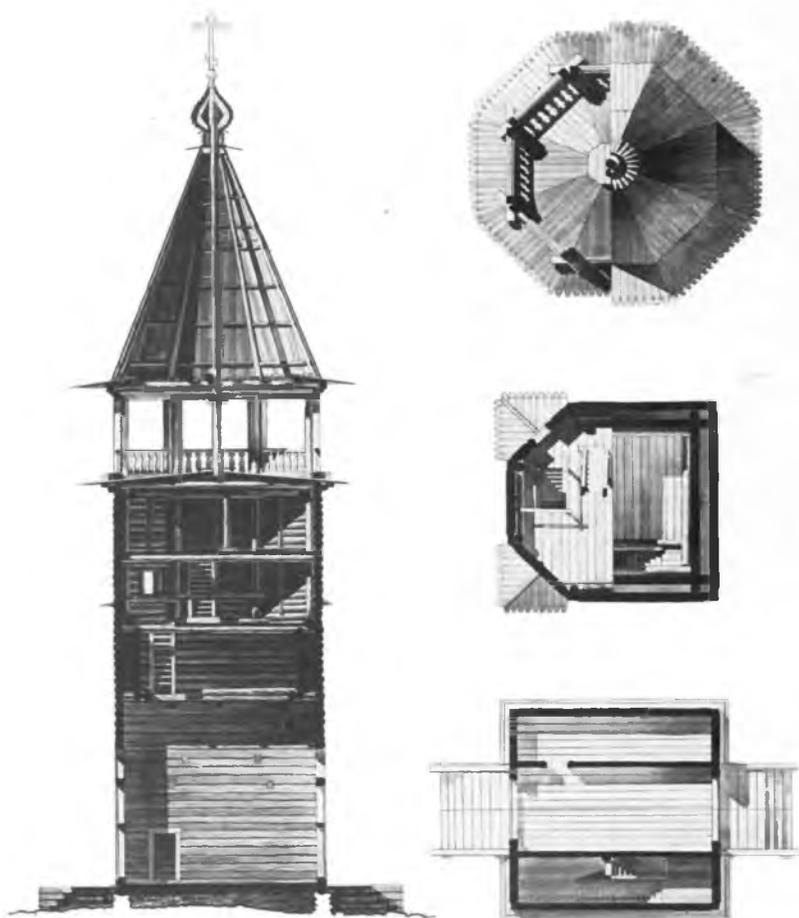

*Преображенская церковь.
Столб и «поток»
крыльца. Реконструкция*

*Покровская церковь.
Столб крыльца.
Реконструкция*

Колокольня Кижского погоста. Разрезы и планы. Реконструкция

Если в сибирских и южнорусских деревнях приусадебные постройки обычно ставились отдельно от жилья, чуть поодаль от него, на открытом хозяйственном дворе, отделенном от улицы глухим забором, то на севере отдельно от жилья стоят только гумна и амбары, а все другие хозяйственные постройки — конюшни, хлевы, сеновалы, сараи, навесы для инвентаря, а иногда даже и колодцы — объединяются вместе с жильем в одно целое здание, перекрытое общей кровлей, в один органично слитый архитектурный организм. Планировка таких домов-дворов укладывается в основном в три наиболее распространенных типа — «кошель», «глаголь», «брус».

В условиях натурального хозяйства из-за долгих северных зим с их снегами и стужей, бездорожьем, весенними и осенними распутицами тип дома-двора стал самым удобным, вероятно, только потому, что он позволял выполнять многие хозяйственные работы, подолгу не выходя на улицу.

Из всех крестьянских домов, перевезенных в Кижы, самый большой и эффектный — дом из деревни Ошевнево, что на Большом Клименецком острове. Это первенец, положивший начало созданию Кижского музея. Дом громадный.

Музей «Кижы»

Дом Елизарова из деревни
Середка в музее «Кижы»Дом Сереева из деревни
Догмручей в музее
«Кижы»

Дом в Заонежье. Фото
Н. Я. Колли (конец 20-х
годов)

Дом Яковлева из деревни
Клецейла в музее
«Кижь». Балкон светелки

в два этажа, со светелкой над ними и обширным крытым двором, с галереей-гульбищем, опоясывающей с трех сторон его жилую часть, и нарядными балконами у светелки. Его и избой-то не назовешь — настолько он велик и импозантен.

Под кровом этого дома объединены четыре избы для разных семей одного патриархального рода, светелка и два других летних помещения, да, кроме того, большая, еще не оборудованная клеть, которая по мере надобности могла тоже использоваться под жилье. Под стать жилью и двухэтажный двор, занимающий примерно две трети площади всего дома.

Тип дома из деревни Ошевнево получил в народе название «кошель». Архитектура его, хотя и типична для всего русского народного зодчества, но обладает такими особенностями, которые можно встретить только в Заонежье.

Среди крестьянских домов, сохранившихся в Заонежье, самым старым является дом Елизарова. Точная дата его

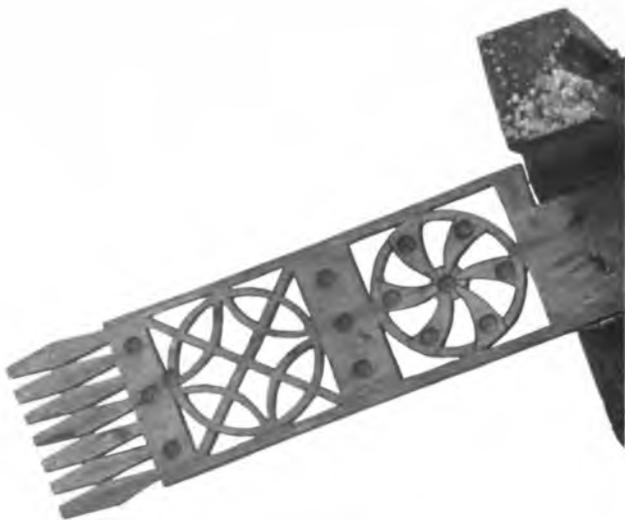
постройки не известна, но, судя по его архитектурно-конструктивным особенностям, он срублен в первой половине XIX века. План этого дома напоминает букву «Г», поэтому и сам тип таких домов назывался в народе «глаголь».

В отличие от богатого дома из деревни Ошевнево дом Елизарова намного скромнее и принадлежал он не столь зажиточному крестьянину. В нем лишь один жилой этаж и только одно жилое помещение, общее для всей семьи. Соответственно этому и размеры хозяйственной его половины значительно меньше. Отапливался дом по-черному. Словом, это была курная изба, какие строили в старину. Дым из печки выходил прямо в жилое помещение и, расстилаясь по потолку, вытягивался в особое отверстие с задвижкой — деревянным дымоходом. На крыше такого дома стояла деревянная резная труба — дымник. И хотя отапливалась изба по-черному, но ни сажи, ни копоти в ней никогда не было. Напротив, гладко отесанные бревенчатые стены и полы, широкие лавки, печной сруб и все, что находится ниже «воронцов», блестело чистотой, обычной

для всех северорусских изб. И лишь выше человеческого роста — чернота. Это закопченные верхние венцы сруба и потолка, отливающие синевой, как вороново крыло. Дым, расстилаясь по потолку, опускался до определенного уровня, и граница между чистой и закопченной частью стены оставалась в пределах лишь одного-двух венцов.

Дом Елизарова перевезен в Кижы из деревни Середка, расположенной, как и Ошевнево, на Большом Клименецком острове, из той самой деревни, в которой знаменитый русский ученый-фольклорист А. Ф. Гильфердинг впервые записал былины времен Киевской Руси. Было это в прошлом столетии.

Самый распространенный в Заонежье и по всему Северу тип крестьянского дома называется «брус». Свое название он получил от того, что в нем все помещения объединены в один вытянутый в длину прямоугольный сруб и

Окно дома из деревни Ошевнево

Дом Яковлева из деревни Клещево в музее «Кижы». Окно

Причелна дома из деревни Ошевнево

Амбар из деревни
Коккояла в музее «Кижь»

Амбар из деревни
Пелдужа в музее «Кижь»

Амбар из деревни
Пелдужа в музее «Кижь».
Дверь

перекрыты общей двухскатной кровлей. Образуется, таким образом, некое подобие бруса — равномерно отесанного с четырех сторон бревна. К этому типу относятся дом Сергеева из деревни Логморучей (Соломенное) и чуть похожий на него, но значительно больших размеров дом Яковлева из деревни Клещейла.

Оба памятника были построены в самом конце XIX века и оба теперь стоят в Кижском музее. Каждый из этих домов — типичная крестьянская постройка, широко распространенная в южных районах Карелии.

Кровли обоих домов сделаны «по потокам и курицам»; под кровлей — резные причелины; на окнах — витиеватые наличники с волютами, схожие по рисунку; в каждом доме — светелка. Словом, много общего. Главное их отличие в размерах. Дом Яковлева раза в два больше дома Сергеева.

В доме Яковлева, как и в доме из деревни Ошевнево, проживало когда-то несколько семей. Просторные сени с внутренней лестницей отделяли жилую часть дома от хозяйственной. Первый этаж, состоящий из избы и горницы, служил зимним помещением, а второй, повторяющий ту же планировку, — летним.

В доме Сергеева рубленные стены сарая поддерживаются массивными столбами, а в доме Яковлева нижнее пространство используется как хлев и составляет с сараем единый сруб.

Деревня Ямка на Кижском острове. Вид с озера

Праздничным, особенно нарядно-торжественным выглядит главный фасад дома Яковлева. Его достопримечательность — не только наличники на окнах и подкровельный декор, но и — главным образом — изящный трехарочный балкон светелки, насыщенный ажурной резьбой. Особо выразительны и самобытны в ней — одинарные розетки-«солнца», украшающие причелины, арки и столбы балкона.

Из домов различного типа, привезенных на Кижский остров из прионежских сел и деревень, сформирована ставшая ныне заповедной деревня Ямка — та самая, что частично уцелела ко времени формирования на острове музея-заповедника. Дома-памятники в деревне не пустуют. В них живут люди. Огромные дома не выглядят сиротами, безлично-сухими экспонатами. Но современная жизнь вносит свои, к сожалению, инородные черты: банки и амбары на Онего-озере обрастают моторными лодками и бочками из-под горючего; линия электропередачи пронизывает перспективу деревни; позади старинных изб появляются разновеликие дощатые подсобки...

Однако сама по себе идея воссоздания северной деревни на ее исконном месте хороша. Но ее осуществление не просто. Потому что русская северная

Жилые дома деревни Ямка (фрагменты застройки)

Дом Яковлева из деревни
Кивкиви в музее «Кижский»

деревня — это целый мир, очень яркий, цельный, своеобразный, полный жизни, скрытой от постороннего глаза. Чтобы познать ее, нужны не часы и дни, а месяцы и годы. В условиях музея воссоздать полнокровно-живую деревню невозможно, как нельзя воскресить и былые жизни. Но общее представление о северной деревне мы все-таки получаем, увидев крепкие избы и ладные амбары, уютные баньки и живописные, неспешно уплывающие к горизонту ограды из жердей.

Идея создания деревни-резервата как самостоятельного звена в экспозиции Кижского музея-заповедника зародилась еще на первом этапе его развития. При этом было намечено решение двух важных задач: с одной стороны, показать жилые и хозяйственные памятники в действии, а с другой стороны — обеспечить постоянным жильем сотрудников музея.

Частью архитектурного пейзажа северной деревни всегда были хозяйственные постройки. Самые заметные среди них — амбары. Каких только амбаров не строил русский крестьянин близ своего дома! Строил добротню, обстоятельно,

нередко украшал их. И немудрено — в амбарах хранилось самое великое крестьянское достояние — зерно. Впрочем, кроме хлебных амбаров строились на Руси и разные другие: для хранения всякой утвари и для сна в жаркое летнее время, для рыболовных снастей, соленой рыбы и лодок, лесные амбары-лабазы для охотничьих припасов, общественные амбары-мангазы и др.

На Кижском острове сейчас стоит около десятка различных амбаров. Первым в музей «переехал» амбар из деревни Коккойла, поставленный неподалеку от дома Ошевнева. Он построен во второй половине XIX века. Это — простая деревянная клеть в два этажа с галерейкой на главном фасаде и крутой наружной лесенкой. В первом этаже амбара находились сусеки для зерна, муки и крупы, встроенные прямо в сруб. Второй этаж служил хозяйственно-складским помещением для хранения всякого рода предметов.

Все амбары, стоящие теперь в Кижях, отличаются друг от друга. Да и в старых деревнях редко когда увидишь два одинаковых. Даже если они и однотипны, то все равно в каждом из них

Амбар в Пудожском секторе музея «Кижь»

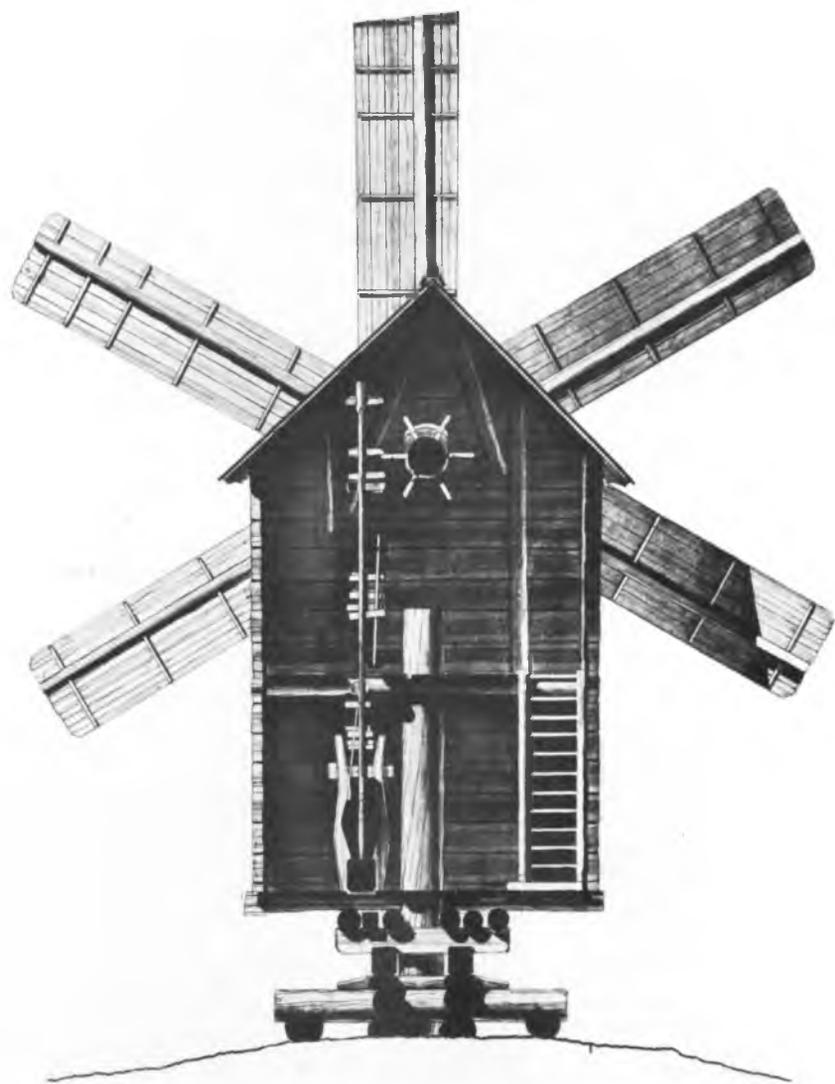
есть что-то свое, неповторимое. Надо учесть, что они существенно отличаются по своим типам.

Почти все хозяйственные постройки, перевезенные в Кижь,— амбары, мельницы, бани, рига— довольно позднего происхождения, созданы не ранее последней четверти XIX века. Конечно, в некоторых из них порой очень явственно проступают черты и элементы позднейшего времени. Но несоизмеримо больше выражены в них особенности и приемы самобытного деревянного зодчества значительно более ранних времен, традиции подлинно народной культуры, идущие из глубоких недр далекого прошлого.

Преимственность и традиционность в гражданской крестьянской архитектуре были исключительно прочны и жизнестойки, даже более чем в других областях деревянного зодчества и всего народного искусства. Как в шатровой колокольне XVIII столетия угадываются формы и образ древней сторожевой вежи, так и в избе прошлого века видится тип северного крестьянского жилища. Чтобы знать, где и как жили наши далекие предки эпохи Великого Новго-

Баня в деревне Ямка на Кижском острове

*Мельница из деревни
Волкостров в Кижях.
Реконструкция*

*Мельница в деревне
Волкостров до перевозки
в музей «Кижси»*

рода и Московской Руси, посмотрите в избы Ошевнева, Елизарова, Яковлева или Сергеева, в хозяйственные постройки Кижского музея-заповедника, в его церкви и часовни.

Каждое сооружение — своего рода поэма. Богатырские срубы стен под стать любой крепости. Не таковы ли величавые, торжественные ритмы былин? А затейливые украшения приветливых фасадов — как мелодии деревенских хороводов.

Три часовни и маленькая Лазаревская церковь, тоже ставшие экспонатами музея, построены намного раньше гражданских зданий, собранных в Кижях.

Лазаревская церковь перевезена сюда из Муромского монастыря, построенного новгородцами на юго-восточном берегу Онежского озера в самом конце XIV столетия. Памятник столь мал, что его можно назвать архитектурной миниатюрой.

В 1867 году, при перестройке Муромского монастыря, Лазаревская церковь была заключена внутрь нового большого храма, утратив при этом свой западный придел. В Кижском музее-заповеднике памятник полностью воссоздан.

Вешала в музее «Кижси»

Часовня из деревни Вигово
в музее «Кижь». Фото
Е. А. Ополовниковой

К приемам, свойственным раннему деревянному зодчеству, можно отнести, например, способ рубки углов в простую «чашу» без «потайного зуба» и без поперечного выступа, препятствующего продольному сдвигу бревен в стенах, при котором продольный паз выбирается не в верхнем, а в нижнем бревне; отсутствие потолков в алтаре; свободно, непринужденно нарисованные очертания угловых столбиков и т. д.

Если конструктивные приемы, примененные при строительстве Лазаревской церкви, кажутся несколько примитивными, то этого никак нельзя сказать о ее художественной выразительности. Зодчий в полной мере владел искусством создавать красивое простыми средствами.

Пропорции, размещение проемов и сама поверхность рубленых стен сделали эту небольшую постройку монументальной, а выразительные концы кровельного теса и лемеха наделили изяществом.

Памятный крест в музее
«Кижь». Фото
Е. А. Ополовниковой

Часовня из деревни
Лелюкзеро в музее
«Кижь»

Памятный крест в музее «Кижь». Полотенце и фрагмент столба. Фото Е. А. Ополовниковой

Для северных деревень характерна и другая разновидность культовых зданий — часовни. В отличие от церквей в них нет алтаря, да и размеры обычно невелики.

Впрочем, некоторые памятники являли собой довольно крупные сооружения. Пример тому — часовня из деревни Кавгора. Ее стройная шатровая звонница, устремленная ввысь, безраздельно господствовала во всей архитектурно-пространственной среде поселения и служила его композиционным центром. Как и многие другие часовни бывшего Олонецкого края, она датируется XVII—XVIII веками, отражающими два этапа ее строительства и две стадии формирования ее архитектурного образа.

Часовни из деревень Лелик-озеро и Вигово, перевезенные в Кижь, и те, что сохранились вблизи музея на своих исходных местах — в деревнях Корба, Воробы, Подъельники, Волкостров, Васильево, Усть-Яндома, однотипны. И тем не менее они совершенно непохожие и каждая интересна по-своему.

Своеобразие их облика отвечало неповторимости окружения природного и

Часовня из деревни Кавгора в музее «Кижь». Крыльцо

архитектурного. Так, в деревне, состоящей всего из двух-трех домов, часовня была поставлена чуть поодаль от жилья, на совершенно открытом и голом месте. Например, в деревне Васильево на самом Кижском острове.

В другой деревеньке часовня стоит совсем рядом с густой и темной еловой рощей и так, что ее стройный шатер издали не отличить от елки. Так «вросла» в пейзаж часовня в деревне Корба, до которой километра четыре от Кижей. Столь же неповторимо срослись с род-

ной землей часовни в деревне Воробьи на Большом Клименецком острове и в Усть-Яндоме.

При всей однотипности кижских часовен диапазон их архитектурно-композиционных различий широк. В одной из них западный придел подобен небольшому тамбуру, как в Подъельниках, в другой, напротив, он развит до масштаба трапезной, намного превышающей площадь самой часовни, как сделано в Васильеве. В этой часовне колокольня имеет второстепенный характер,

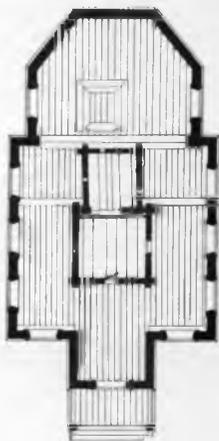
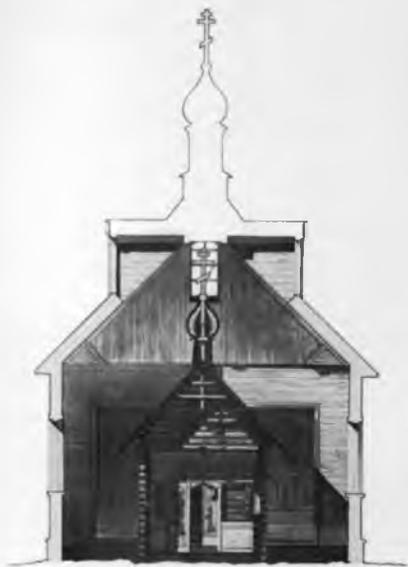

Часовня из деревни Кавгора в музее «Кижский дом». Выпуски-крюштейны, поддерживающие крыльцо

*Часовня в деревне
Кавгора до перевозки в
музей «Кижь»*

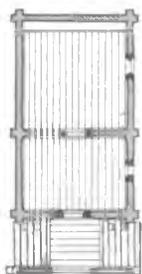
*Часовня из деревни
Кавгора в музее «Кижь».
Поперечный разрез.
Реконструкция*

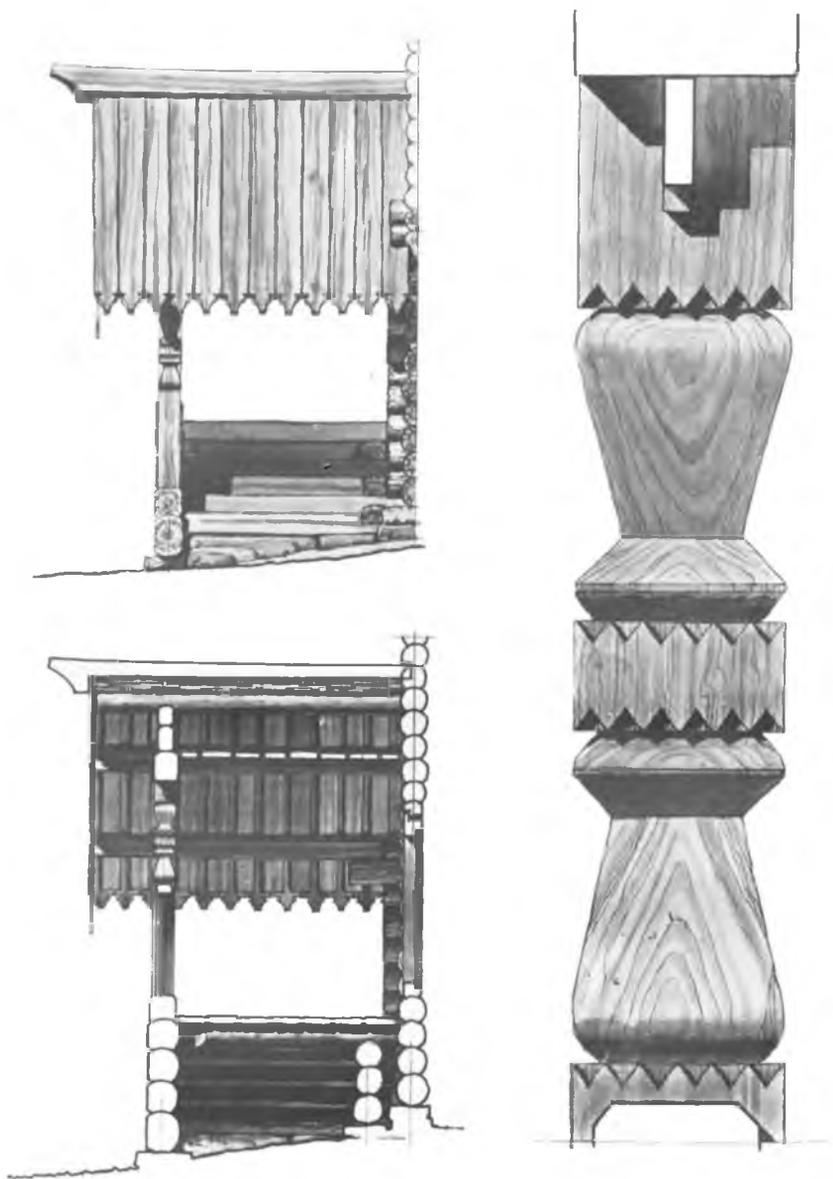
Обстройка Лазаревской церкви до перевозки в музей «Кижь». Обмер при участии Н. Савина

Лазаревская церковь Муромского монастыря. План. Обмер

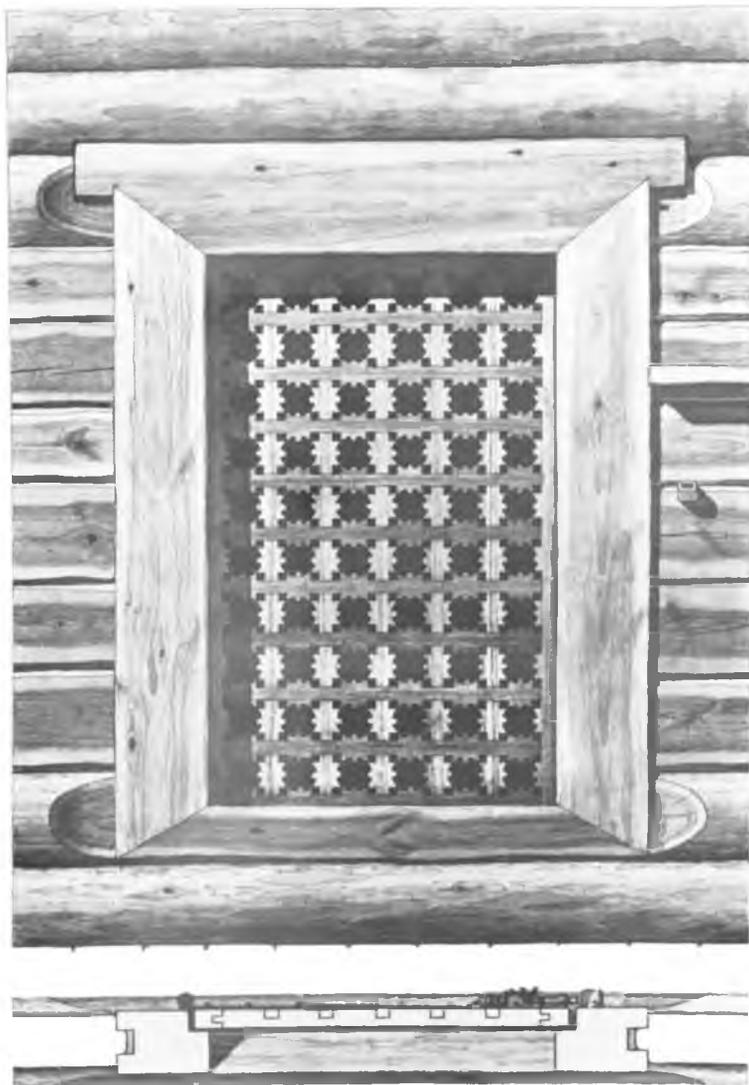
Лазаревская церковь Муромского монастыря. Разрез. Реконструкция

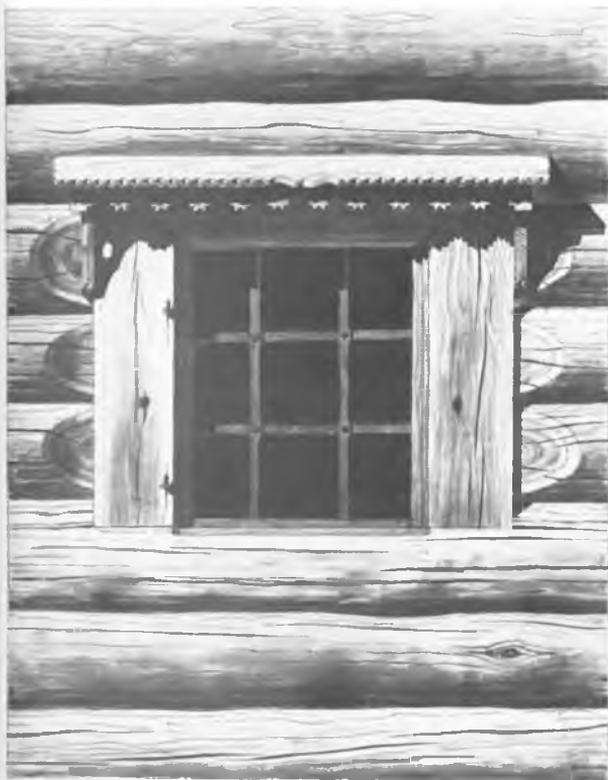
Часовня в деревне
Кефтеняны.
Реконструкция. План,
разрезы

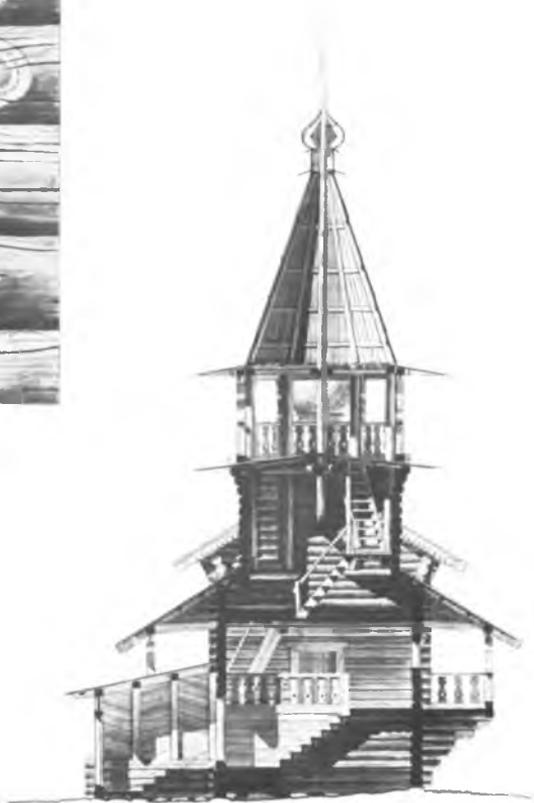
Часовня в деревне
Кефтеницы. Детали
крыльца. Реконструкция

*Часовня в деревне
Кефтеница. Дверь с
внутренней стороны.
Реконструкция*

Часовня в деревне
Волкостров. Окно.
Реконструкция

Часовня в деревне
Волкостров. Поперечный
разрез. Реконструкция

*Часовня в деревне
Волкостров. Вид с озера*

Часовня в деревне Еглово

Часовня в деревне Еглово.
Звоонница

а в Кавгоре или в Усть-Яндоме она перерастает в основную архитектурную форму здания, подчиняя себе всю его композицию и определяя его художественный образ.

В одной часовне потолок простой гладкий тесовый, а в другой — пирамидальный, подобный «небу» Преображенской церкви.

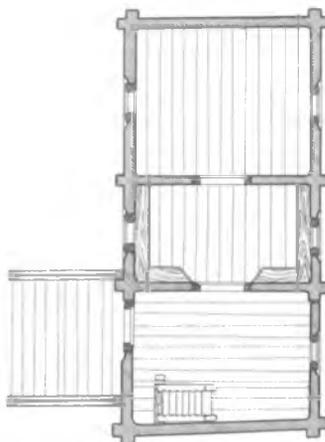
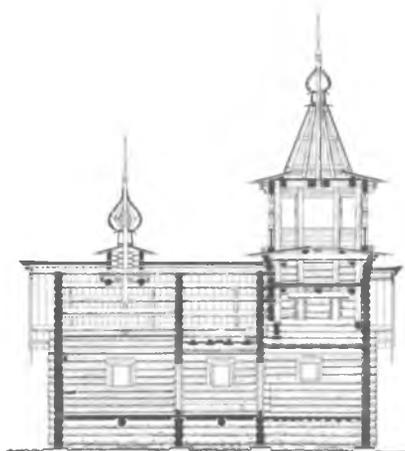
Не менее отчетливо выступают различия и во многих других частях и деталях, наружных и внутренних. Именно они и придают каждой из часовен особую ценность.

Неподалеку от Кижей, километрах в пяти от острова, в деревне Еглово, до недавнего времени стояла, но разрушилась небольшая часовенка. Она во многом напоминала часовню из деревни Вигово, поставленную на высоком каменистом краже в северной части музея-острова.

Схожа структура построения этих двух памятников. Все их помещения объединены общей двухскатной крышей и имеют одинаковую ширину; все они поставлены на подклет, хотя и невысокий, но тем не менее делающий каждую из двух часовен сооружением значитель-

Часовня в деревне Усть-Яндомы

Часовня в деревне Еглово.
 Поперечный и продольный
 разрезы

Часовня в деревне Еглово.
 Северный фасад

Часовня в деревне Еглово.
 План

ным. Одинаково расположены и крыльца: асимметрично относительно продольной оси с южной стороны сеней. Разница лишь в том, что ступени входа в Виговскую часовню расположены не как в Еглове — прямо по фронту крыльца, с южной стороны, а сбоку, с восточной стороны.

Первоначально часовня в Еглове представляла собой простенную невысокую постройку «клепкого» типа с кровлей по потокам и курицам. Но позже, очевидно, в конце XVIII или в начале XIX века, к ней была пристроена шатровая колокольня с сенями и крыльцом, причем ширина и высота новых сеней оставались такими же, как у часовни, и обе они вместе — старая и новая части — получили общую двухскатную кровлю. В результате этой перестройки вся часовня в целом получила новую композицию, ядром и центром которой стал шатер.

Графическая реконструкция часовни в Еглове выполнена с ориентацией на ее оптимальный облик, исторически сложившийся в традиционных формах народного зодчества, то есть на тот более поздний облик памятника, который он приобрел в результате обогащения его композиции шатровой звонницей. При этом восстановлены и относительно поздние элементы памятника, которые мы классифицируем как нейтральные¹⁸. Самым сложным вопросом был вопрос о кровле.

Дело в том, что подкровельная конструкция этой часовни, сохранившаяся в подлинном виде, несет в себе как бы два разных источника информации о типе кровли. На старой часовой есть следы и остатки куриц, а на новой — нет ни того, ни другого. Как же поступать в таких случаях? На какой тип кровли надо ориентироваться при ее реставрации?

Попытка восстановить кровлю, общую для старой и новой части памятника, была бы ошибочной. Такой кровли здесь никогда не было, да и быть не могло хотя бы потому, что постановка нового крыльца, его размеры и формы исключают саму возможность устройства здесь потока. А общая двухскатная кровля никогда не совмещает в себе

одновременно два типа конструкций — по потокам и курицам и обычную. Таким образом, вывод напрашивается сам собой — реставрировать следует обычную кровлю.

Часовня в Еглове имеет много общих черт со многими памятниками «Кижского ожерелья», расположенными в окрестностях Кижей по берегам Онежского озера. Они еще раз убеждают в многообразии композиционных приемов, используемых местными мастерами при строительстве однотипных памятников, в их глубокой приверженности древним строительным традициям. Стилевое единство построек формирует огромный архитектурно-пространственный ансамбль, главенствующую роль в котором занимает Кижский погост.

¹⁸ О наслоениях и оптимальном облике памятников деревянной архитектуры см.: Ополоникова А. В. Реставрация памятников народного зодчества — М., 1974. — С. 142—153.

Обонежье

Широко и далеко разнеслась по земле слава Кижского погоста. Величаво его многоглавие.

Но не только многоглавыми, а и шатровыми храмами славна Русская земля. Именно они стали ведущим типом народного деревянного зодчества. Возникновение и распространение на Руси шатрового деревянного зодчества прямо связано с практикой военно-оборонительного строительства и порожденными им архитектурными образами. Самый древний из них — образ сторожевой башни-вежи. Ее суровый и неприступный вид как символ независимой силы и спокойствия был наполнен глубоким патриотическим содержанием.

С шатровым зодчеством, этим замечательным явлением русской архитектурной мысли, связаны и общественно-философские позиции русского народа. В лучших памятниках шатрового зодчества во всю силу звучит героическая тема русской народной архитектуры.

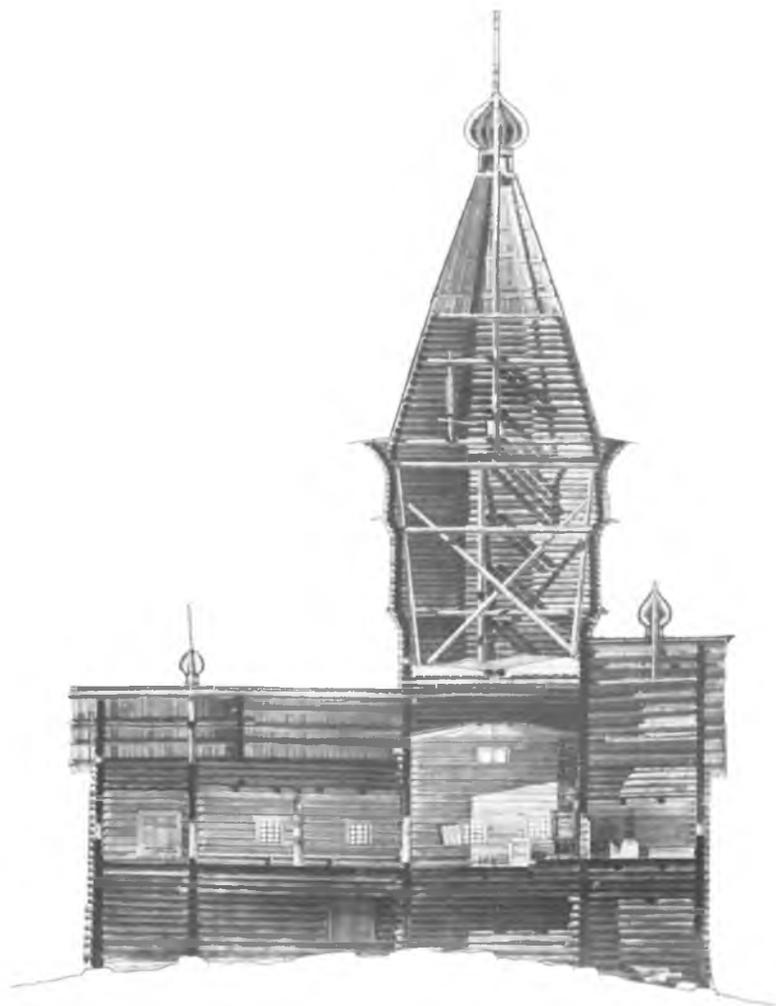
Вершина шатрового деревянного зодчества — Успенская церковь в Кондопоге. Нет ей равных среди шатровых цер-

Село Кондопога

Успенская церковь в
Кондопоге

Успенская церковь в
Кондопоге. Разрез. Обмер
1948 г.

квей. Удивительная и единственная в своем роде, она вместе с тем — типичный образец деревянных храмов местного прионежского типа, которым присущи две весьма характерные особенности — расширение центрального столпа кверху и фронтонный пояс на восьмерике. Благодаря этому расширению погашается при взгляде снизу перспективное сужение восьмерика, башня-шатер как бы увеличивается в размерах. Потому-то и кажется Кондопожская церковь, когда подойдешь к ней, такой величественной, потому так мощно взлетает она над головой, такой веет от нее строгой силой и державной сановитостью, сосредоточившей в себе гордую непреклонность и свободолюбие северян.

Не следует забывать, что когда строилась Кондопожская церковь (1774 г.), северное народное зодчество уже стало подвергаться заметному влиянию господствующей архитектуры — барокко и классицизму. Не следует забывать, что село Кондопога являлось местом, где влияние архитектуры «Северной Пальмиры» было особенно сильным. Ведь именно в Кондопоге грузили на суда гранит, мрамор, готовые архитектурные детали, идущие на строительство Исаакиевского и Казанского соборов, Зимнего и Мраморного дворцов и других сооружений. И именно прионежские мастера и плотники, работавшие в Петербурге, первыми привнесли в народное деревянное зодчество Олонецкого края новые мотивы декоративной обработки церквей и крестьянских изб — барочные иконостасы и фигурные наличники на окнах, трехарочные завершения балконов у светелок с витыми колонками и точеными башенками и весь пышный резной декор, столь характерный для деревянного зодчества Прионежья XIX века.

Однако, несмотря на то, что Кондопожская церковь создавалась в сравнительно позднее время и в атмосфере новых влияний, сами эти влияния совершенно не коснулись ее архитектуры. Более того, строители как бы сознательно игнорировали все новые течения, идущие от господствующей культуры, и

подчеркнуто противопоставляли им древние традиции народного зодчества. Она представляет собой воплощение этих традиций, взятых в их классически чистом и кристально-рафинированном виде.

Это — лучший деревянный храм России, своеобразный символ и творческое кредо архитектурно-строительной культуры русского народа.

Архитектура Успенской церкви в Кондопоге — результат многовекового пути развития того ведущего образа русского деревянного зодчества, у истоков которого стоит древняя сторожевая шатровая башня.

Берега Онежского озера хранят еще немало сокровищ русской культуры. Велика их притягательная сила.

Успенская церковь в Кондопоге, ансамбль Кижского погоста и Варваринская церковь в селе Яндомозере — вот три памятника, сохранившихся по берегам Онежского озера. Впрочем, Варваринская церковь в Яндомозере стоит не на самом берегу Онега, а километрах в десяти от него. Название места говорит само за себя — Яндомозере.

Варваринская церковь — это древний тип шатрового храма — «восьмерик на четверике с трапезной». Построенная в

Варваринская церковь в селе Яндомозере

Варваринская церковь в селе Яндомозеро. Разрез. Реконструкция

Варваринская церковь в селе Яндомозеро. Столб у входа в колокольню и балюса на звоннице. Реконструкция

Варваринская церковь в селе Яндомозеро. Два первых этапа развития памятника. Реконструкция

Варваринская церковь в селе Яндомозеро. Третий этап развития памятника. Реконструкция

Ильинская церковь в селе Поля. Вид с северо-запада

Ильинская церковь в селе Поля. Вид с северо-востока

Ильинская церковь в селе Поля. Основание колокольни

1650 году, она четыре раза перестраивалась.

На примере этого памятника можно проследить эволюцию построения шатровых храмов и развитие их форм в русле общерусских архитектурных преобразований.

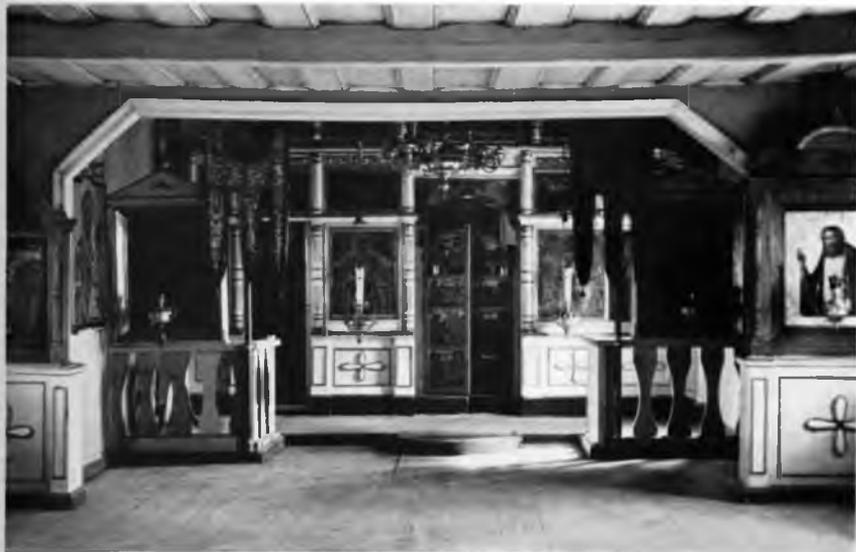
В конце XVIII века рядом с церковью была сооружена монументальная колокольня, а позднее, где-то в конце XVIII—начале XIX века, первоначальное крыльцо и сени церкви были разобраны и вместо них сделаны ныне существующие сени и крытый переход на колокольню, совмещенный с новым, более парадным крыльцом-галереей. Эти, сравнительно поздние части памятника, были выполнены в устойчивых традиционных формах и органично включались в образный строй уже существовавших церкви и колокольни, обогащая их объемно-пространственную композицию.

Нарушение образной целостности памятника произошло лишь после последней, четвертой по счету его перестройки, когда он стал жертвой формалистических искажений, типичных для конца XIX века.

Подобное «обновление» претерпел и другой, менее известный заонежский памятник,—Ильинская церковь в селе Поля, расположенном недалеко от Яндомозера.

Стоит это село, действительно, среди полей. И деревни вокруг не случайно

Ильинская церковь в селе Поля. Интерьер

зовутся: Широкая Нива, Великая Нива, Широкое Поле.

Ильинская церковь, в отличие от более древней Варваринской, не столь монументальна и стройна. Первоначально она была небольшой клетской церковью, к которой в конце XVIII века пристроили колокольню, почти такую же, как и в Яндомозере, да поставили не по оси здания, а «по старине», с некоторым, чуть заметным сдвигом к северу.

Низкое основание четверика колокольни, рубка ее углов «в обло», повал восьмерика, наконец, общее конструктивное устройство и пропорции здания — все это свидетельствует о верности древним традициям.

Истоки так называемой обонежской школы деревянного зодчества уходят корнями своими в глубь России.

Два знаменитых онежских храма — Успенская церковь в Кондопоге и Преображенская в Кижях — по своей архитектуре, конечно, не были на Руси единственными, и у них имелись предшественники.

Об Ильинской церкви на Саминском погосте, построенной в 1692—1702 годах, мало известно. А это — приглядитесь! — прообраз Кондопоги. Так же стройно величав ее шатровый столп, те же расширения срубов кверху, завершающиеся тугими повалами, словом, то же ощущение гордой устойчивости и уверенного взлета ввысь.

Но в отличие от Кондопожской церкви саминский памятник в конце XIX века претерпел на себе всю силу искажений. Сейчас его реставрируют: снимают его наружную обшивку — футляр, металлическое покрытие луковичных главок заменяют пластинчатым лемехом; отторгают как чужеродный элемент колокольню, пристроенную к церкви во второй половине XIX века (автор проекта реставрации Б. П. Зайцев).

Она будет восстановлена в стороне от древнего храма, чтобы эклектичностью своих форм не умалять целостного величия памятника.

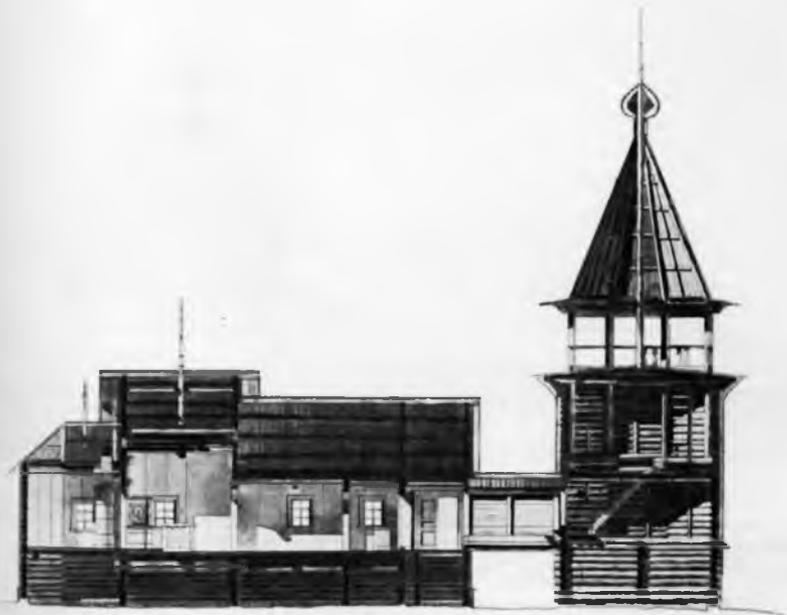
А ведь именно с этой целью — умалить, приглушить звучание дорогих народу образов древних деревянных цер-

*Ильинская церковь в селе
Поля. Южный фасад.
Обмер*

*Ильинская церковь в селе
Поля. Восточный фасад,
западный фасад, разрез по
переходу. Обмер*

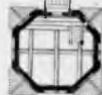
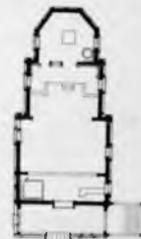
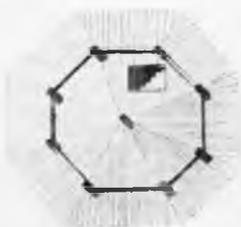

Ильинская церковь в селе Поля. Продольный разрез. Обмер

Ильинская церковь в селе Поля. Разрезы колокольни. Обмер

Ильинская церковь в селе Поля. Первоначальный столб звонницы. Обмер

Ильинская церковь в селе Поля. Планы по двум уровням. Обмер

Покровская церковь близ города Вытегры Вологодской области

квей—строились рядом с ними новые. Но тривиальная невыразительность позднейших построек только ярче выступала в соседстве с величавыми памятниками старины.

Вот и в Самино, рядом со стройной Ильинской церковью построен был в конце XIX века новый деревянный храм—Тихвинский. К этому времени все подлинно национальное, органически-самобытное было задавлено в культовом деревянном зодчестве. Появился казенный византийско-русский стиль¹⁹. Яркое и наглядное его выражение—Тихвинская церковь в Самино. Ее силуэт тяжеловесно-расплывчат, фасады измелечены множеством деталей, явно подражающих формам каменной архитектуры. Но эта постройка еще более оттеняет глубину идейно-художественного образа Ильинской церкви, тонкое мастерство создавших ее зодчих, их строгий, веками отшлифованный вкус, чуждый внешне-суетному украшательству.

И стоят эти церкви, олицетворяя, с одной стороны, тиранию власти, богатством утверждавшей себя, и с другой—подлинно национальные традиции, возвращенные духовной красотой человека, величием его мысли и воли.

В южных районах Обонежья зародился прообраз двадцатиглавой Преображенской церкви в Кижях.

Само по себе многолавие издревле известно на Руси. Летописи донесли до нас сведения о тринадцатиглавой Софии Новгородской, срубленной из дуба во второй половине X века. А двадцатичетырехглавая Покровская церковь была построена близ Вытегры в 1708 году (сгорела в 1963 году). Ее композиционная структура и многие архитектурно-конструктивные приемы не только предвосхитили кижский храм, но и заставили предполагать, что оба эти памятника созданы одними мастерами. Знаменательно и то, что строительство каждого из них народ связывает с именем Петра I, с эпохой великих преобразований в Русском государстве.

«По смутному народному преданию,—говорится в «Известиях Археологической комиссии»,—церковь сооружена на средства богатого крестьянина Плотникова, сын которого был казнен Петром Великим. План церкви будто составлен самим царем, высланным для его осуществления архитектора-голландца».²⁰ Это маловероятно. И в помощи архитектора-голландца вряд ли нуждались русские мастера. Вероятно, голлан-

¹⁹ Философов Д. В. Старое и новое: Статьи по вопросам искусства и литературы.—М.—1912.—С. 265—266.

²⁰ Известия Императорской Археологической комиссии.—СПб., 1914.—Вып. 52.—С. 129—131.

дец вошел в легенду просто как персонаж, олицетворявший высшее техническое мастерство. Что же касается самой архитектуры памятника, то в ней, начиная от общей композиции и кончая самыми незначительными деталями, нет ничего, что говорило бы об участии в ее строительстве иностранца. Каждый элемент здания, будь то восьмерик или бочка, резной столб или подзор, рубленные углы или устройство проемов, полов, потолков и прочего, свойствен только русскому народному зодчеству и типичен для его устойчивых традиций, сложившихся задолго до строительства Покровской церкви.

Известно, например, что при деятельном участии Петра в 1721 году близ Кончозера в Карелии, на Марциальных водах была построена небольшая деревянная церковь. Вот в ее-то архитектуре влияние «голландского стиля» налицо — достаточно взглянуть на сухие очертания обитых железом кровель с готическими шпилями.

В основе объемно-пространственной структуры Покровской церкви в Вытег-

ре, как и Преображенской в Кижях, лежит традиционный двадцатистенок, то есть восьмерик с четырьмя прирубками. Он имеет неправильную форму, продольный размер его 12 м, а поперечный — 13,5 м

Схема восьмерика с четырьмя прирубками издавна была популярна на Руси. Об этом говорят и летописные источники. Так, в 1490 году ростовский владыка Тихон пытался заложить в Великом Устюге на месте сгоревшей деревянной церкви другую, «по новому крестчатую». Но устюжанам «тот оклад стал не люб», и они добились права строить церковь «по старине круглу о двадцати стенах»²¹. Эта же схема была положена в основу композиционного построения замечательных шатровых деревянных церквей, например, в селах Астафьево, Селецкое, Ненокса Архангельской области²². Она же в основе Покровской церкви, где пять ярусов глав.

Каждый прируб этой церкви был покрыт двумя совмещенными бочками, поставленными одна над другой, и обе они несли на своих коньках по одной

Покровская церковь близ Вытегры. Восточный фасад

Покровская церковь близ Вытегры. Вид с северо-запада

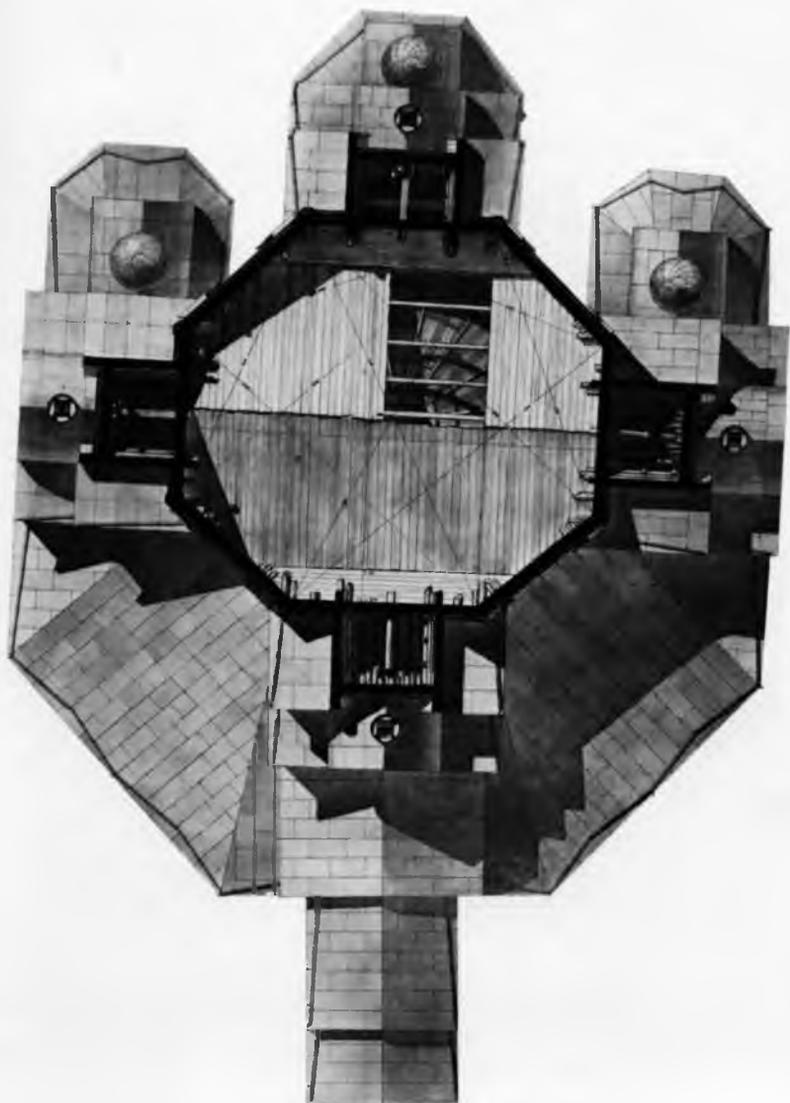

²¹ Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. — М., 1942. — С. 8.

²² Там же. — С. 132—133, рис. 301—312.

*Псковская церковь близ
Витебры. Западный
фасад. Обмер*

Покровская церковь близ
Вытегри. План. Обмер

*Покровская церковь близ
Вытегры. Продольные
разрезы. Обмер*

Покровская церковь близ
Вытегры. Фрагмент
потолка-«неба». Обмер

Покровская церковь близ
Вытегры. Поперечные
разрезы. Обмер

главе. Из этих глав и бочек складывались два нижних яруса всей композиции — первый и второй. Третий ярус также состоял из восьми бочек, завершающих каждую грань восьмерика. А четвертый ярус образовывала крещатая бочка, поставленная на малый восьмерик, возвышающийся над третьим ярусом²³. И самый последний, пятый ярус создавала центральная глава — самая верхняя и самая большая, венчающая всю эту пышную и стремительную композицию, объединенную в один нераздробленный объем.

Оба выдающихся памятника русского деревянного зодчества — церкви в Вытегре и Кижях — так прочно связаны узлами генетического родства, что их можно считать кровными сестрами.

Но у Вытегорской церкви есть три характерные особенности, отличающие ее от церкви в Кижях. Первая из них состоит в том, что ее основной массив образуют не три последовательно уменьшающихся восьмерика, а только два, и самый верхний, третий восьмерик, несущий

Покровская церковь близ Вытегры. Фрагмент потолка-«неба»

Покровская церковь близ Вытегры. Иконостас

²³ Четыре главы на крещатой бочке были уничтожены при обновлении церкви в 1880 году.

Покровская церковь близ
Вытегры. Царские врата

Покровская церковь близ
Вытегры. Фрагмент
клироса

щий центральную главу, здесь заменен крещатой бочкой. Вторая особенность — в конфигурации трапезной. В Кижской церкви трапезная с западной стороны прямоугольная, а в Вытегорской — со скошенными углами. Благодаря этому обстоятельству центричность Покровской церкви несколько нарушается в сравнении с Преображенской. И, наконец, третья особенность — в построении алтаря. В Преображенской церкви алтарный прируб один, а в Покровской — их три. Членение алтаря вносит некоторую дробность в построение восточного фасада, опять-таки снижая идею центричности всего объема Вытегорской церкви.

Однако эти особенности двух памятников не вносят в их общую композицию существенных различий. Именно в индивидуальных особенностях этих двух однотипных памятников раскрываются многогранные оттенки приемов и методов народного деревянного зодчества, всегда неповторимых даже при кажущейся повторяемостью.

Вытегорская церковь не раз перестраивалась. Самые значительные ее пе-

ределки были проведены в 80-х годах прошлого столетия. «Олонецкие губернские ведомости» за 1873 год, описывая Вытегорскую церковь и ее переделки, сообщали прежде всего, что «крыльцо о двух входах на юг и на север недавно разобрано и сделано без главы об одном ходе с запада». Здесь же есть ссылка на народное предание, которое говорит, что «при первоначальном построении было поставлено 25 глав, но при перестройке на верхнем осьмиугольнике уничтожено четыре главы и, впоследствии, одна глава над крыльцом»²⁴.

И, наконец, с благочестивым сожалением автор написанного свидетельствует, что интерьер церкви еще не переделан, что «внутренность» ее «далеко не соответствует наружному виду» (то есть обезображенному тесовой обшивкой), что «все здесь как-то темно, серо и просто, исключая царские врата в Покровском алтаре, которые недавно сделаны в новом вкусе и ярко бросаются в глаза пред прочим иконостасом. Впрочем, — добавляет автор, — надобно сказать правду, что здесь и вовсе нет особо устроенного иконостаса, а все иконы поставле-

²⁴ Олонецкие губернские ведомости. — 1873. — № 19. — С. 212—213.

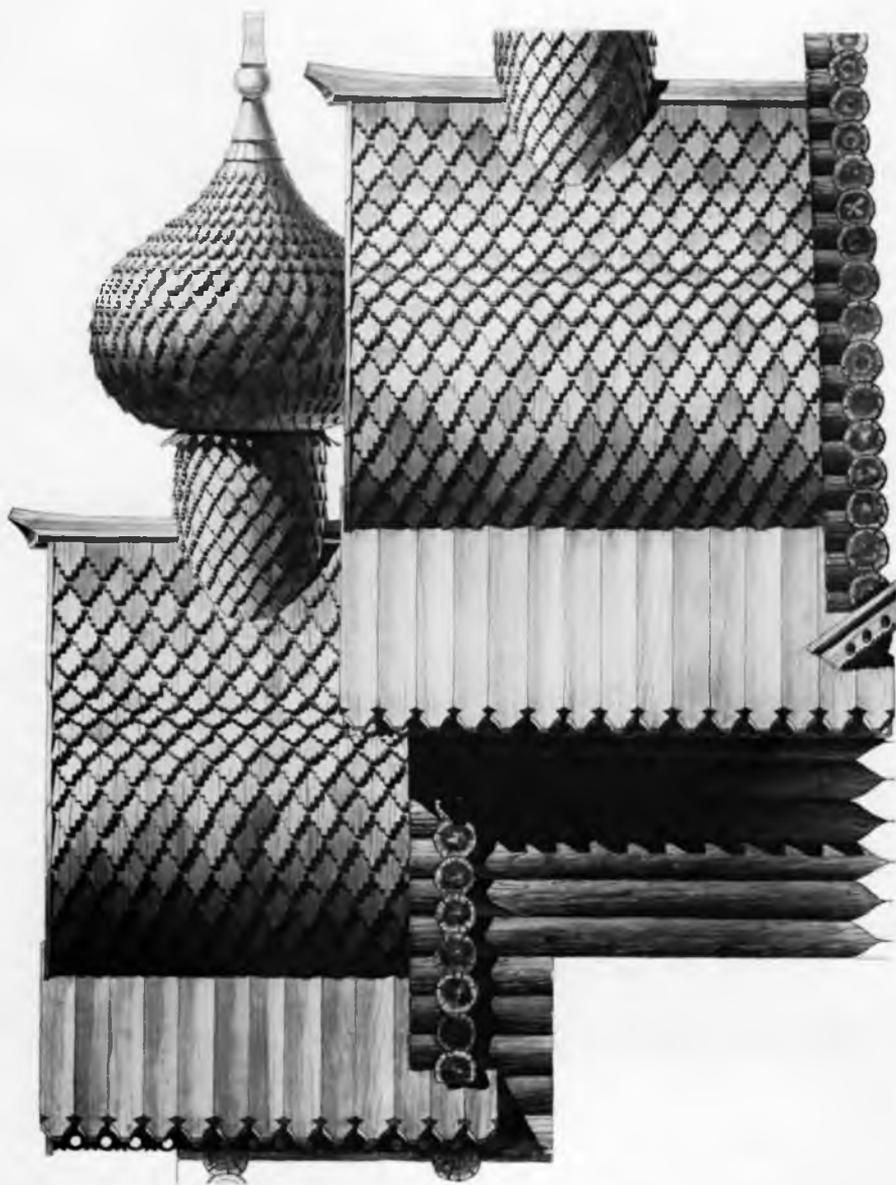
*Покровская церковь близ
Вытегры. Южный Финлянд.
Реконструкция*

*Покровская церковь близ
Вытегры. Восточный
фасад. Реконструкция*

*Покровская церковь близ
Вытегры, Западный
фасад. Реконструкция*

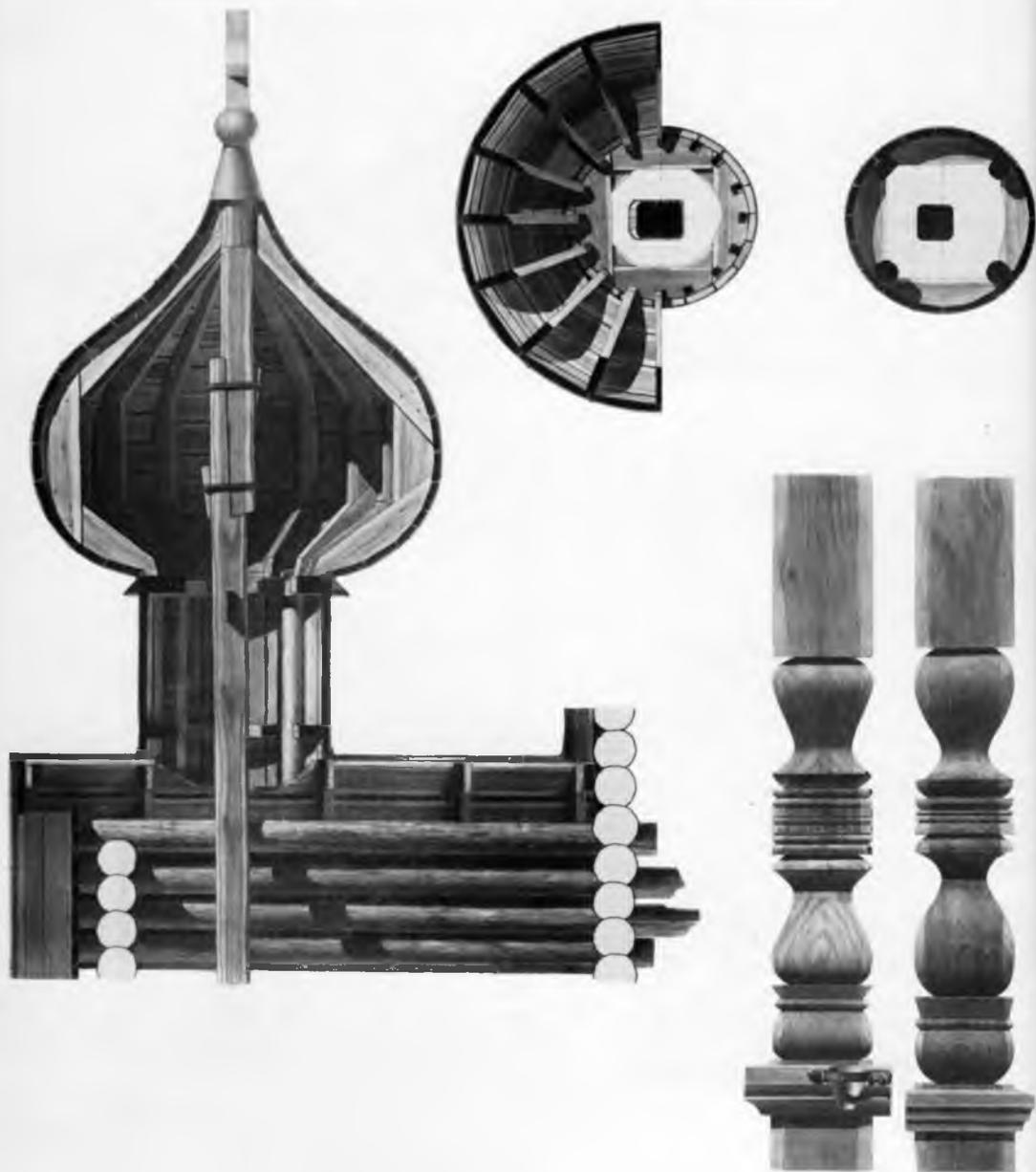
*Псковская церковь близ
Вытегры. Главы и бочки
первого яруса.
Реконструкция*

Покровская церковь близ
Вытегры. Крыльцо.
Реконструкция

Покровская церковь близ
Вытегры. Клирс и его
детали. Обмер

*Покровская церковь близ
Вытегры. Глава третьего
яруса. Обмер*

*Покровская церковь близ
Вытегры. Столбы
клиросов. Обмер*

ны в четыре яруса²⁵ на узких с краями полках, одна подле другой. Окна... небольших размеров и в церкви при потемном иконостасе и стенах не совсем светло. Посреди церкви против южных и северных дверей главного алтаря поставлены два огромных, простой работы клироса. Клиросы, кроме громадности и неуклюжести, много затемняют и вид иконостаса. Стены в церкви и до сих пор остаются в первобытном состоянии, даже не обиты и простой бумагой, и потемные, они скорее навевают на предстоящих какую-то тяжелую грусть, чем благоговение... Впрочем, в настоящее время есть надежда, что все это скоро изменится...».

И действительно, подлинная архитектура интерьера Покровской церкви — строгая и величественная в своей простоте — вскоре была искажена до неузнаваемости. Местный меценат, купец первой гильдии «почетный потомственный гражданин» А. Лопарев на свои средства привел помещение церкви к благолепному виду в новом вкусе. Могучие бревна ее стен были обшиты тесом и украшены яркими живописными картинами на библейские сюжеты в духе натуралистических литографий своего времени. На западной стене северного придела была надпись: «Выполнена сия стенная живопись усердием Александра Федорова Лопарева в 1898 г.».

О подлинном облике Покровской церкви можно судить по проекту реставрации. В нем прежде всего воспроизведена общая объемно-пространственная композиция двадцатичетырехглавой церкви. Именно двадцатичетырех-, а не двадцатипятиглавой, как говорилось в упомянутых «Олонецких ведомостях».

Маленькая главка над крыльцом в первоначальном облике церкви не существовала, как не было ее и на аналогичных крыльцах Кижской и Яндомозерской церквей. Кстати сказать, для восстановления недостающих частей крыльца и конструктивных узлов входа Вытегорской церкви — ступеней, поручней, водостока — были привлечены в качестве

аналогов подобные же элементы именно этих двух церквей в Кижях и в Яндомозере.

Историко-художественную ценность Покровской церкви трудно переоценить; она, как и другая, кижский, храм, являясь, по существу, одним из высочайших достижений русского деревянного зодчества, вместе с тем представляет собой и типичное монументальное сооружение Обонежья петровской эпохи.

Среди памятников Обонежья одним из наименее изученных можно смело назвать шатровую церковь в селе Росляково близ древнего города Пудожа.

Из Онежского озера вверх по реке Водле, на берегу которой раскинулся Пудож, паромы подходят прямо к пристани.

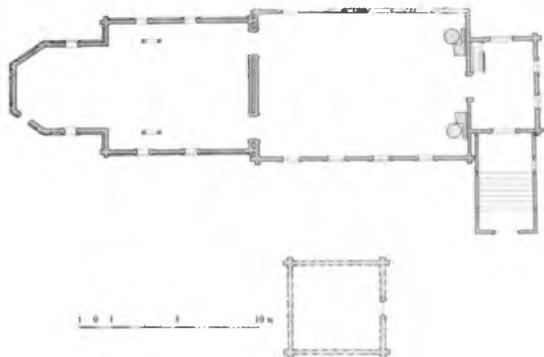
К городу подходят и автомобильные дороги, соединяющие его с Каргопольем, Северодвиньем, Вологодчиной, а также с северными заонежскими землями.

Как новгородское поселение Никольский Пудожский монастырь, или Пудога, известен с 1391 года, но сами новгородцы здесь появились намного раньше. По Пудожской земле шел важнейший путь из Новгорода на северо-восток, к рекам Онеге, Двине и дальше «за волоки» — в Заволочье к богатым, но еще малообжитым Мезенским и Печерским

Двухэтажный амбар-мангас в Вытегре. Фото Е. А. Ополоницкой

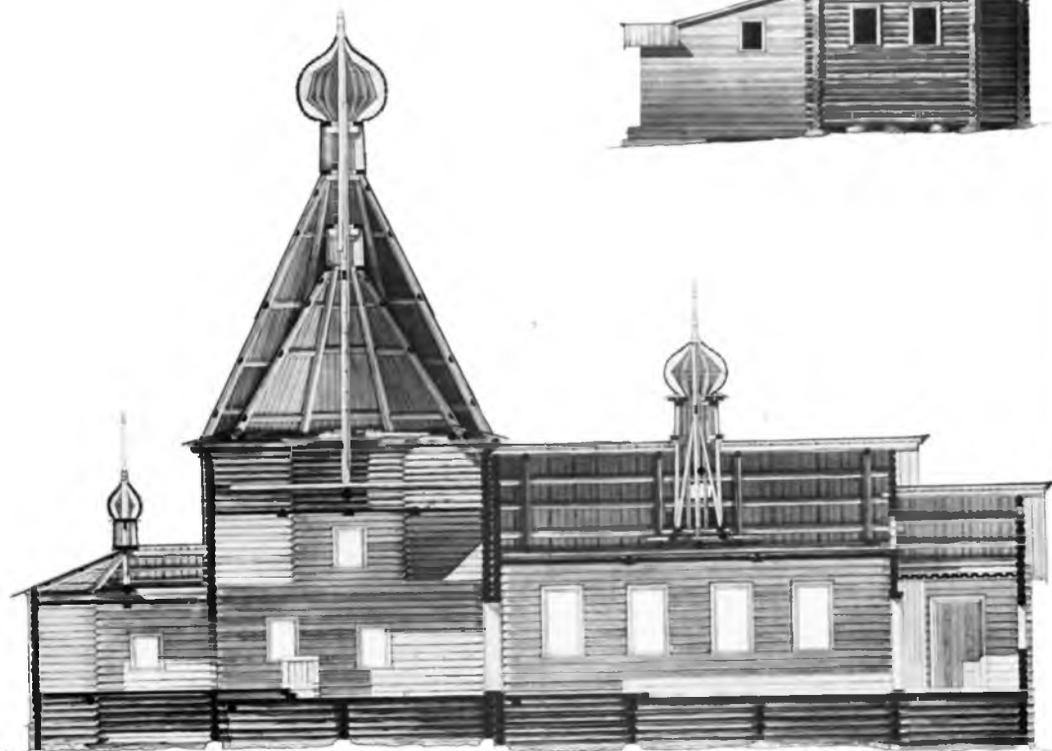
²⁵ Автор статьи, вероятно, ошибся — ярусов в иконостасе Покровской церкви было три, а не четыре.

*Церковь в селе Росляково.
План. Обмер*

*Церковь в селе Росляково.
Восточный фасад. Обмер*

*Церковь в селе Росляково.
Разрез. Обмер*

Церковь в селе Росляково.

краям, а оттуда — «за Камень», в таинственную Югру. Однако после падения Новгорода этот путь потерял свое значение.

Церковь в Рослякове была обмерена в 1947 году. С тех пор прошло немало времени, но памятник не привлекал к себе внимания ни реставраторов, ни искусствоведов. Это происходило, наверное, потому, что он настолько искажен позднейшими перестройками XIX века, что производит впечатление сравнительно «нового» памятника, малоинтересного на фоне знаменитых реликвий Обонежья. Но с каждым днем дороже нам следы былого, наша память, наша история.

И церковь в Рослякове заслуживает внимания.

Самая древняя и самая интересная ее часть — центральный столп, рубленный «восьмериком на четверике» и крытый невысоким шатром. Замечательно то, что при перестройке памятника поверх старого шатра был поставлен новый. Удивительное явление! На память приходит маленькая Лазаревская церковь, ко-

торая до перевозки в Кижы скрывалась под другой, более значительной по своим размерам церковью. А сам Муромский монастырь, где стояла церковь, находился сравнительно недалеко от Пудожя, в Обонежье.

Столь заботливое и бережное отношение старых мастеров-плотников, строивших деревянные храмы, можно объяснить лишь одной — единственной причиной: их приверженностью к старине. Однако приверженность эта не была бессознательно-слепой, мол, лишь бы старое. Нет, они глубоко понимали, а потому и чтли мудрость былого: понимали ее образное преломление в архитектурных и конструктивных формах древнерусских деревянных построек; умели читать мысли, заложенные в них.

Поонежье

Онего-Онега... Озеро и река. Земли вокруг озера зовутся Обонжьем или Заонежьем, а близ реки — Поонежьем. Так уж повелось.

У истоков реки Онеги стоит город Каргополь. О его существовании известно уже в XIV веке. В 1380 году каргопольский князь Глеб вместе с князьями белозерскими явился по призыву Дмитрия Донского защищать от татар землю Русскую. Храбро бился он с недругами и пал на Куликовом поле.

В XVII веке в ведении каргопольских воевод находилось все Поонежье. Однако в XVIII веке значение города в административно-хозяйственной жизни России, как и многих ее северных городов, заметно угасает. Он теряет свою самостоятельность и попеременно принадлежит Ингерманландской, Санкт-Петербургской, Новгородской, а с 1801 года — Олонецкой губерниям. Но традиции поонежской земли чтит и оберегал народ. Долго сохранялись они и в строительстве.

Народное деревянное зодчество — не застывший в своем развитии слой рус-

Церковь в селе Сусино
Архангельской области

ского искусства. Нет, этот слой, а точнее — могучий, животворный пласт, на протяжении многих веков своего существования оставался неизменным лишь в своей основе, подобно генетическому коду сохраняя и уверенно выдвигая вперед свою программу жизни, многоликую по форме, но целостно-единую по своему содержанию — часть всей русской культуры. Изменения архитектурных форм народного деревянного зодчества до определенного исторического рубежа не выходили за пределы традиций, развивая и совершенствуя их, поднимая уровень строительного мастерства на более высокую ступень. Вплоть до середины XIX века деревянное зодчество не выходило за пределы самобытных традиций и сохраняло отношение к дереву как к материалу искусства.

Всего в пяти километрах от Каргополя среди широких полей стоит на небольшой возвышенности шатровый храм Иоанна Златоуста. Ближайшее к нему село — Саунино. Но сам памятник разместили чуть поодаль от села, на старом кладбище, обнесенном прежде оградой из валунов.

Почти ровесница яндомозерского памятника²⁶, Златоустовская церковь имеет с ним немало общего. Прежде всего наблюдается сходство архитектурно-пространственного решения, которое выступает особенно ярко, если рассматривать обе церкви без колоколен, зная о периоде их первоначального строительства.

Характерная особенность Златоустовской церкви — асимметрия расположения ее помещений относительно продольной оси. Так, обширная трапезная церкви и вход смещены к югу. Из-за сдвига осевой линии трапезной два ее фасада — южный и северный — выглядят по-разному. Северная стена трапезной срублена вровень со стеной храма, а южная заметно выступает вперед, создавая дополнительную игру объемов.

Внутри храм перекрыт подвесным потолком — небом. Эта жесткая каркас-

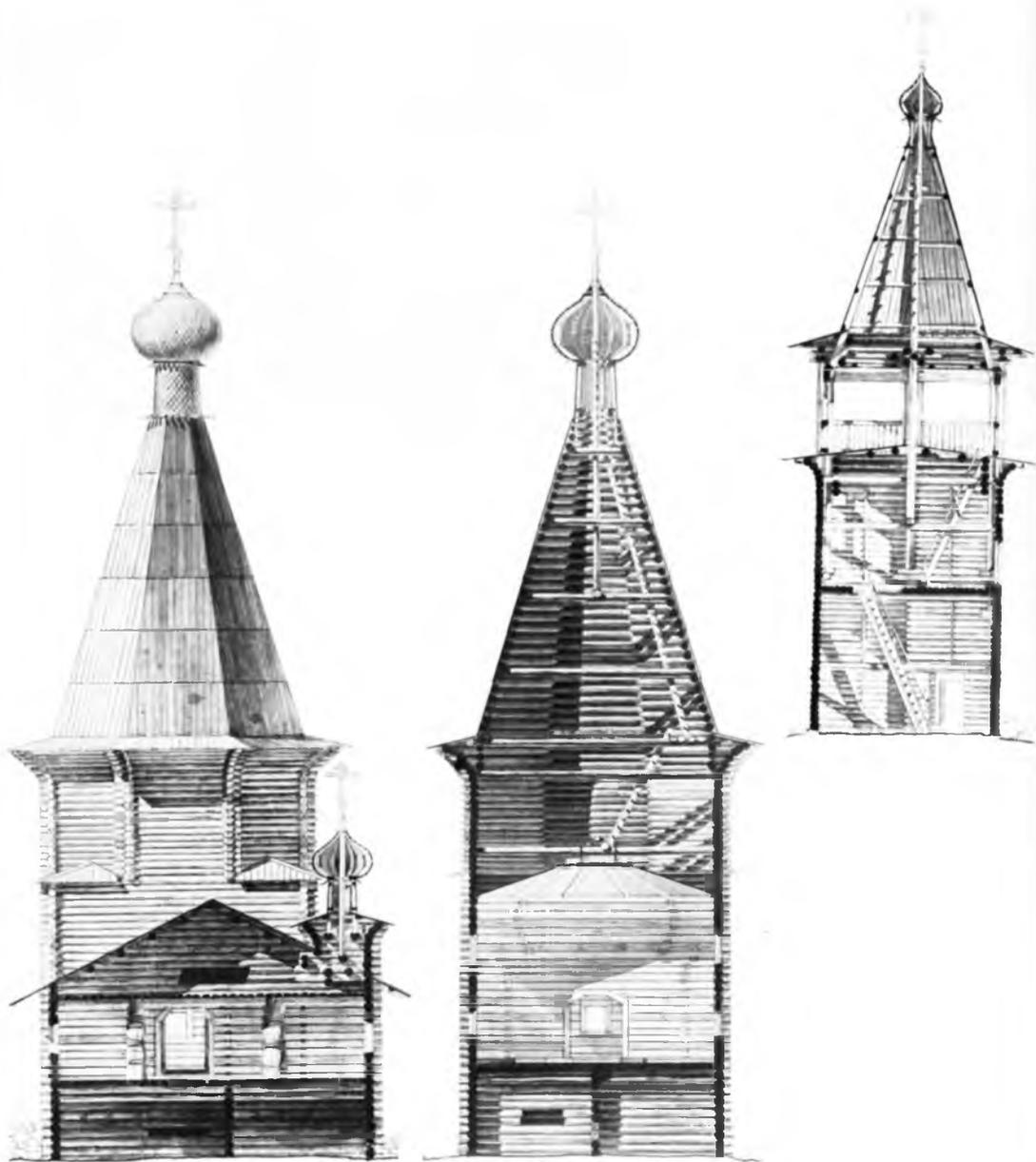

но-пространственная система крепится с помощью двух железных кованых хомутов к поперечной балке-бревну, врубленному в северную и южную стены восьмерика. 12 косяков потолка обшиты тесом. На них во весь рост изображены были 12 апостолов. В центральном медальоне — поясное изображение Христа. Наклонные балки-тябла, разделяющие косяки, покрыты изящной росписью с растительным орнаментом. Подобного рода храмовые перекрытия и их живописное оформление типичны для многих культовых зданий XVII—XVIII веков.

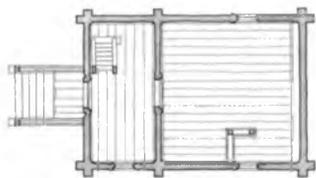
*Часовня в деревне
Нижний Падуи
Архангельской области.
Общий вид в застройке
села*

К югу от трапезной церкви, на расстоянии около 10 метров от нее, стоит мощная приземистая колокольня с шатровым покрытием. Композиционно она подчинена центральному шатру, ее высота сравнительно с ним невелика. Шестигранная, идущая от земли колокольня рублена «в лапу», из-за чего в ее силуэте нет тех живых линий, которые обогащают архитектурно-художественный образ яндомозерской колокольни. Да и в пропорциях ее ощущается отход от традиций народной архитектуры; в них нет той спокойно-устойчивой внушительности, которой пронизаны образы древних колоколен. Но сама постройка колокольни, асимметричная по отношению к церкви, замечательна.

²⁶ На кресте церкви сохранилась храмовая надпись, свидетельствующая о ее постройке в 1665 году.

Церковь в селе Сауино.
Разрезы церкви и
колокольни. Обмер

Часовня в деревне
Нижний Падун. Южный
фасад. Обмер

Часовня в деревне
Нижний Падун.
Продольный разрез и
план. Обмер

Часовня в деревне
Нижний Падун.
Поперечный разрез и
западный фасад

Курные избы в деревне Малый Халуи

Изда в деревне Малый Халуи Архангельской области

Курная изба в деревне Большой Халуи

а пилой. Все это вкупе с общей неслаженностью пропорционального строя памятника свидетельствует об изменениях всего народного деревянного зодчества, характерных для капиталистической России. Даже часовня на Илексе, построенная примерно в то же время, что и в Нижнем Падуне, не выглядит столь отчужденной по отношению к древним памятникам, как это явственно прослеживается в образе нижепадунской часовни. Этот образ кажется каким-то случайным, лишенным внутренней, вдумчивой целостности,— именно той отличительной особенностью всех памятников народного деревянного зодчества, которая и делает их целомудренными, одушевленными, насыщенными мыслями и чувствами их создателей. Осознание и видение целомудрия—целостной мудрости— всегда радостно для человека. Поэтому и произведения искусства, в том числе и памятники народного деревянного зодчества, являются для нас источником радости—радости глубинной, неслучайной, укрепленной корнями познания.

Планировочными центрами северорусских селений являлись не только культовые сооружения. Им нередко отводилась и совсем незаметная роль в архитектурно-пространственной среде. Так, часовни ставили порой в ряду общей застройки, позади нее или вообще поодаль: у моста, близ погоста, на лесной дороге. А планировочными центрами служили торговые площади—развилки дорог, мысы, заливы рек и озер. Все зависело от природы. Частью природы становилась и архитектура, органически вплетаясь в ее пространственный строй.

Так рождался архитектурно-природный ансамбль. Человек создал себя как часть окружающей среды, как одушевленное сосредоточение естественных сил и культурно-исторических традиций. Каждое северное селение всегда представляло собой единый архитектурно-природный ансамбль, пространственно-целостное образование. И важное место в нем занимали гражданские постройки.

При поспешном взгляде она может показаться даже случайной. Однако никакой случайности, конечно, здесь нет. Тонкое чувство гармонии, веками выверенное, побудило зодчих поставить колокольню именно так. При взгляде на церковь с самых разных точек — вблизи и издали — создаются, благодаря свободной постановке колокольни, самые неожиданные ракурсы и композиционные сочетания, неповторимые и неожиданные.

В архитектурно-пространственной композиции северных поселений церквям и колокольням всегда принадлежала главенствующая роль. То же можно сказать и о большинстве часовен. О большинстве, но не обо всех.

Часовня из Кавгоры, к примеру, воспринимается не менее значительной, чем многие церкви. В типологическом ряду часовен она должна, пожалуй, быть завершающей.

В противоположном конце этого ряда можно поставить часовенки-«амбаронки», отличающиеся от простого амбара лишь крестом с главкой.

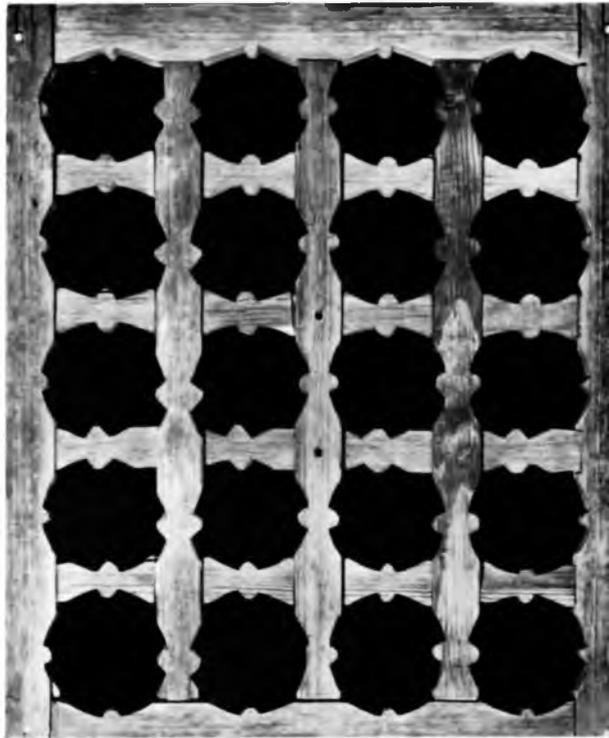
В маленькой часовне на реке Илексе нет даже главки: крест установлен прямо на крыше, на коньке. Фронтон часовни, рубленный из массивных, круглых бревен, сильно выдается вперед, напоминающая рундук или свес амбара. Его поддерживают четыре столба, образующие вместе с невысоким парапетом ограждением некое подобие небольшой открытой галереи, служившей одновременно и папертью.

В целом архитектурно-конструктивное построение этого памятника ничем не отличается от множества северорусских амбаров с той же двухскатной кровлей над четырехугольным срубом, с тем же навесом и резными столбами, с теми же косячатыми дверями. Снять крест с часовни — и она превратится сразу же в такой вот самый обыкновенный с виду амбар.

Часовня в Илексе — это еще один пример единства не только архитектурно-конструктивных приемов построения памятников народного деревянного зодчества, но даже и объемно-планировочных схем их построения. «По

Курная изба в деревне
Гарь Архангельской
области

старине», «как водится», «по образу и подобию» — дорогими были эти слова для старых мастеров, канонизированные не церковным уставом, а собственным сердцем и собственным разумом.

Часовня в деревне Нижний Падун напоминает не амбар, а скорее крестьянскую избу. Да и стоит она как простая изба в ряду деревенской застройки, выделяясь лишь невысокой звонницей и маленькой главкой с крестом. Часовня эта, судя по ее внешнему облику, сравнительно поздняя — построена, по видимому, в последней четверти XIX столетия. Вход-крыльцо часовни и звонница крыты простой тесовой кровлей слеговой конструкции на два ската. У нее большие окна, малые выпуски бревен сруба выведены почти «под линейку» и обработаны не топором,

Курная изба в деревне Гарь. Дымник

Курная изба в деревне Горка. Оконная решетка

Курная изба в деревне Горка. Часть дверного проема с датой постройки избы

Село Верховье на реке Мудьюге Архангельской области. Фрагменты застройки. Фото Е. А. Ополонниковой

Имба Третьякова в деревне Гарь на Каргополье... Она была приметна изда-лека. На светлом фоне неба четко вырисовывается силуэт массивного дымника. Его необычная форма завораживает. Это — курная, отапливаемая по-черному изба.

Интерьер избы — свидетель былой старины, не тронутый позднейшими архитектурными устремлениями. Таким он был и сотню лет назад: гладко выскобленные бревенчатые стены с их муаровыми переливами бесконечно разнообразного рисунка натурального дерева; широкие лавки вдоль стен и полки-воронки для посуды; закопченный, черный, как смоль, потолок, поддерживаемый могучими балками-матицами; наконец, традиционная русская печь без трубы, уцелевшая в своем первоизданном виде без малейших изменений.

Циклопические размеры деталей печи, мягкая пластика декора с выразительными кривыми линиями, крупными и упругими, нарисованными твердой рукой настоящего художника, ставят ее в один ряд с лучшими памятниками народного творчества. Ныне такая печь — редкость.

Село Верховье.
Колокольня и церкви.
Фото
Е. А. Ополонниковой

как и деревянные трубы-дымники. Кое-где еще можно найти полуразрушенные остатки этих архаичных частей избы. Да и этих старинных изб уже почти не осталось...

Одна-единственная деталь — резная деревянная решетка окна — сохранилась от стоявшей некогда в деревне Горка на Онеге большой избы. Год ее постройки — 1811 — был вырезан на фигурной перемычке дверного проема...

Село Верховье.
Тихвинская церковь. Фото
Е. А. Ополонниковой

Село Верховье.
Входоцерусалимская
церковь. Фото
Е. А. Ополонниковой

В поонежских деревнях амбары часто ставили не поодиночке, а группами. Иногда их выносили за пределы жилой застройки и располагали «на задах» или за околиней, образуя живописные «стайки», а порой и целые улочки. При односторонней застройке деревни амбары нередко ставили напротив домов, и тогда они образовывали нечто вроде второй стороны улицы. Так поставлены амбары в селе Архангелы, у паромной переправы через Онегу. К началу 60-х годов их осталось только три. Один из амбаров — с галереей — восстановлен в музее деревянного зодчества «Малые Корелы».

И хотя время постройки амбаров различно, но в каждом из них преемственно переданы по эстафете веков все характерные черты и особенности архитектуры подобных зданий более раннего времени, о каждом из них можно сказать, что это не только типичные, но и типовые здания своего времени и места, которые еще совсем недавно можно было встретить в великом множестве и повсюду.

«Во всем облике этих зданий, — писал

*Часовня XIX в. в деревне
Низ Архангельской
области*

Р. М. Габе.— ярче, нежели в каких-либо других хозяйственных сооружениях, выражены национальные черты крестьянской архитектуры, которые особенно ощущаешь, когда проходишь по деревенской улице мимо целого ряда амбаров и амбарчиков, чарующих своими прекрасными формами, отображающими глубокую старину»²⁷.

Ответственная функция амбаров как хранилищ годового запаса зерна предьявляла к их внешнему облику особые требования. Даже при беглом взгляде на хлебные амбары видна их добротная прочность и пропорциональная слаженность.

Не менее заботливо сделаны внутренние помещения амбаров. Сусеки для зерна, крупы и муки—это самая суще-

ственная и характерная часть амбара—представляют собой встроенные в сруб длинные и высокие лари, разделенные внутри поперечными перегородками. Причем каждый отсек устроен так, что на место взятого количества зерна в разборный ящик поступает самотеком такое же количество содержимого из сусека.

Амбары бывают одноэтажные и двухэтажные, с наружной лестницей и с внутренней, с навесом и без навеса, с навесом на столбах и на «выпусках», с входом в боковой стене и в торцевой, с односкатной крышей и двухскатной, одинарные и двойные, спаренные торцами и боковыми стенами, на столбах и без столбов, с сусеками на одной стороне и на обеих. Это лишь амбары для зерна или хлебные.

²⁷ Габе Р. М. Карельское деревянное зодчество.— М., 1941—С. 183.

Типичной двухэтажной постройкой такого рода предстает перед нами амбар в деревне Рудаково на реке Чурьеге. О его внутреннем устройстве можно судить по обмеру-реконструкции совершенно однотипного амбара в селе Поля. Что же касается наружного облика амбара в Рудакове, то самым замечательным его элементом можно считать дверь с рублеными дверными косяками и мастерски кованными железными деталями.

Тут еще раз убеждаешься, что в народных творениях эстетическое начало никогда не заменяло практически-утилитарное.

Деревянные бревенчатые мосты... Их возводили плотники — «мостовики» еще во времена Киевской Руси. До недавнего времени их можно было увидеть на многих северных реках — от маленького мосточка, перекинутого через ручей, до огромного моста длиной свыше ста метров.

Конструктивную основу больших мостов составляют рубленые ряжи-городни с системой внутренних «карманов» для валунов, размещенных на различных уровнях. Для рек с твердым, каменным дном, затрудняющим устройство обычных, то есть свайных, оснований, бревенчатый ряж является не только самой рациональной опорой деревянного моста, но и единственно возможной, так как большинство северных рек, порожни-

стых и бурных, имеет твердое каменное дно.

Поверх ряжей в продольном направлении укладываются ряды прогонов. Каждый прогон состоит из мощных бревен, обычно трех, уложенных одно поверх другого. В поперечном направлении на них настилается сплошной бревенчатый накат — проезжая часть моста.

Не веришь своим глазам, когда видишь, как по таким мостам, уже порядком обветшалым, идут тяжелые грузовики и мощные тракторы. Непокорны мосты и могучим потокам весенних вод. Можно только удивляться тончайшей расчетной интуиции крестьянских зодчих. Мудрость жизни — источник их мастерства.

В деревне Овчинконец (Федоровская) через реку Кену перекинут рубленый мост на пяти ряжах-городнях. Время его строительства неизвестно. Но еще в глубокой древности здесь проходил путь в Новгородскую землю. Позже, в XVII—XVIII веках, кенорецкие поселения принадлежали большому местному монастырю, имевшему широкие торговые-хозяйственные связи со многими областями России. Словом, издревле кенский мост являлся важным соединительным звеном в системе здешних путей-дорог. Его, несомненно, неоднократно обновляли, заменяя подгнившие бревна новыми. Правомерно предположить, что через каждые полвека мост строился

Село Верховье. Бани.
Фото
Е. А. Ополовниковай

Село Рудаково
Архангельской области.
Амбар

заново на небольшом удалении от предыдущего.

По своему конструктивному устройству ряжевые мосты, сохранившиеся и поныне на Онежской земле, схожи со своим древним предком — «Великим мостом» через Волхов в Новгороде, рубленным также на городнях, заполненных камнями.

Начиная с 1133 года летописи постоянно свидетельствуют о различных пов-

реждениях наводнениями, бурями, ледоходами новгородского моста²⁸.

Мосты на ряжах — это не только особый тип гидротехнических сооружений, выполняющих свои прямые транспортные функции. Многие из них, в частности мосты на реке Кене, представляют собой крупные, выразительные сооружения, входящие неотъемлемой частью в ансамбли северных деревень. Вместе с жилыми и хозяйственны-

*Село Архангелы
Архангельской области.
Амбары. Фото 50-х годов*

*Амбар из села Архангелы
в музее «Малые Корелы»*

*Село Архангелы.
Интерьер одного из
амбаров*

²⁸ Подробнее см.: Забелло С. Каргопольская экспедиция // Архитектурное наследие. — М., 1955. — № 5. — С. 14.

Село Рудаково
Архангельской области.
Дверь амбара

Село Рудаково. Кованая
задвижка двери амбара

ми постройками, часовнями или церквами они активно участвуют в формировании пространственной организации поселений. Их роль порой не менее ответственна, чем культовых зданий. Впрочем у каждой постройки свои, строго определенные пространственные задачи. Они настолько точно выверены, что изъятие одного сооружения влечет за собой нарушение архитектурно-пространственной целостности среды.

Так и случилось, когда часовню из деревни Федоровская перевезли под Архангельск, в музей деревянного зодчества. Она стояла на высоком берегу реки Кены и служила композиционным финалом долгой горизонтали дороги, частью которой был деревянный мост. Здесь все было взаимосвязано и расставлено по своим местам. Не стало часовни — и один из редкостных ансамблей Русского Севера лишился своей композиционной законченности.

В наш бурный век великих преобразований сохранение памятников деревянного зодчества на своих исконных местах — задача не из легких. От слишком многих случайностей зависит нередко их жизнь. И, главное, что никто их не охраняет, и они — бесхозные — спокойно разрушаются. Причиной их гибели бывают не только стихийные бедствия — пожары, но и само время, предопределяющее их физическое старение. Однако в музее, получив вторую жизнь, памятники теряют долю своего обаяния, так как теряют прежнее окружение.

Многое зависит и от качества реставрационных работ, от понимания реставратором поставленных перед ним задач, от умения проникнуть в суть, глубину архитектурного образа памятника.

Если внимательно посмотреть на «старую» часовню, стоявшую когда-то в Федоровской, и на «новую», стоящую ныне в «Малых Корелах», то нетрудно заметить различие их образов. И дело тут не в том, что полуразрушенная, стоящая в привычном для нее окружении часовня эмоционально естественно,

гораздо больше воздействует на зрителя. Но и в условиях музея памятник мог бы обладать не меньшей лиричностью и выразительностью. Мог бы... Однако не обладает. Почему? Да потому, что большая часть его деталей выполнена сухо.

«Искусство там, где чуть-чуть», — гласит известная мудрость. Чуть-чуть сужены при реставрации пластичные, будто натужившиеся от тяжести столбы, поддерживающие свесы кровли. — и уже исчезает естественная слаженность их очертаний. Чуть-чуть упрощен рисунок причелин; чуть-чуть не так уложен деревянный лемех на главке: чуть-чуть изменены, к тому же как-то совсем нетипично для народных построек — с уменьшением кверху — опоры-столбы звонницы; чуть-чуть... Плоские резные балясины ограждения галереи почему-то появились вместо сплошного дощатого парапета, новые ступени-полубревна заменили широкие старые доски лестницы, а в сочетании с полоской перил, лишенных ограждения, образовалось скорее стилизованное под старину, нежели таковым являющееся в действительности новое крыльцо.

Случайность в прорисовке деталей ветрудно заметить в целом ряде других памятников, стоящих ныне в музеях деревянного зодчества под открытым небом. Сохраняются их массы, их общая архитектурно-пространственная композиция, но исчезает живая трепетность линий, а вслед за ней упрощается, приобретая налет ремесленничества, и сам облик памятника, нарушается его архитектурно-образный строй.

В плотном окружении домов и хозяйственных построек затерялась часовня в селении Усть-Поча. Еще совсем недавно вокруг нее были могучие, разлапистые ели. Они высохли, отжили свой век, а древний памятник стоит крепко. Практическая надобность в нем давно отпала. Нужные, но, к сожалению, некрасивые постройки плотно обступили его, будто желая вытеснить.

Часовня в Усть-Поче — значительно более древний памятник, чем в Федоров-

ской. Точная дата ее постройки неизвестна. Однако достаточно взглянуть на обмер-реконструкцию часовни, чтобы убедиться в его древности. Рубленый «в обло» двухчастный сруб, открытая паперть в виде галереи, опирающаяся на мощные выпуски-кронштейны, традиционная резьба причелин и столбов, кровля «по потолкам и курицам», шатровая звонница с бревенчатым шестериковым основанием, косячатые окошки и многое другое. Эти конструкции говорят

*Село Калачиха
Архангельской области.
Деталь амбара*

о том, что часовня была построена не позже первой четверти XIX века, когда новые веяния еще на коснулись незыблемых в прошлом основ древнерусского деревянного зодчества.

В интерьере памятника особо примечательны «небо» в самой часовне и массивный портал, ведущий из галереи в трапезную. В изящно прорисованных косяках этого портала с их мягкими, округленными по углам линиями и стрельчатым завершением сверху выявляется не только мастерство плотников, но и их тонкий художественный вкус. Глубинная, строгая красота, соотношенная с законами жизни, здесь не подменяется броским ремесленным многодельем. И удивительно сочетание вещей, казалось бы, противоречивых: в тяжеловесно-могучих формах много тонкого лиризма и задушевной доброты, строгая суровость форм смягчена пластикой линий.

С трепетом и благоговением относился народ к мастерству древних зодчих, несмотря на новые веяния в архитектуре, несмотря на новые указания и диктаты. Так, при радикальной переделке Петропавловской церкви на Лычном острове в одной из ее стен между новой обшивкой и древним срубом был спрятан резной столб крыльца. Причем для него было сделано специальное углубление в стене.

Мы полагаем, что не случайно спрятали его под обшивку плотники,

люди, великолепно понимающие художественную ценность этой детали. Спрятали, в глубине души веруя, что народные традиции, истинно народное искусство сильнее, глубже показного блеска и стандартизированного бездушного богатства, каковым в конце XIX века обвлеклась церковь на Лычном острове.

Сохранность старого столба дала возможность реставраторам правильно определить уровень пола нижней площадки крыльца, определить место нижнего свеса кровли, не говоря уже о декоре других столбов крыльца, и т. д. Словом, эта важнейшая часть памятника была восстановлена с максимальным приближением к первоначальному своему состоянию.

С тем же явлением — сохранностью старого столба крыльца под обшивкой — столкнулись реставраторы при исследовании часовни в деревне Авдотьино. Деревня стоит на левом берегу Онеги, а часовня в ней — на видном, возвышенном месте, отражаясь зыбкой рябью в онежском речном перекате.

Когда-то часовню с трех сторон обрамляла открытая галерея, поддерживаемая выпусками бревен, а с западной ее стороны находилось крыльцо — похожее на то, что у Усть-Почской часовни. Но при всей традиционности архитектурно-композиционного построения часовня в Авдотьино обладает и своими неповтори-

Мост через ручей близ деревни Ни

Мосты через реку Большая Сивада (приток Кены). Фото Е. А. Ополовниковой

мо-индивидуальными особенностями. Наиболее яркая из них — острроверхая клинчатая кровля, в которую по бокам врубается крыша галереи, имеющая более пологие скаты. Образуются как бы широкие полницы, и вся кровля приобретает оригинальный силуэт, слагаемый из простых и привычных архитектурных элементов.

Силуэт всегда играл решающую роль в построении культовых зданий и их ансамблей. Большое внимание уделялось строгой соразмерности и соподчиненности завершений церквей и колокольни, их взаимосвязи с окружающей застройкой.

Старинные культовые ансамбли почти всегда размещали на высоких, открытых участках, видных издали. Вокруг — широкие просторы, заснеженные зимой и зеленые летом. Все просто, ясно, спокойно. Сама природа научила строителей видеть и ценить простоту и четкость форм, их соразмерность и строгость — словом, те качества, которые так восхищают нас в памятниках народного зодчества. И потому памятники эти настолько гармонично вписаны в природу, что кажутся ее частью, будто самостоятельно выросли, без участия человека.

Глубоко прочувствовав и поняв северную природу, мягкую красоту непышноцветной и незнойной земли, русский народ создал подобную этой природе и этой земле архитектуру — классически строгую, простую и правдивую: архитектуру как одухотворение природы.

Турчасово... Старинное село на Онеге... В его названии, в самом звуке и буквосочетании есть что-то устойчивое, прочное, убедительное.

Сейчас Турчасово — село, а в давние времена здесь был укрепленный город, новгородская крепость, разрушенная в конце XVI века при вооруженном нападении на Холмогоры и Турчасово «свейских немцев».

Мост через реку Кена.
Фрагмент опоры-бъяка.

Турчасово стоит на левом берегу Онеги, на холмистой гряде, отделенной от реки лугом. Противоположный берег — высокий, обрывистый. Он называется Острожной горкой. Здесь когда-то стоял деревянный острог. А на левом берегу была посадская сторона.

В «Книге Большому Чертежу» при описании северных земель «город Турчасов» встречается довольно часто как географический ориентир и как крупный населенный пункт, весьма значительный в экономической и торговой жизни Онежской земли. «А от Каргополя Онега потекла в море, а по ней, от моря 60 верст, город Турчасово, а от Белозера Турчасово 350 верст...», — это в разделе «О Волге». Далее же, в «Росписи рекам поморским», опять упоминание о Турчасовском городе: «А от устья реки Онеги вверх по Онеге 70 верст, на левой стороне город Турчасов»²⁹. Речь, несомненно, идет об одном и том же поселении XVII века, причем весьма крупном, с развитой системой внешних торговых связей. По рекам-озерам шли к Турчасову пути из Ильинского погоста на Водлозере, из Выгорецкой обители (Дани-

²⁹ Книга Большому Чертежу. — М. — Л., 1950. — С. 134 и 152.

Часовня Кирика и Улиты
на реке Илексе
Архангельской области

Часовня в деревне
Аюдовино. Вид с северо-
востока. Фото
Е. А. Ополонниковой

Часовня при входе в село
Почозеро (у моста через
реку Поча)

Часовня близ
Почозерского погоста

ловского монастыря), из Кижского погоста. «С востоку в Онежское озеро пала река Водла промеж озера Выга и города Турчасова»¹⁰.

Бурные весенние разливы из года в год, из века в век подмывали берега турчасовской крепости. Но остатки валов и рвов вокруг нее сохранились и по сей день. При археологических раскопках, проведенных в 1971 году, были обнаружены основания тыновых стен — стоячего острога, укрепленного на валах. В мысовой, юго-западной части острога были видны следы спуска пандуса, некогда замощенного валунами. Он шел от ворот крепости к реке. Интересно, что шурфы и раскопы, заложенные по всей площади крепости, по валу и рву, показали, что культурный слой внутри крепости отсутствует¹¹. Этот факт свидетельствует о том, что поселения внутри стен фактически не было. Значение крупного города Турчасов получил благодаря развитой посадской стороне. Она же и обусловила его заметную роль в хозяйственной жизни края. А сам острог оставался дозорной, «стоялой» крепостью, где во время набегов неприятеля, по большей части «свейских немцев», скрывался посадский люд, преобразуясь по мере необходимости и возможности в ратников — защитников родного города.

Центральное место на посадском холме занимал великолепный ансамбль из двух деревянных церквей и колокольни. Веками сложившийся уклад жизни был отражен и в архитектурных формах этого ансамбля, и в планировке всего села.

Найдревнейшая постройка ансамбля — Преображенский девятиглавый храм. Он построен в 1768 году. Пять его глав размещены на кубе, завершающем стройный четверик. Остальные четыре главы венчают разновысотные прирубы, обрамляющие центральный столп с четырех сторон. Три прируба — южный, северный и западный — перекрыты одинаковыми бочками; над трехчастным алтарем — широкая трехлопастная бочка.

¹⁰ Указ. соч. — С. 157.

¹¹ Някятин А. В. Вологодская и Турчасовская экспедиции // Археологические открытия 1971 года. — М., 1972. — С. 39.

Рядом с Преображенским в 1795 году был поставлен Благовещенский храм. Также крещатый в плане, он необычайно вытянут в длину и распластан по боковым фасадам. С западной его стороны далеко выступала вперед обширная трапезная — совершенно уникальная не только по своему объемно-пространственному построению, но и по трактовке интерьера. Ее низкий потолок из широких, гладко струганых досок поддерживался шестью мощными столбами, замечательными по декору и пропорциям. Уже одно их число — шесть — свидетельствует о гигантских размерах трапезной. Обычно в них бывает два столба, редко — четыре.

К замечательным деталям интерьера Благовещенской церкви относятся и два волоковых окна в ее западной, внутренней стене, отделяющей главное помещение от трапезной. Их вытянутые в длину проемы обрамлены тонко, удивительно аккуратно стесанными скосами бревен. Вместе с изящными стрелками по углам проемов они образуют пластичную окантовку окон.

Стоящие рядом два храма, несмотря на различие своих архитектурно-пространственных решений, кажутся во многом схожими, будто ветви одного и

Бани в селе Кузнецово
Архангельской области

Никольская церковь в селе
Бережная Дубрана. Фото
Е. А. Ополовниковой

Никольская церковь в селе
Бережная Дубрана. Фото
Е. А. Ополовниковой

того же дерева. Не только издали, но и вблизи, при боковом восприятии церквей, создается впечатление, что это единый объем, обладающий исключительным многообразием форм. Пятиглавый куб на высоком четверике Преображенской церкви, не повторяясь буквально, отражается в кубоватых покрытиях приделов Благовещенского храма. Живой пластике криволинейных кубов созвучны замысловатые очертания боковых кровель, обрамляющие с четырех сторон столп Преображенской церкви и мягким штрихом повторяющиеся в «теремках» и алтарном верхе здания собрата.

Вся архитектурно-пространственная композиция ансамбля строится на контрастном противопоставлении четких прямолинейных форм основных объемов церкви и живописной пластики их изящно изогнутых завершений. Гармония архитектурно-художественного образа складывается из тонких оттенков повторяющихся мотивов, властно подчиненных главной теме — величественному шатру Благовещенского храма. Так формируется единство частного и целого.

Часовня в деревне Федоровская. Впуск арки в основании галереи

Часовня в деревне Федоровская. Столб крыльца

Часовня в деревне Авдотьино. Столб первоначального крыльца, спрямленный под обшивкой

Часовня в деревне Авдотьино. Глава

уже виденным и вдруг исчезнувшим архитектурно-пространственным акцентом нарастает по мере движения. Беспрерывная цепь художественных впечатлений от множества встречающихся на пути архитектурных образов и конструктивных приемов подготавливает зрителя к восприятию господствующего сооружения — закономерного завершения развития архитектурного ансамбля, зародившегося именно на этом месте, при первых постройках на деревенской околице.

*Часовня близ
Почозерского погоста.
Глава*

В архитектуре этих простых бревенчатых изб с глухими фронтонами под

*Крест из часовни
Почозерского погоста*

В сложной и яркой композиции турчасовского ансамбля нашли применение наиболее выразительные архитектурно-художественные формы шатровых, кубоватых, бочкообразных и многоглавых завершений северных храмов. Зодчие как бы использовали весь опыт, накопленный не одним поколением плотников, и созданием этого ансамбля завершили блистательный этап исторического развития русского деревянного зодчества XVII—XVIII веков.

Глубинная выразительность архитектурно-художественного образа этого ансамбля не только в тонкой соразмерности его форм, но и в особенностях композиционно-пространственной постановки. Со стороны реки и заливных лугов турчасовский ансамбль виден как на ладони. Однако уже в начале села, у подножия холма, на котором оно раскинулось, церкви не видны. После общего восприятия всей панорамы Турчасова угол зрения резко сокращается. Два ряда крестьянских изб — улица села — останавливают внимание зрителя и направляют его движение. Эмоционально-острый настрой ожидания, вызванный

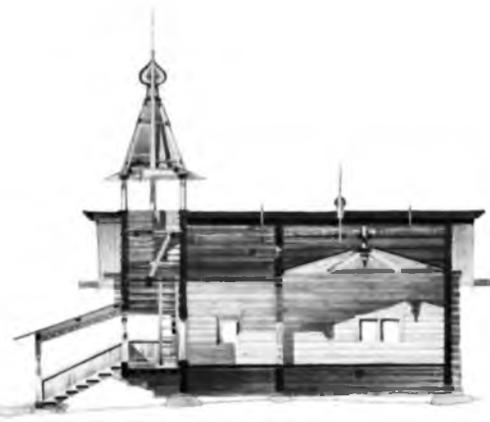

Часовня в деревне Федоровская. Западный фасад. Реконструкция

Часовня в деревне Федоровская. Южный фасад. Реконструкция

Часовня в деревне Федоровская. Продольный и поперечный разрезы. Реконструкция

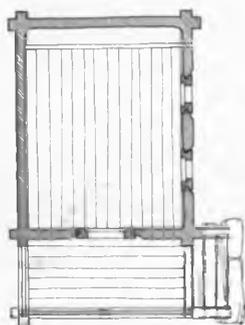

Часовня в деревне Усть-Поча. Западный фасад. Реконструкция

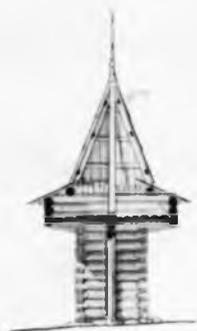
Часовня в деревне Усть-Поча. Южный фасад. Реконструкция

Часовня в деревне Усть-Поча. Продольный и поперечный разрезы. Реконструкция

*Часовня Кирика и Улиты
близ села Почозера.
Реконструкция. Детали*

*Ворота в ограде
Почозерского погоста.
Фасад и план.
Реконструкция*

Калитка в ограде
Почозерского погоста.
Рис. А. В. Ополовникова

Ограда погоста в селе
Бережная Дубрава.
Реконструкция

Село Филипповское
на Почоере
Архангельской области

двухскатными крышами, с маленькими окнами и высокими крыльцами, тяжелыми охлупнями и причудливыми курицами содержались все необходимые элементы для создания яркой и сложной композиции центрального ансамбля села. Здесь формировались и основные конструктивные приемы, и важнейшие принципы гармонического построения архитектурных форм. Здесь складывались прочные основы плотницкого искусства, веками отрабатываемые и совершенствуемые, свободно и смело воплощенные в архитектурно-пространственном построении турчасовских церквей. То, чего нельзя было сделать в скромной крестьянской избе, становилось доступным при строительстве общественного здания.

Вся застройка села воспринимается как органически единое целое. Это происходит прежде всего благодаря применению одного и того же материала, общего строительного модуля и ритма горизонтальных венцов многочисленных срубов. Ритмическое движение нарастает последовательно, с определенными промежутками и акцентами, от эпически спокойных очертаний изб и трапезной

Благовещенской церкви, вытянутых по горизонтали, к вертикальным объемам приделов этого памятника, к необычной кубоватой форме их кровель; от медленного ритма редко расположенных построек к динамически-напряженному взлету глав, устремленных в безграничный простор неба. Это движение с новой силой подхватывается резко сокращающимся кверху шатром центрального столпа и повторяется в лирической трактовке архитектурных форм второй, девятиглавой церкви. Так от прочно стоящих на земле срубов к изысканной пластике силуэта обеих церквей развивается вся композиция ансамбля.

Во второй половине XIX века церкви обшили тесом. К этому же времени относится и переделка верха колокольни, которая — можно предположить — в прошлом была шатровой. Ее позднейшее «кумпольное» завершение с некачественными арочными проемами и хлипким обрамлением настолько диссонирует с монументально-лаконичным столпом колокольни, что какая-либо попытка рассмотрения композиционно-художественной взаимосвязи этих столь различных по фор-

Село Турисово
Архангельской области.
Кудьинский ансамбль

*Благовещенская церковь.
Фрагмент интерьера*

*Благовещенская церковь.
Окно в стене трапезной*

Благовещенская церковь.
Столб в трапезной

ме и содержанию частей представляется кощунственной.

Несомненно однако, что первоначальный облик колокольни вполне соответствовал той палитре архитектурных средств, которой умело пользовались старые мастера при постройке турчасовских церквей. Да и сама древняя дата строительства колокольни—1793 год—свидетельствует о том, что ее возводили почти одновременно с Благовещенским храмом и, стало быть, вспоминая другие древнерусские церкви и колокольни того времени, не было да и не могло быть в этих двух стоящих рядом объемах композиционной разрозненности. Напротив, единый декоративный мотив «теремков» по углам четвериков обоих памятников композиционно объединял их даже тогда, когда верх одного из них был перестроен до неузнаваемости. А если мысленно абстрагироваться от позднейшего уродливого завершения колокольни и представить себе ее увенчанной шатром, то архитектурно-пространственная композиция замечательного ансамбля представится еще более выразительной и яркой.

Ныне говорить о турчасовском ансамбле следовало бы в прошедшем времени. Его фактически нет. В 1964 году Благовещенская церковь сгорела от удара молнии. Одиноко, сиротливо стоит второй храм. А на месте пожарища остались лишь гигантские валуны, очерчивающие план церкви. Что ж, давайте поверим несбыточной мечте: придет то прекрасное время, когда российский народ соберется с силами и восстановит древнюю святыню—красу и гордость онежских берегов! Не хлебом единым жив человек.

Глава вторая

Беломорье

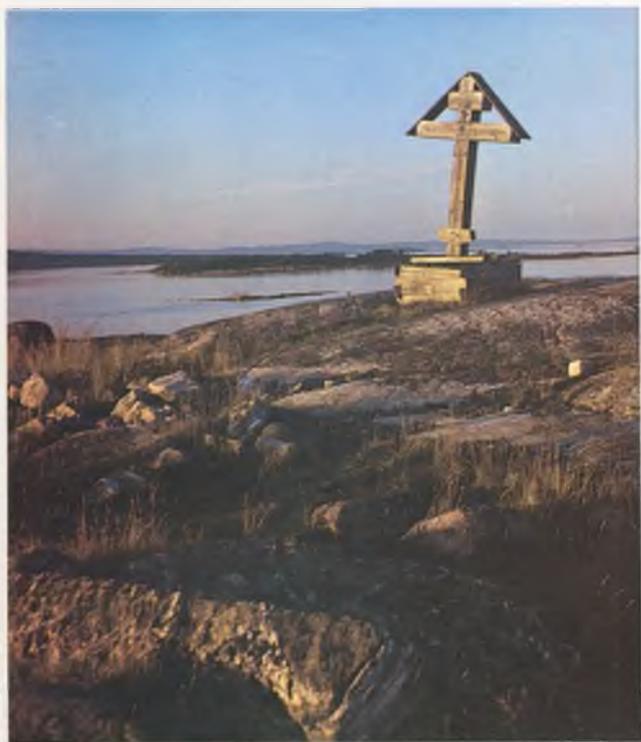
*Успенская церковь в
Варгужь*

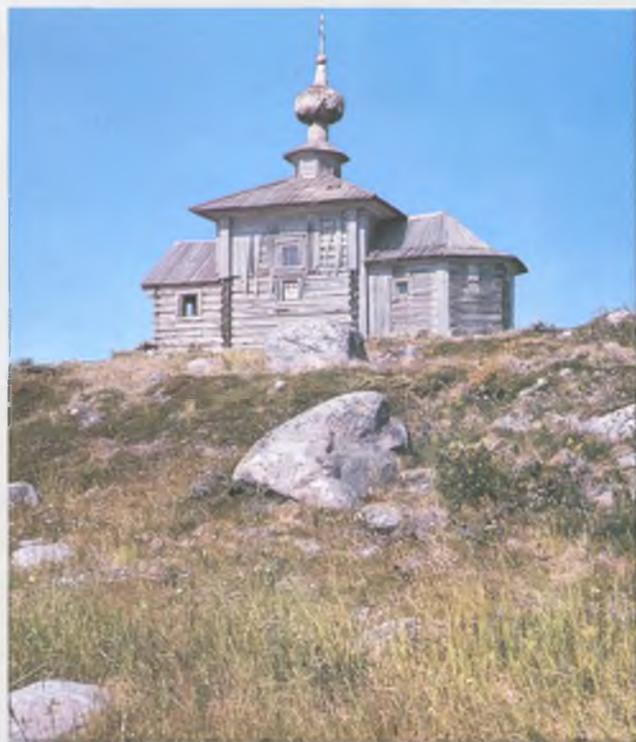
Успенская церковь в
Варзуге. Иконостас
XVII века

*Николаевская церковь в селе
Кюнда*

Село Ковда. Захоронение

Андреевская церковь на
Большом Лепцком
острове в Сольках

Село Варзуга Мурманской области

Беломорьем обычно называют западное и частично — северо-западное побережье Белого моря — Карельский и Кандакшский берега, в отличие от Поморья — южной оконечности Белого моря с Онежским, Двинским и Мезенским заливами. Когда-то эти земли входили, как и берега Онежского залива, в самую большую Новгородскую «пятину» — Обонежскую. В XVI веке англичане и голландцы встречали на его берегах уже немало русских поселений. Морской путь через Белое и Баренцево моря вокруг Северной Европы был известен русским еще в XV веке (поход русских в Северную Норвегию в 1412 году, путешествие Григория Истома в 1496 году и т. д.).

Необычны пейзажи Беломорской земли. Карельский берег, вплоть до устья реки Онеги, почти сплошь состоит из темного гранита, покрытого толстым слоем тундры. К Терскому берегу эти каменные громады, словно освобождаясь от земного притяжения, поднимаются ввысь крутыми зубьями утесов или «бараньими лбами» — шельями. Древний пейзаж бесконечного времени! Когда-то,

давным-давно могучий ледник принес с собой каменные громады и оставил их на этой земле, а сам ушел дальше к Ледовитому океану — Святому морю, как его называли в старину.

Русские, придя на эту землю, селились, в основном, по берегам небольших заливов, называемых здесь губами, или — в низовьях рек, славившихся рыбой. Река была постоянным и надежным источником пресной воды, удобной дорогой летом и зимой. И селения нередко назывались по рекам: Варзуга, Умба, Ковда, Пурнема, Кереть, Кемь и др.

Беломорские села и деревни, как правило, немалые. «Миром» жить было легче. Да и сам уклад жизни обуславливал объединение семей в артели, обобществление промысловых угодий и вслед за тем расширение сел и деревень. Малые «починки» и «выселки», частые в южнокарельских и северодвинских краях, не характерны для Беломорья. В прошлом, когда край был почти безлюдным, они, возможно, и были здесь, но от них давным-давно не осталось и малейшего следа.

Село Варзуга Мурманской области

Успенская церковь в
Варзуге. Ярус-
кокошники

Величественны беломорские поселения. Избы в них крупные, добротные и — строгие. Никаких украшений. Тем и отличаются они от радужно-приветливых онежских и северодвинских изб. Но принцип размещения селений одинаков, почти все они у воды.

Стоит такая деревня на берегу, всматривается в чистые, прозрачные воды, будто судьбу свою разгадать хочет. Поутру туман с воды омывает ее, в непогоду она затаится угрюмо. Глянешь на нее со стороны — вроде бы избы и сараи ставили, кому как бог на душу положит.

Но если присмотреться, то увидишь в планировке нерушимую закономерность, не от картинности идущую, а от самой жизни, — чтобы хозяину было удобно, и чтобы соседу не мешало, и чтобы вид

деревни не портило. Все разумно, просто, без малейших потуг на красоту. Потому и красиво. Как в природе.

Окинешь такую деревню одним взглядом и кажется, что она создана в одно время, одним мастером, из одного куска дерева — от луковичной главы на церкви до последнего амбарчика.

В многообразии форм кристаллизуется глубокое, органическое единство архитектурного ансамбля, рожденное общностью строительного материала, технических традиций и эстетического вкуса народа. Это единство — и в соотношении деревни с природой, с которой она словно сливается, которую она подчиняет организующей силе человеческого разума и воли. Оно и в неизменности архитектурной основы всех сооружений,

прежде всего бревенчатых срубов, мощных, крепких, необычайно богатых бесконечными оттенками теплого золота — от темно-бурого цвета старых бревен, насквозь продубленных дождем и ветрами, до светлого, как слеза, янтаря. Это единство и в прочной, испытанной веками традиционности строительных приемов и «секретов» русского плотницкого искусства и, наконец, в классической цельности и чистоте стиля древнего народного зодчества.

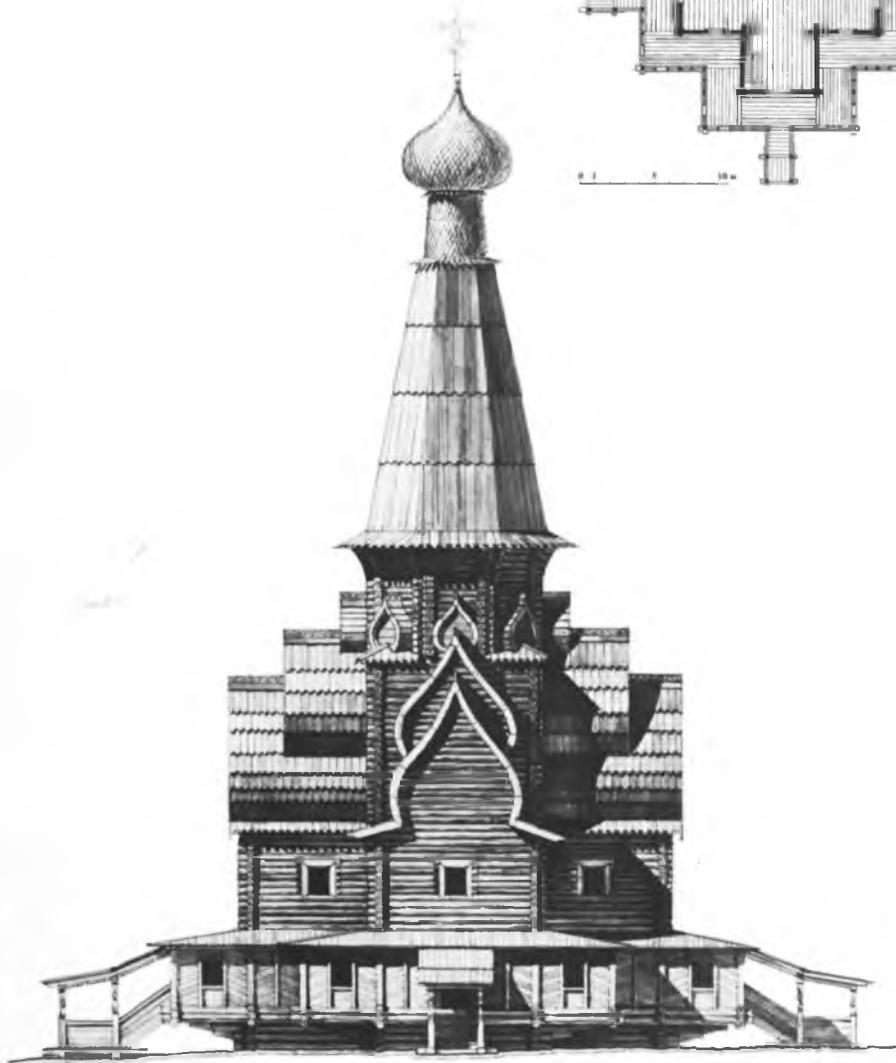
Есть много легенд и сказок, в которых герои наделены волшебным свойством: к чему ни прикоснутся, все прев-

ращается в золото, жемчуг или алмазы. Если отвлечься от прямого, буквального содержания сказки, то ее героем легко представить себе северного крестьянина. За что ни возьмется — все сделает умело, добротнo, с выдумкой и хитринкой, с неистребимым чувством удивительной красоты.

На постройку изб (а церквей — тем более) отбирали только лучшие деревья: крупные, смолистые сосны и ели. Рубили, сплавляли по рекам и озерам, очищали стволы от сучьев и коры, тесали. А уж затем вязали венцы сруба. Углы, как правило, рубили так, чтобы снаружи

Успенская церковь в Варзуге

Успенская церковь в
 Варзуге. Западный фасад.
 Реконструкция

Успенская церковь в
 Варзуге. План

оставались концы бревен — они придают русским избам и храмам особую пластичность.

Каждый венец требовал от плотника громадного терпения, мастерства, верно глаза и твердой руки. Ведь надо было сделать пазы, врубки, потайные зубья, притесать одно бревно к другому так плотно, чтобы между ними не вошло даже лезвие тонкого ножичка. Гвозди не были нужны.

Топор в руках северного плотника — универсальное и всемогущее орудие. Надежнее, быстрее и легче перерезать бревно пилой, но власть древних традиций была слишком велика, и бревна перерубали топорами, да так, что не оставалось и малейшей зазубрины. Не сила прищипки была заключена в традиции, не

инерция мышления, а нужные знания: срубленные топором торцы бревен гораздо меньше впитывают влагу, чем те, что отсечены пилой.

Сруб укладывали обычно на фундамент из валунов, их в Беломорье немало. Но какими же были сами древние постройки? Немного дошло до наших дней старинных изб и хозяйственных сооружений. Крестьянские постройки служили трем-четырем поколениям. Взамен старой избы ставилась новая. Потому все уцелевшие сейчас избы не старше XIX века.

О более древних памятниках гражданского зодчества Беломорья можно получить представление по старинным рисункам и летописным источникам. Избы в Беломорье, как и повсеместно на

Село Умба Мурманской области

*Село Погруба. Фрагмент
амбара*

Русском Севере, были многосрубными, то есть состоящими из нескольких частей, имеющих свое, строго определенное функциональное назначение: «...а на дворе хоромов изба на подклете, да сени с подсением, да повальша с подклетом, да сенник с двома хлева, да анбар с подклетом, да мыльня» — таков крестьянский дом 1593 года в Варзуге³².

Такого же типа дома, поставленные на высокие подклеты, с висячими крыльцами, ведущими в верхние сени и к жилым помещениям, были распространены в жилой застройке Москвы XVI века. Такими же были тихвинские и вологодские хоромы того времени³³.

Быстро меняется облик северорусских сел. Безвозвратно канул в прошлое мир старой деревни с ее бревенчатыми избами и амбарами, часовнями и церквями. На их месте вырастают дома из современных строительных материалов: многоквартирные корпуса жилых зданий, клубы, Дворцы культуры, библи-

*Село Погруба
Мурманской области.
Амбар*

отеки, школы, больницы, магазины, кафе. А исследователи в поисках старинных построек устремлялись во все более далекие экспедиции...

Село Варзуга — самый север Беломорья, почти на Полярном круге (66° северной широты). Широко раскинулось оно по берегам одноименной реки,

*Село Умба. Мост через
реку Умба*

³² История русской архитектуры.— М., 1951.—

с. 67.

³³ См.: Мильчик М. И., Ушаков Ю. С. Деревянная архитектура Русского Севера.— Л., 1981.— С. 13—35.

Село Ковда Мурманской области

Никольская церковь в Ковде

Колокольня Никольской церкви в селе Ковда

километрах в тридцати от ее устья, от Белого моря. Здесь, в излучине реки, образовались просторные луга, защищенные от ветров высокими грядами-кейвами коренных берегов. Большая часть села расположилась на левом берегу реки. Дома тут смотрят на юг.

И сюда когда-то доходили владения Великого Новгорода: варзугская семга приносила немалые прибыли предприимчивым новгородским купцам. Первые летописные сведения о Варзуге как о крупном административном, культовом и торговом центре относятся к 1419 году; первая новгородская летопись рассказывает, что 500 человек норвежцев, пришедших на бусах и шнеках, «повоевали Карельский погост Варзугу»³⁴.

Следовательно, в XIV веке Варзуга уже существовала. Возможно, что она возникла и раньше, в XIII столетии, ибо значительное число осаждавших ее иноземцев свидетельствуют о хозяйственной мощи погоста как результате определенного многолетнего развития. Само возникновение Варзуги в качестве промысловой фактории Новгорода и вся ее дальнейшая экономическая жизнь связаны с рыболовецким промыслом. Видную роль здесь играла и добыча речного жемчуга.

Переписывавший в 1586 году Варзугскую волость Постник Балакшин сообщает о местных жителях, что «земли у них нет, хлеба они не пашут, от пашенной земли они за морем за окянном за большою пучиною верст тысячу и больше и соли не варят, потому что к ним пренных (соляных — авт.) угодий не прилегло нигде»³⁵.

Помимо удобств рыбного промысла причиной возникновения селения в трех десятках километров от моря за труднопроходимыми порогами было, несомненно, стремление варзужан обезопасить себя от нападения шведов, норвежцев и «каянских немцев» (финнов), разорявших поморские селения. Так, в 1419 году норвежцы разграбили не только Варзугу, но и погост Неноксу в Заволочье, Онежский погост, Кегостров, Николо-Корельский и Архангельский монастыри. Но их походы далеко не всегда были

³⁴ Полное собрание русских летописей. Новгородская первая летопись.— Спб., 1843.— С. 108.

³⁵ Савич А. А. Соловецкая вотчина XV—XVII вв.— Пермь. 1927.— С. 201.

столь успешными: вплоть до нашего времени жители Варзуги хранят память о победе над недобрыми пришельцами, отряд которых был разбит в 2—3 километрах от села. Это место и по сей день зовется «немецкой падью».

Со второй половины XV века в Варзуге появились владения Соловецкого монастыря, крупнейшего феодального центра Севера. По-видимому, впервые соловецкий вотчинник появляется на Терском берегу в 1466 году, когда новгородец Тимофей Ермолин отдает в монастырь свой участок в Умбе и Варзуге. В 1470 году один из основателей Соловецкого монастыря, старец Зосима, получает от новгородской посадницы Марфы Борешкой жалованную грамоту на ее вотчину «от умские (умбские.—авт.) межи, от кашкаранского ручья до красные щелейки» (между реками Умбой и Варзугой)³⁶.

Проигранная новгородцами в 1471 году битва при Шелони кладет начало

зависимости Новгорода от Москвы. По договору за Новгородом сохраняются все его северные владения: Заволочье, Пермь, Печора, Югра, но значительные пространства и в том числе южный берег Кольского полуострова с «Корелой Варзугской» и Умбой становятся владениями князя Московского³⁷.

Угодья Соловецкого монастыря на Кольском полуострове постепенно расширялись. К началу 90-х годов XV века они составили на Терском берегу целый приход, в который входили «земли, воды, пожни, полешный лес и лешие озера»³⁸. К этому времени Варзуга превратилась в крупный населенный пункт, насчитывавший свыше 150 дворов. Бывшая поначалу только промысловым поселением, к концу XVI века Варзуга становится торгово-промысловым центром, куда стекаются «гости» из разных северных стран. Здесь была даже своя «таможня»: «...а в Варзугской волости которые торговые люди иногородцы

Никольская церковь в селе Ковды. Интерьер трапезной

³⁶ Савич А. А. Указ. соч.—С. 36.

³⁷ Богословский М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке.—1912.—Т. 1.—С. 5—6.

³⁸ Савич А. А. Указ. соч.—С. 39.

Село Варзуга.
Захоронения в дюнах

приезжают... и на тех людех имати десятую рыбу семгу, тинду и лосось...», — предписывалось в грамоте Бориса Годунова 1599 года³⁹.

В середине XVII века московский царь, противоборствуя чрезмерному усилению монастырей, конфискует некоторые земли Соловецкой обители, в том числе и Варзугу. А еще через несколько лет, в 1674 году, здесь возводится Успенская церковь, архитектурный образ которой можно сравнить с памятниками московского зодчества того времени, причем каменными.

Стройный шатер, легко поднимающийся над тремя ярусами бочек-кокошников или «теремков», широкие галереи с трех сторон центрального столпа сразу вызывают в памяти образ прославленного творения — храма Вознесения в Коломенском. Но перед нами отнюдь не механическое копирование форм, а единство идейно-художественного замысла.

В основе церкви лежит крестчатый

план, как и в композиции многих известных деревянных храмов (Конецгорье, Пияла, Верховье, Астафьево и др.). Четыре прируба Успенской церкви образуют равноконечный крест, каждая ветвь которого представляет собой прямоугольник размером 4×5 м.

Величаво стоит храм, соединяя бескрайнее небо с широкой землей, с людным селом, пустынными лугами, со студенной, но щедрой рекой. Ступенями поднимаются ввысь ярусы бочечных завершений; на них покоится бревенчатый восьмерик, и в самое небо взметнулся 34-метровый шатер. Идеи единства, воплощенные средствами архитектурного искусства, утверждали в сознании людей нерушимую мощь Москвы, сплотившей близкие и далекие русские земли.

Царство воды... Оно определяет характер местного пейзажа, быт поморов, облик их поселений...

Огромные избы, баньки, массивные амбары, часовни, церкви и погосты — все вместе и есть северное поселение, назы-

³⁹ Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. — М., 1836. — С. 67.

Захоронения на кладбище
в селе Шуерецкое
Карельской АССР

Захоронения на кладбище
в селе Шуерецкое

Захоронения на кладбище
в селе Шуерецкое

Село Шуерецкое.
Кладбище

*Село Ушково. Кладбище
близ Никольской церкви
Музержского монастыря*

ваемое, если нет в нем церкви,—деревней, а если есть церковь, — селом.

На Карельском берегу Белого моря, в устье реки Умбы, раскинулось село с тем же названием. Высокими лесными холмами обнимает земля каменистую Умбу, реку-труженицу, ежегодно несущую несчетные кубометры леса. Продолжая большую проселочную дорогу, с южной стороны подходя к селу, пересекает Умбу могучий ряжевый мост, почти такой же, как мосты на Кене. А за ним—обычное для летней Умбы скопление сплавных бревен, еще не выгашенных на берег для обработки.

С конца XIX века в Умбе существует лесопильный завод. Благодаря ему стал меняться уклад жизни этого приморского села. Постепенно менялся и его традиционный облик.

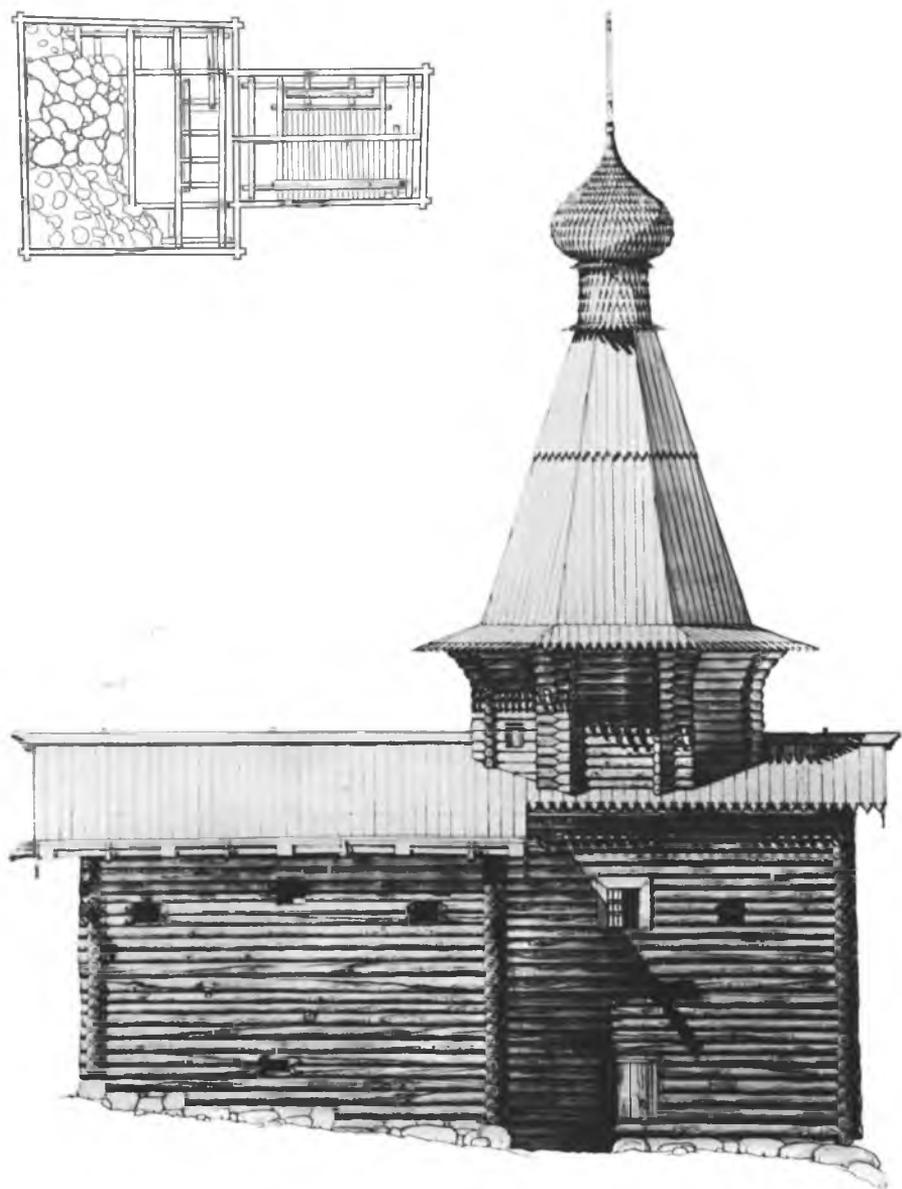
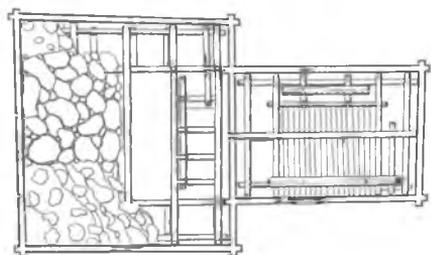
Новые постройки, обезличенные предельным утилитаризмом, были мало выразительны. Они образно отражали сам дух капиталистического фабричного производства.

Однако планировочная структура села в основном оставалась прежней. Все его постройки, мягко поднимаясь по склону пологого холма, образовывали две основные террасы, два массива, связанные дорогой-мостом с противоположным берегом реки. Создавался весьма живописный архитектурно-природный пейзаж Умбы.

Среди построек села самыми интересными, кроме ряжевого моста, являются рыбацкие амбары. Их нередко ставили прямо на воде, на свайных основаниях. И хотя все они построены сравнительно недавно (не ранее 1900-х го-

Село Ушково. Резные кресты на могилах кладбища близ Никольской церкви Муезерского монастыря

Никольская церковь
Муезерского монастыря.
План. Обмер при участии
И. Н. Шургина

Никольская церковь
Муезерского монастыря.
Южный фасад. Обмер при
участии И. Н. Шургина

Село Ушково

дов), в них ощущается дух старых традиций.

Варзуга, Умба, Ковда — большие, старинные села Беломорья, трудовые рыбацкие общины... Именно здесь, на Белом море, издревле было такое количество рыбы, и семги в том числе, что лов ее здесь разрешался без всяких ограничений, даже в конце XIX века, когда рыболовецкое хозяйство России значительно расширилось и встало на промышленно-капиталистическую основу. Противоборствуя торговым монополиям, особенно иностранным, ширились малые рыболовецкие хозяйства, защищая интересы друг друга. В Умбе, например, лов рыбы был мирским — добытое делили подушно.

Из всех старых сел Кандалакшской губы самым большим, пожалуй, была Ковда. В отличие от Варзуги, отстоящей от моря довольно далеко, Ковда, как и Умба, раскинулась прямо у устья реки. О довольно больших размерах села свидетельствуют летописи Соловецкого монастыря, по которым Ковда, как, впрочем, Умба и Кемь, называются волостями. Да и в «Книге Большому Чертежу»

(XVI век) Ковда означает название волости. Село Ушково. Изна и баня

Сейчас Ковда состоит из двух частей — Старой и Новой Ковды. В старой части села на пологом склоне стоит древняя Никольская церковь, построенная в 1613 году. Чуть поодаль от нее —

шестериковый сруб—шатровая колокольня.

И церковь, и колокольня перестроены; оба памятника облачены в тесовые «футляры».

Шестигранный столп колокольни— само по себе явление редкое. Гораздо более распространенными на Руси были восьмериковые срубы. Почему? Однозначно ответить на этот вопрос трудно. Одни исследователи связывают форму восьмерика с удобством кругового обзора, другие— с символикой восьмистороннего креста, а третьи— с простотой рубки восьмигранных объемов в сравнении с шестигранным. Но в таком случае как объяснить широкое распространение шестигранных срубов в якутских жилых постройках— там, где плотницкие традиции и плотницкое мастерство стали развиваться намного позже, чем на Руси? Надо полагать, что техническая сторона дела здесь не является главной. Что же касается функции и символики, то их роли в определении восьмигранной формы срубов нам представляются равнозначными: идейная и практическая основа сплетались в древнерусских постройках в неразрывный узел.

Дополнением к тесовой обшивке колокольни, искажающей ее облик, служат хлипкие прямоугольные стойки наподобие штакетника, которыми ограждается пространство звона. Само по себе некрасивое, это ограждение нарушает пропорциональное членение масс колокольни, зрительно увеличивая расстояние между шатром и основным объемом. Та же хлипкость форм у крыльца церкви. Разве сравнимо оно с привлекательным обликом старинных размашистых крылец?

Не радует взгляд и нынешний облик церкви с геометризированным членением форм, с тяжеловесной главой на дощатом барабане. Под спудом наносного проглядывает лишь одна деталь, единственная из первоначальных элементов памятника,— подкровельные повалы четверика.

В интерьере церкви, тоже перестроенном, о древности ее возведения говорят массивные столбы в трапезной. И хотя они покрашены масляной краской, но формы их сохранились в своем пер-

возданном виде. Они традиционны: мощные «дыньки», перехваченные валиками-жгутами, составляют основу декора.

Таковы же пропорции и формы столбов во многих других памятниках деревянного зодчества в Вирме, в Турчасове, в Пучуге и т. д.

Следы старины уничтожались и в живописи. В ковдинской церкви были когда-то иконы «старого письма», но на рубеже XIX и XX веков они были «все поновлены сумским мещанином Г. И. Пономаревым. В 1841 году к алтарю пристроена ризница и пономарня. В 1889 году увеличены окна, в 1891 году исправлена колокольня, в 1892 году построена солея, увеличен проход из трапезной в церковь. Колокольня 1705 года; на ней 3 колокола того же времени»,— читаем в одном из выпусков Археологической комиссии.⁴⁰

Таким образом, традиционные черты народного зодчества были скрыты в Никольской церкви «за семью печатями». Разглядеть их было непросто. Но в других памятниках, чудом уцелевших в этом большом северном поселении, они громогласно заявляют о себе.

И хотя невелики эти памятники в сравнении с церковью и колокольней, велика сила их эмоционального воздействия. Мы говорим о памятных крестах и надгробиях.

Памятными крестами в старину отмечали на Руси различные места, имевшие какое-то особое значение. Их ставили там, где сгорела или упразднена церковь, где кто-то был убит молнией или внезапно умер, а также— у въезда на мост, у перекрестка или развилки дороги. Вне зависимости от скромности или богатства их облика они украшались с тем же тактом и пониманием свойств материала, что и наружные детали зданий.

Для предохранения крестов от дождя и снега над ними делали двухскатные крыши самых разных форм и размеров. Крыши, если они были большими, опирали по краям на столбы, врытые в землю или укрепленные в низком, в 2—3 венца срубе. Получалась как бы открытая часовенка. В Кижях, например, такие стоят.

⁴⁰ Известия Императорской Археологической комиссии.— Вып. 39.— СПб., 1911.— С. 142.

*Охотничья избушка в
урочище Собачьи ручьи
Карельской АССР*

Охотничья избушка в урочище Христианварка Карельской АССР

Охотничья избушка в урочище Христианварка

А в Ковде массивный крест, укрепленный валунами в срубе, поставлен на вершине холма. Он как ориентир, указующий верный путь судам, плывущим к земле-пристанису. Над крестом — двухскатная тесовая кровля. Кровли делались не только над памятными и кладбищен-

скими крестами, но и над могильными «столбиками».

Старые кладбища на севере называют еще городинками или погостами. Они удивительны тем, что на них мирно соседствуют отзвуки далеких языческих времен и философский аскетизм христианского средневековья. Одно из таких кладбищ нам встретилось в Ковде, другое — южнее, в селе Шуерецком и, наконец, третье, здесь же в Беломорье, — близ церкви бывшего Муезерского монастыря, но уже не на самом побережье, а в глубине материка, километрах в 100—120 от моря, в старообрядческом селе Ушково. Впрочем, почти все русские поселения в Беломорье были старообрядческими, равно как и кладбища в них. Потому-то и веет от них русской древностью, глубокой, неподдельной.

Трудно подобрать нужные слова, чтобы передать первое впечатление от встречи с ними... Они будто заворачивают, уводя сознание и мысль в глубину веков. Зримо предстает долгая жизнь многих поколений со всеми ее радостями и печалью, со всей ее сложностью и простотой. Устойчивой опорой бытия служила духовная основа человека, предопределяющая общую гармонию его жизни. Явственный отзвук этой гармонии есть и в простых формах надмогильных памятников, в которых так много изящной скромности и мудрой, спокойной доброты. А ведь сделаны они не рукой прославленного мастера, а местным мужиком.

Все реже теперь можно встретить старинные деревянные надгробия. Велико очарование их своеобразной красоты, исконно-русских, самобытно-чистых форм, свободных от влияния претенциозно-пошлой красоты позднейшего времени. Они воспринимаются как органическая часть природного пространства, будто и созданы не людьми, а всегда здесь были, как расцветившие лишайником валуны и раскидистые сосны. Немало удивляет и воплощенная в них дремучая неподвижность бытового уклада жизни поморов и какая-то истовая приверженность к традиционному образу, сумевшая пронести через многие века обычай, формы и эстетические иде-

алы, сложившиеся еще в далекие языческие времена, задолго до крещения Руси.

Каждое надгробие составляют обычно две части — домовина и столбец. Домовина — это вытянутый прямоугольник, покрытый двухскатной тесовой кровлей. Домовина укладывается на могильный холм и по отношению к нему выполняет две основные функции: защищает его от повреждений и служит для него своего рода архитектурно-декоративной облицовкой и оформляющим футляром. Кроме того, у домовины есть и другая функция — идейно-символическая. По древним поверьям, в домовине обитает дух умершего, и поэтому ей придаются формы, характерные для жилья. Та же конструкция сруба и кровли; тот же неизменный шелом с конской головой, чуть дополненный фантазией; те же резвые причелины и их традиционные декоративные мотивы: круглое «солнце», ступенчатый «городок», мягко изгибающийся «бегунок», лапчатые «кисти» и другие. И даже в общей форме домовина условно воспроизводит конфигурацию избы типа «брус» — самого распространенного и количественно преобладающего типа.

Символический смысл столбца еще более значителен, чем домовины. По самой идее, заложенной в нем, он заменял надмогильный крест.

В каждый столбец с западной стороны, обращенной к домовине, врезана небольшая медная иконка из тех, что в XVIII и XIX веках делали в выговских скитах, и оттуда они расходились по всей России. Ниже иконы, на средней части столбца, вытесан пластичный орнамент. Его формы близки по своему характеру к резьбе столбов на крыльцах и галереях древних церквей. Что ни столбец, то свой особый рисунок. Однако принцип построения резьбы общий, основанный на контрастном сочетании крупных и мелких, ритмично чередующихся деталей.

Деревянные надгробия в Беломорье — едва ли не последние на всей планете реликвии такого рода. Они прекрасны на своих исконных местах, и их невозможно представить в музеях.

Охотничий лабаз в урочище Христианварка

Охотничий лабаз в урочище Собачий ручей. Реконструкция

Город Кемь в начале
XX столетия

Успенский собор в Кемь
до реставрации

Успенский собор в Кемь
после реставрации

Массивные кресты ставились когда-то над поморскими захоронениями не только на кладбищах, но и прямо на берегу Белого моря. Их гигантские силуэты, поднимающиеся на песке, олицетворяли несгибаемость человеческой воли. Сильное впечатление производили они, когда вокруг царили неумолчный шум моря, рокот ветра и застывшие дюны. В их образах — не просто символически значимое действо, а философское осмысление жизни. Приниженный человек не мог бы создать такие образы, исполненные несокрушимой, титанической силы и достоинства.

Поодаль от Белого моря, среди лесов и топких болот, стоит село Ушково. Во времена гонений официальной церкви на старообрядцев, особенно в конце XVIII—XIX веках, это село стало пристанищем для многих приверженцев древнего культа. Перед селом плещется озеро Муе. На нем есть Троицкий остров, названный так от бывшего на нем Троицкого монастыря.

Здесь на острове сохранилась Никольская деревянная церковь, построенная в 1602 году. Со времени своего основания памятник неоднократно перестраивался. Так, в описи XVII века церковь значится «с трапезною и с папертью, и с келарскою...». Однако паперть и келарская до наших дней не сохранились. Разрушено и крыльцо церкви. Но уцелевшая часть памятника еще сохраняет архитектурные особенности подобных построек XVII века. Это и тонкая резьба деталей, и скамьи с откидными сиденьями на деревянных пятах, и своеобразная система отопления с дымоотводом.

В былые времена возвышенность, где стоит Никольская церковь, была открытой и ее шатровый восьмерик отчетливо вырисовывался на светлом фоне неба, господствуя в пространстве. Теперь вблизи памятника густо разрослись ели, скрывая его почти целиком. Под сенью елей сохранилось древнее старообрядческое кладбище.

В глухом лесу встретить какую-либо постройку — событие знаменательное,

*Успенский собор в Кем
до реставрации.
Восточный фасад.
Обмер*

*Успенский собор в Кем.
Западный фасад.
Реконструкция*

*Успенский собор в Кемь.
Северный фасад.
Реконструкция*

приносящее не меньше радости, чем встреча со всемирно известными шедеврами. Впрочем, сама радость здесь какая-то другая, не яркая, не ликующая, а тихо-улыбчивая — по образу и подобию маленькой, приветливой избушки, неожиданно явившейся Вам на лесной поляне.

В утилитарной архитектуре таких охотничьих избушек, совершенно лишенной каких-либо украшений, яснее всего проявляются принципы народного деревянного зодчества. Здесь человек мыслит и творит, опираясь на незыблемые законы природы. Здесь критерием красоты служит не замысловатость форм, а их природное естество и целесообразность.

Охотничьи избушки сейчас можно увидеть лишь в самых отдаленных лесах. Нам такая избушка встретилась в урочище Христианварка, расположенном чуть севернее села Ушкава, километрах в семи-восьми от него. Рядом с избушкой стоит необыкновенное сооружение — маленький сруб, поднятый над землей на двух ногах-опорах. Это лабаз или лесной охотничий сарайчик для хранения продуктов и добычи. От земли, от зверья разного, мелкого и крупного, запасы отдалены, подняты на опоры. На одной опоре вырезана дата строительства лабазы — 1880 год.

Похожая на него постройка, только не на двух, а на одной опоре, стоит в тех же беломорских лесах, в урочище «Собачий ручей». Формы лабазы просты и естественны.

Малая красота, складываясь по частям, формирует величие.

Величественным монументом предстает перед нами трехшатровый собор в Кемь, построенный в 1711 году. По своему типу, композиции, конструктивно-строительным приемам, наконец, по художественно-образному строю — это настоящая энциклопедия приемов северного народного деревянного зодчества. В архитектурном образе Кемского собора, как и в Преображенской церкви в Кижях, в Успенской церкви в Кондопоге и некоторых других памятниках XVIII века, мы видим своеобразное отражение

Успенский собор в Кемь.
Потолок «небо»

Успенский собор в Кемь.
Окно на западном фасаде

Успенский собор в Кемь.
Следы кокошников «теремков»

*Резной крест в часовне
близ Кемского собора*

общественного подъема, вызванного к жизни победоносным ходом Северной войны.

Ко времени строительства собора планировочная структура Кемь уже сформировалась. Центр города располагался на большом Леп-острове, разделявшем реку Кемь на два рукава в 7 верстах от впадения ее в Белое море. Здесь же стоял Кемский острог, первые укрепления которого возникли еще в XVI веке.

Строители собора блестяще выполнили поставленную перед ними задачу — возвести сооружение, которое, отвечая идейным устремлениям времени, по своей торжественности и величию превосходило бы другие постройки города.

На каменистом кряже, всего в 120 метрах от берега, был сооружен трехшатровый храм с высотным центральным объемом. В его расположении на гранитном мысу, в ориентации на водные подступы к городу видны черты военно-оборонительных сооружений. Как три витязя, стоят три шатра Кемского собора.

План постройки ясен и прост. Ее

композиционным ядром служит квадратный сруб трапезной, вокруг которой группируются с востока — Успенский придел, с севера — Зосимо-Савватиевский, с юга — Никольский и с запада — галерея и крыльцо.

Самая древняя часть памятника, возникшая и функционировавшая раньше самого собора, — Зосимо-Савватиевский придел. Он имеет свой самостоятельный вход с галереей в отличие от Никольского придела, у которого наружной двери нет вообще и который сообщается лишь с трапезной церкви. На западной стене Зосимо-Савватиевского придела располагается двойное косячатое окно, в то

Фрагмент креста

Надмогильные памятники
на кладбище близ
Кемского собора

Башня Кемского острова.
Фото конца XIX века

Сумской острог. По
снимку 1856 г.

Андреевская церковь на
Большом Зайцком
острове в Соловках

время как на Никольском приделе — окно одинарное.

Так древние зодчие особыми художественными средствами стремились выделить придел в честь Зосимы и Савватия — легендарных землепроходцев и основателей культурных центров на Севере, в том числе и Соловецкого монастыря. Много добра сделали они для края.

В композиционном отношении двойное окно в приделе, вместе с отдельным входом, создало ту живописную асимметрию и непринужденность в трактовке западного фасада, которая характерна для древнерусского искусства.

Кемский собор был построен из гучих сосновых бревен, из «рудового» леса. Такой лес растет в низменных, затененных местах. Пригодными для строительства считались лишь те деревья, у которых «пинда» — наружный непрочный слой — была очень тонкой, а сердцевина, напротив, толстой.

В 50-е годы нашего столетия была начата реставрация Кемского собора. К этому времени многие бревна срубов трех четвериков превратились в труху. Удивляться этому не приходится, так как с одной стороны стены были закрыты тесовым футляром, а с другой, изнутри, — обиты парусиной, выкрашенной плотным слоем масляной краски. Они оказались в затененной и непрветриваемой среде, что для сохранения дерева недопустимо.

При реставрации Кемского собора гнилые бревна были заменены новыми. Кроме того, восстановлены утраченные элементы памятника. Но, к сожалению, из-за недостатка средств не были воссозданы декоративные объемные кокошники по углам четвериков. Они придавали зданию своеобразный колорит и скрадывали некоторое впечатление угрюмости, которое порой возникало при взгляде на сурово-монументальные формы па-

*Башия Кежского острога.
Реконструкция*

*Андреевская церковь на
Большом Заяцком
острове в Соловках.
Западный фасад.
Реконструкция*

*Андреевская церковь на
Большом Заяцком
острове в Соловках.
Южный фасад.
Реконструкция*

*Андреевская церковь на
Большом Заяцком
острове. Поперечный
разрез. Реконструкция*

*Андреевская церковь на
Большом Заяцком
острове. Продольный
разрез. Реконструкция*

*Петропавловская церковь
в селе Вирма Карельской
АССР. Южный фасад*

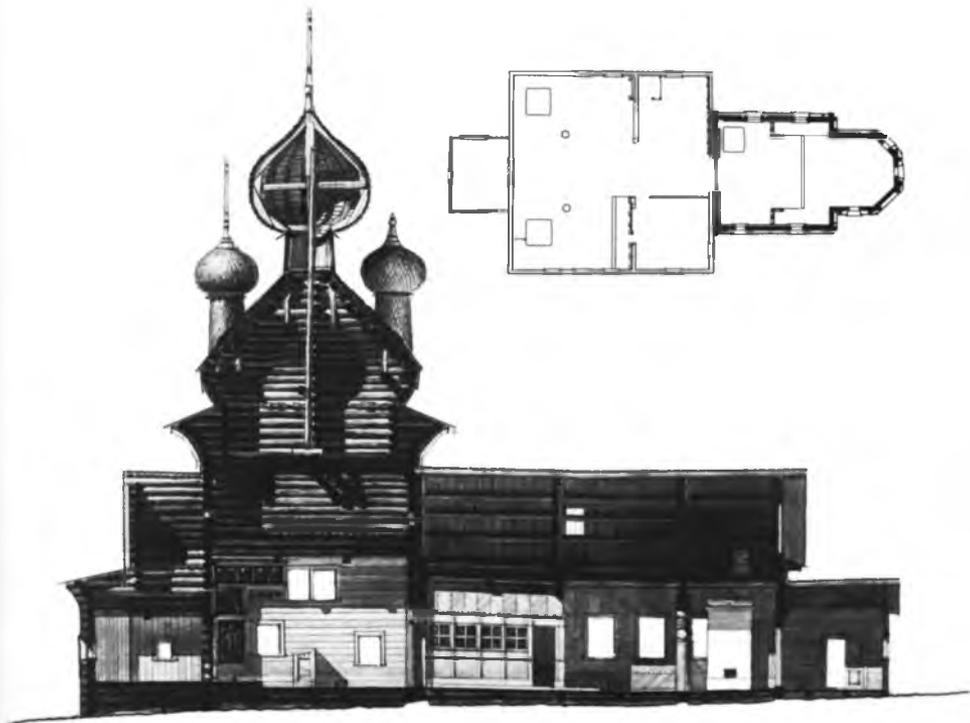
мятника. Но в этой суровости отражалась суть северной земли, могучей и свободолюбивой.

В XV веке Кемь была волостью посадницы Великого Новгорода Марфы Борецкой, а в 1450 году она ее передала Соловецкому монастырю. В конце XVI века Кемь неоднократно разоряли шведы и финны. В 1591 году уже не только город, но и вся волость с Муезерским монастырем, крестьянами, варницами и промыслами была отдана Соловецкому монастырю, который оказал существенное влияние на жизнь Кемской земли. В Кемь монастырь имел свое подворье, склады, финансировал стро-

ительство церквей. Уже в XVI веке Кемь была крупным центром края.

При судебной реформе Ивана Грозного (1562 год) сюда была дана «Уставная грамота Кемской и Шуерецкой волостям о выборе волостных судей». В это время, по свидетельству немца Генриха Штадена, на реке Кемь стоял «большой незащищенный посад»⁴¹. Расширение хозяйственной и торговой деятельности посада привлекало внимание иноземных предпринимателей в связи с открытием Северного морского пути. Голландец Симон ван-Салинген, конкурируя с англичанами, основал торговые конторы в Кемь, Суме, Шуе. Все чаще появлялись у

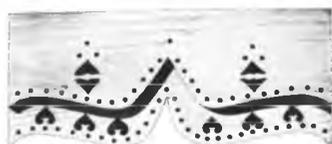
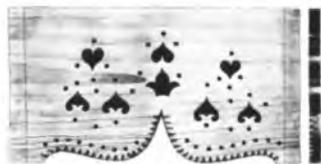
⁴¹ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника.—Л., 1925.

*Петропавловская церковь
в селе Вирма. Продольный
разрез. Обмер*

*Петропавловская церковь
в селе Вирма. План.
Обмер*

*Петропавловская церковь
в селе Вирма. Клиросы.
Обмер*

Петропавловская церковь
в селе Вирма. Детали
клизосов. Обмер

Петропавловская церковь
в селе Вирма. Столб
трапезной

кемских причалов норвежские и английские промысловые и торговые суда.

Но не всех иноземцев устраивала мирная торговля с северными землями России. Постоянные нападения шведов не были случайными пиратскими действиями. Они составляли часть общего стратегического плана Швеции — парализовать хозяйственную деятельность русского Поморья, успешно конкурировавшего на мировом рынке в Европе, разрушить торговлю, шедшую через Архангельск, и вернуть ее в балтийские шорты, зависящие от Швеции.

В 1571 году в море близ Соловецких островов появились шведские военные корабли. Опасность нападения заставила монастырь обратиться за помощью к Москве, откуда в 1578 году прибыла артиллерия и порох. В монастыре был построен деревянный острог. Одновременно был создан острог и в Кемь.

Строительство оборонительных сооружений еще не было закончено, когда в следующем, 1579 году шведы вторглись с запада в северные земли России. Первый бой в Маслозерской волости принес поражение отряду Озерова, но зимой того же года рубежный отряд воеводы Аничкова отбил шведов и спас Кемь от полного разорения.

В 1590 году шведская интервенция с еще большей силой обрушилась на Поморье. Десантный отряд Петра Багге разорил Умбу, Кереть и Кемь. Проходит немногим более года, и пришедший с запада вдоль реки Кемь отряд Свена Педерсона, сына Петра Багге, сжег город «Кимен», то есть Кемь, до основания.

Опустошительные набеги иноземцев и в дальнейшем настоятельно требовали укрепления обороны края.

Вторжение шведов через Кемь в 1612—1614 годах сопровождалось на этот раз нападениями черкесских отрядов гетмана Ходкевича с юга, принося краю не менее тяжелое разорение, чем в XVI веке.

В 1658 году, воспользовавшись вспыхнувшей войной России с Польшей, шведы снова вторглись в Поморье: в 1666 году шведы учинили нападение на все поморские монастырские волости; но

Петровская церковь в селе Вирма. Розетка столба в трапезной

Петровская церковь в селе Вирма. Розетка столба в трапезной

вскоре они были рассеяны и прогнаны за границу присланными с Двины стрельцами, которые в Сумском остроге и Кемском городке простояли в оборонительном положении целый год»⁴². Итак, за столетие, к середине XVII века Кемь из незащищенного посада превращается в город с могучими оборонительными укреплениями.

До нас дошла фотография полуразрушенной крепостной башни, сохранявшейся вплоть до конца XIX века. Ее масштабы говорят о гигантской величине всего Кемского острога, сравнимого, пожалуй, только с Якутской крепостью.

⁴² Летописец соловецкий на четыре столетия.— М., 1836.— С. 69.

В. В. Суслов, зафиксировавший эту башню, в своих «Путевых заметках...» писал: «На самом мысе поднималась уже покосившаяся громадная деревянная башня старинного острога. Быстрое течение двух рек, омывающих это место, давно разрушило старинное кемское укрепление, и теперь только широкая восьмиугольная башня, очутившаяся на островке, доживает свои последние годы. Сзади этого пошатнувшегося безмолвного свидетеля минувших оборон, на склоне горы, виднелось старинное, ныне заколоченное, здание бывшего подворья Соловецкого монастыря. За ним по горе расстиались группы стареньких домов, а между ними как-то особенно величаво рисовались в воздухе высокие, почерневшие от времени шатровые крыши собора»⁴³.

Сруб башни с наружной стороны был двойным. Наверху сохранились остатки облама—два горизонтальных бревна, выступавших над плоскостью основной стены. Врубки на башнях наглядно вырисовывают размеры крепостной стены с характерным обломом и двухскатной кровлей. Рублена она была «тарасами». Две параллельные ее стены ритмично соединялись поперечными стенками; внутри клетки были засыпаны камнями, а поверх засыпки шел бревенчатый пол.

Кемская крепость вместе с Сумским

и Кольским острогами была в свое время могучим звеном в цепи укрепления северных границ Российского государства.

Непреклонным стоицизмом веет от неприступных стен Соловецкого монастыря... С острогами Кемским и Сумским Соловецкий монастырь имел большое значение как пограничная крепость с десятками орудий и сильным гарнизоном. Был он когда-то и оплотом раскола, восстав в 1668—1678 годах против коренных преобразований русской церкви.

По сути дела, это было антифеодальное восстание, в корне которого лежала борьба за независимость монастыря. Из 500 человек восставших только 60 остались в живых, да и те потом были заточены в тюрьмы или казнены.

Шли годы, менялась Россия, крепла ее военная мощь. Набирал силу российский флот...

В 1694 и 1702 годах соловецкий монастырь посетил царь Петр. Во время второго приезда царя по его приказу была срублена деревянная церковь. Ее поставили на Большом Заяцком острове.

Село Каргозеро
Карельской АССР. Баня

Село Юшкозеро
Карельской АССР.
Амбар. Рис.
Е. А. Ополонниковой

⁴³ Суслов В. В. Путевые заметки о севере России и Норвегии.—СПб., 1888.—С. 50.

Село Каргозеро. Избы

Строительство длилось всего 6 дней — с 10 по 16 августа 1702 года. Церковь освятили в честь апостола Андрея Первозванного, который при царствовании Петра был объявлен покровителем русского военного флота. Андреевский флаг — косой голубой крест на белом фоне — с тех пор венчал русские военные корабли.

С историей возникновения церкви на Большом Заяцком острове связано строительство знаменитой «государевой дороги». Именно от нее отплыл царь Петр 16 августа 1702 года к пристани Ньюоцкого Соловецкого усолья, откуда, сойдя с кораблей со всем войском, прошел специально проложенной дорогой к Онежскому озеру.

Облик андреевской церкви не совсем обычен для Русского Севера. Он больше напоминает посадские церкви XVII века, распространенные в центральных землях России. Вместо высоко взметнувшегося явись шатра или грандиозного куба с изощренно-пластичными линиями силуэта перед нами — массивная, но приземистая клеть под четырехскатной, с большим выносом кровлей. Наверху стоит небольшая восьмерик, увенчанный луковичной

главой с крестом. С востока прирублена пятигранная апсида алтаря, с запада — небольшая трапезная с крыльцом. С северной и южной сторон во всю длину трапезной и самого храма раньше шла крытая галерея, называемая папертью, реже — нищевником. Из трапезной в нее вели довольно высокие косячатые двери, следы от которых сохранились на стенах памятника. По сохранившимся следам было графически восстановлено и крыльцо и ряд других первоначальных элементов церкви.

Эта небольшая одноярусная церковь затерялась среди вод былинного Гандвика, как в старину звали Белое море. Потому и обследовали ее намного позже других памятников деревянного зодчества Русского Севера — всего лишь в 1973 году⁴⁴. Но, несмотря на удаленность, укрыться церкви от «обновления» все же не удалось, как, впрочем, и не менее удаленной Никольской церкви Муезерского монастыря.

Однако, если говорить о чуждых наслоениях, взятых в их чистом виде, то их на Заяцкой церкви не так уж и много. Наружная тесовая обшивка сруба, выпол-

⁴⁴ Обследование проведено автором с участием Б. П. Зайцева.

ненная в духе стиля «ампир», внутренняя окраска потолков известью и обивка стен картоном — вот, пожалуй, и все.

Нелегкой задачей при реконструкции подлинного облика Заяцкой церкви было восстановление ее утрат. Их здесь немного, и все они могут быть разделены на две категории.

В одну категорию входят крупные утраты — галерея и крыльцо, от которых ныне остались только следы — врубки на стенах. А в другую категорию входят все остальные детали — дверные створки и оконные рамы, шелома и пики кровельного теса, крест на главе и некоторые ее конструкции, то есть все те утраты, которые легко и вполне правмерно могут быть воспроизведены по аналогии с деталями, сохранившимися на других памятниках Поморья. Так, в качестве аналога были использованы резные столбы на крыльце Кемского собора. Хотя такое решение вопроса и нельзя признать бесспорным, но в данном случае оно, по нашему мнению, более целесообразно, чем решение оставить столбы гладкими, какими они никогда не были. То же самое относится и к причелинам, восстановленным по тем же аналогам.

Что же касается первой категории утрат, то с ними дело обстоит сложнее. Оставшиеся следы от галереи и крыльца дают достаточно ясное представление об их месте в архитектурной структуре всего здания, об их размерах, композиционной форме и даже о характере их конструкций. Но все равно как исходные данные для достоверного восстановления обеих утрат эти следы явно недостаточны.

Поэтому все архитектурно-конструктивные формы крыльца и галереи, воспроизводимые на основе их следов и аналогов, всегда останутся предположительными.

В Заяцкой церкви галерея состояла из двух боковых крыльев каркасной конструкции, которые связывались между собой западным прирубом — трапезной, связанной воедино с четвериком. Именно такой эта галерея и показана на чертежах, изображающих памятник в реконструированном виде.

К особенностям деревянного зодчества Беломорья можно отнести типологическое разнообразие культовых зданий. Мы встречаем здесь и многоглавые храмы (восьмнадцатиглавый Кольский собор, сожженный англичанами в 1854 году), и шатровые (в Варзуге, Кемь, Муезере), и клетские (в Ковде), и ярусные (на Заяцком острове и та же церковь в Варзуге).

К самобытным церквям Беломорья относится Петропавловская церковь в селе Вирма конца XVII века.

Село это расположено южнее Кемь уже не на Карельском берегу, а на Поморской части Белого моря. Но по рельефу своему и растительности, да и по архитектурно-пространственному облику окрестности Вирмы более сходны с Беломорской землей, чем с Онежским или Северодвинским краем.

В безграничной дали Беломорской равнины, среди древних замшелых валунов и невысоких елей архитектурно-художественный образ памятника представляется удивительно лиричным. Нет в нем величественной монументальности шатровых храмов, их суровой отрешенности. Скорее он выражает жизнелюбие, свойственное многим памятникам искусства XVII—XVIII веков.

В облике Петропавловской церкви проявились строительные традиции, распространенные на этих землях и на землях Поонежья. Именно по берегам Онеги более всего были распространены кубоватые «верхи» деревянных церквей.

Главная достопримечательность Петропавловской церкви — это ее кубоватый «верх», покрывающий четверик храма. Замысловато изогнутые линии главков и куба великолепно сочетаются с бочковым покрытием пятигранного алтаря. Все формы укрупнены, весомы, что придает силуэту церкви торжественность.

Интересна и конструкция куба. Он рублен из бревен «в режь» и установлен на внутреннем шестивенцовом четверике, укрепленном в наружных стенах. Внутри четверика — две пересекающиеся под прямым углом стены, создающие пространственную жесткость. Эта оригинальная конструкция известна только по виремской церкви.

Трапезная церкви в начале XX века была значительно перестроена. Площадь ее вытанутого в длину помещения в несколько раз больше площади самого храма. В трапезной сохранился старинный резной столб. Когда-то их было два. Резьба столба очень выразительна и вместе с тем традиционна: сочные «дыньки» разделены вставкой из плоского орнамента и обрамлены изящными жгутами с розетками. Розетки на столбах напоминают резьбу на балках подмосковной церкви в селе Васильевском. Напоминают, но не повторяют.

Разнообразная трактовка традиционных приемов — характерная особенность народного деревянного зодчества. В этом разнообразии — диалектическая преемственность его основ, то сочетание вековой строительной мудрости с талантливым «домыслом» мастера, которая рождает неповторимое своеобразие формы. И тому пример не только резной столб виремской трапезной, но и множество других деталей церкви.

Так, клиросы, расположенные по обе стороны от иконостаса, сделаны, как обычно, из широких досок-плах, положенных «вкосяк». В верхней части они украшены резным орнаментом. Сам факт существования здесь резьбы традиционен. Однако характер ее рисунка со стрельчатыми очертаниями декоративных досок-подзоров оригинален.

В виремской церкви только ее центральная часть — четверик с кубоватым покрытием и алтарь — сохранила свою древнюю архитектурно-конструктивную основу. Наружные стены четверика, а частично и сам куб были обшиты тесом. Трапезная церкви вместе с сенями-лапертью сооружена в начале XX столетия на месте меньшей по размерам старой трапезной⁴⁵. Слеговая конструкция ее кровли уступила место стропильной, а тесовое покрытие сменило железное. Были тут сделаны и два слуховых окна, не характерных для народного зодчества. Но следов былой кровли, по которым можно было бы ее воссоздать, не сохранилось. Более того, не сохранилось и следов первоначальной трапезной.

Такое смешение в архитектуре одного здания двух начал, совершенно раз-

личных по своей социально-исторической природе и формально-стилистическим качествам, усложняет реставрацию Петропавловской церкви. Вопрос о возвращении ей оптимального облика спорный, ибо нет достаточно веских аргументов в пользу воспроизведения старых объемов церкви и трапезной. Реставрация памятника была ограничена задачей его укрепления. Вместо толевого покрытия трапезной, пришедшего на смену железному, было уложено простое тесовое, состоящее из нешироких с двумя ложбинками по бокам досок, и убраны слуховые окна. Подлинные элементы здания, или сохранившиеся в процессе известной преемственности более или менее полно форму подлинников, были восстановлены точно по подобию своих предшественников, строго следуя основным принципам и положениям научной реставрации.

⁴⁵ Известия Императорской Археологической комиссии — Вып. 39. — Спб., 1911. — С. 141—142.

Глава третья

*Северодвинское
поречье*

*Башня Николо-
Корельского монастыря в
музее «Коломенское»*

*Мельница из дерева
Азаповье в музее «Малые
Корелы»*

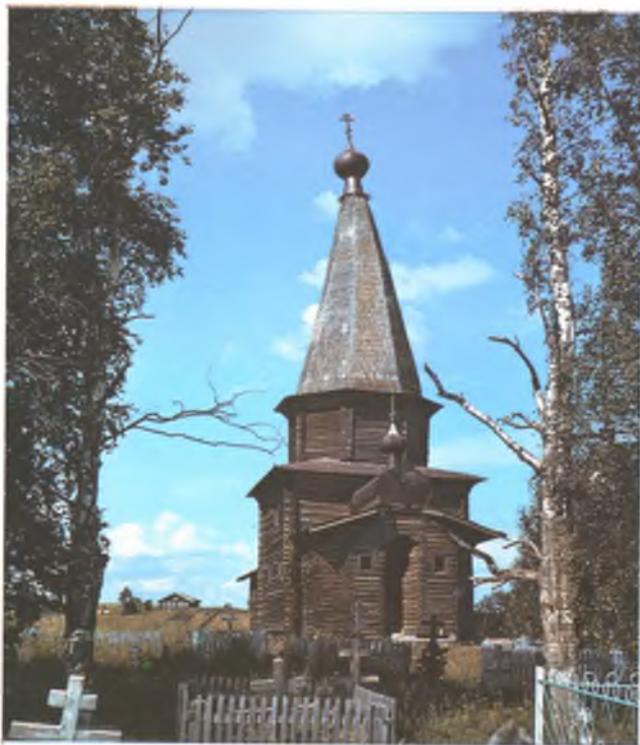
*Никольская церковь в селе
Дьявля Архангельской
области*

*Амбар в деревне Устопса
Архангельской области.
Фото
Е. А. Олодовниковой*

Деревня Ново-Никольская.
Ограда. Фото
Е. А. Ополовниковой

Георгиевская церковь в селе Поча. Вид с юго-востока. Фото Е. А. Ополовниковой

Как Беломорский край прошли мы с севера от начала Терского берега и устья Варзуги до берега Поморского, где село Вирма,—так и с северодвинской землей будем знакомиться: от моря, от Архангельска до Вологды.

В прошлом веке Архангельская губерния была самой обширной в европейской России. Обширной и малозаселенной. Основная масса ее жителей сосредоточивалась по берегам крупных рек. И если первыми русскими поселенцами в Беломорье и на онежской земле были новгородцы, то здесь, по берегам Северной Двины,—главным образом выходцы из Ростова, из Владимиро-Суздальского княжества. Шли они сюда через Вологду и Белоозеро, вверх по Онеге и Сухоне.

На северодвинские земли, как и на весь Русский Север, не проникли монгольские завоеватели, здесь не было помещичьего гнета. Здесь витал дух предприимчивости и вольнолюбия. Потому, как хлебный колос на доброй земле, быстро рос и развивался этот далекий край. Одной из причин превращения его в богатейшую область Московского государства стала торговля с «заморскими странами», начало которой было положено в XVI веке именно в низовьях Северной Двины.

Но в XVIII веке значение Архангельска как торгового порта упало. Набрал мощь новый порт России—Петербург.

Архангельск был лишен права принимать такие товары, как пенька, юфть, икра, клей, поташ, смола, щетина, ремень и др. Эти товары экспортировались только через столичный порт.

В 1714 году, учитывая настоятельные просьбы русских купцов, Петр I разрешил им половину своих товаров доставлять в Архангельск, а половину—в Петербург. Но уже в 1717 году эта пропорция была изменена. Русским купцам разрешалось доставлять в Архангельск всего лишь треть своих товаров, а две трети они обязаны были экспортировать только через Петербург.

Но и в те времена, когда торговые пути миновали устье Северной Двины, Архангельск оставался важным центром судостроения, исходным пунктом многих полярных экспедиций, шедших на северо-восток сибирской земли, «встречь солнцу», и прямо на север—в бескрайние льды Ледовитого океана.

Что же касается культурной жизни северодвинской земли, то она со своим древним центром Холмогорами не только хранила и развивала древние культурные традиции, но и продолжала участвовать в сложении общерусской национальной культуры.

Еще древними новгородцами в низовьях Северной Двины был построен Николо-Корельский монастырь. Стоял он близ старого устья реки, недалеко от возникшего позже Архангельска. Монастырь этот неоднократно перестраивался. Поначалу он представлял собой довольно значительное укрепление, а позже стены и башни его утратили свое военно-оборонительное значение и более повторяли формы некогда мощных крепостей, нежели были таковыми в действительности. Они ограждали древнюю обитель от «лихого люда», отшельников и иноков от внешнего мира.

С Николо-Корельским монастырем связана история заморской торговли Московского государства через Белое море. Потому в XVI веке он являлся истинной крепостью—неприступной для врага. Монастырь был перестроен в 1691—1692 годах. От этого времени дошла до нас проездная башня.

В 1880 году стены Николо-Корельского монастыря были заменены новыми, а башня была обшита тесом. В начале 30-х годов башню перевезли в музей-заповедник «Коломенское», где предполагали создать довольно обширную архитектурно-этнографическую экспозицию под открытым небом. Башня и поныне стоит в музее как памятник русского крепостного деревянного зодчества, величественный и простой⁴⁶.

Построена она по типу крепостных

⁴⁶ Реставрация и перевоз башни осуществлялись по проекту и под руководством П. Д. Барановского в 1932—1933 годах. Тесовая обшивка при реставрации памятника была снята.

Домик Петра I, перевезенный из Архангельска в музей «Коломенское»

надвратных башен, но стратегического значения уже не имела. Ее конструктивная основа — восьмерик на четверике — была более типична для деревянного культового зодчества, нежели для крепостных сооружений. По берегам не только Северной Двины, но и всех северо-русских земель стояли такие церкви и колокольни. Немало их было и в центральных районах России. Недаром тип храма «восьмерик на четверике», увенчанный шатром, стал классическим в русском культовом деревянном зодчестве.

А в оборонной постройке — если башню Николо-Корельского монастыря отнести именно к таковым — постановка восьмерика на четверике совсем не оправдана. Во-первых, по выступам четверика противнику было бы легче взобраться наверх, на самую башню. Во-вторых, при обороне попасть в противника — вне зависимости от вида орудия — удобно было только из самого центра

восьмерика, из нескошенной его грани. А уже чуть с отступом от нее, чуть сбоку, мешали бы выступы четверика.

Башня в плане квадратная, с проездом в центре и двумя симметрично расположенными узкими помещениями по сторонам проезда, видимо, кладовыми. Сам проезд перекрыт бревенчатым сводом.

Восьмерик башни сверху заканчивается плавным повалом, прикрытым полницами шатра. Стропильная конструкция шатра и рубка стен не «в обло», а «в лапу» говорят о том, что нововведения в деревянном зодчестве, появившиеся в середине XVII века в центральных районах России, незамедлительно были привнесены и сюда, в низовья Северной Двины.

К югу от Архангельска, на высоком пологом холме правого берега Северной Двины стоит древнейший из сохранив-

Башня Николо-Корельского монастыря. Фото начала XX века

Башня Николо-Корельского монастыря в музее «Коломенское»

шихся на Руси шатровых деревянных храмов — Никольская церковь в селе Лявля. Построена она в 1584 году по велению, как гласит предание, новгородской посадницы Анастасии над гробом ее брата Стефана.

«От Холмогор до Колы тридцать три Николы», — говорили в старину. Никола Чудотворец люб был русскому люду, потому что жил, как сказывали, великий святой простым человеком в миру. Он же считался покровителем путешественников, торговцев, моряков. Почти в каждой избе стояла на почетном месте икона Николы. Неудивительно, что Никольская церковь в Лявле была особо почитаема местными жителями.

На просторных лявлинских землях, удобных и для хлебопашества, и для рыбного промысла, стоял когда-то Успенский монастырь. В XVII веке он был приписан к Антониеву-Сийскому монастырю близ Холмогор, а в XVIII веке упразднен и превращен в обычный приходской центр. В 1804 году на месте его обветшавших построек была возведена каменная Успенская церковь. Позже была закрыта на 40 лет «за ветхостью» деревянная Никольская церковь. Во второй половине XIX века ее коренным образом перестроили. И тогда открыли. Но и полный набор «благолепных обновлений», примененных в Никольской церкви во всем его ужасающем разнообразии, не убил ее прекрасной основы. Глубокой древностью веет от памятника — стоит только повнимательней поглядеться в него.

В перестроенном виде простояла церковь немало — до начала 70-х годов нашего столетия. Реставраторы сняли наружную и внутреннюю обшивку бревен, восстановили лемеховые покрытия кровель, раскрыли древние косячатые окна⁴⁷.

Редчайшая конструктивная особенность церкви — рубленый восьмигранный остов главки и барабана. В известных нам деревянных церквях и часовнях луковичные главки делались обычно из досок, вертикально поставленных кру-

⁴⁷ Реставрационные работы были проведены по проекту и под руководством архитектора В. А. Крохи-

*Домик Петра I в музее
«Коломенское». Крыльцо*

*Домик Петра I. Столб
крыльца*

*Домик Петра I. Деталь
нижней площадки
крыльца*

Башня Николо-Корельского монастыря. Ворота с внешней стороны

жал или журавцов. Они складывались из нескольких частей-лекал, повторяющих в совокупности наружные очертания глав.

Восьмигранные срубы главы и барабана — вещь уникальная в деревянном зодчестве. Единственный, известный нам аналог — завершение деревянной церкви 1746 года в селе Патрикеевка, входящемся, как и Лявля, в Приморском районе Архангельской области. Большой интервал во времени строительства этих памятников — соответственно конец XVI и середина XVIII века — не объясняет конструктивное своеобразие

их завершенный индивидуальностью творческого метода одного и того же мастера.

Здесь перед нами еще один пример привязанности народа к старине. Мысли и дела дедов и отцов достойно чтятся потомками.

Сейчас подлинный сруб остова лявлинской главы как уникальный образец древней конструкции народного зодчества экспонируется внутри самого памятника. Вместо него на шатре установлен новый остова тех же размеров, но конструктивно упрощенный — из «журавцов».

Никольская церковь
1600 г. в селе Панилово
Архангельской области.
Рис. И. Э. Гривара

Никольская церковь в селе
Ляля до реставрации

Когда-то в Северодвинье было немало церквей, подобных лявлинской. Много общего у нее с замечательной Никольской церковью в селе Панилово, также расположенном в низовьях Северной Двины. Именно паниловский памятник, в композиции которого особо подчеркнут объем трапезной, можно рассматривать как переходный этап развития шатровых деревянных церквей, идущих прямо от земли к более сложному в архитектурно-пространственном отношении типу — «восьмерик на четверике с трапезной».

В архитектуре лявлинской церкви нет стремительности и легкости столбообразных шатров, которая присуща более поздним памятникам, таким, как Успенская церковь в Кондопоге. Однако в ее облике нет и «будничности» клетских церквей.

В старинном северодвинском селе Чухчерьма, раскинушемся, как и Ляля, на правом берегу реки, стоит деревянная церковь клетского типа, построенная в 1824 году в честь Василия Блаженного. На ее месте стоял когда-то более древний храм XVII века. Неподалеку от церкви — традиционно, со сдвигом по диагонали к ее оси — возвышается шатровая колокольня 1783 года. Здесь же стояла грандиозная десятиглавая Ильинская церковь 1657 года, известная по фотографиям и обмерам начала нашего века⁴⁸.

Этот замечательный ансамбль наиболее выигрышно воспринимался со стороны реки. Он же являлся и зрительным ориентиром для судов, идущих по Северной Двине. Далеко, за много километров от села, был виден огромный четверик Ильинской церкви, увенчанный пышностью глав. По мере приближения к селу вырисовывалась вертикаль островерхой колокольни и приземистый объем Васильевской церкви. Все эти разнотипные постройки образовывали живописную, композиционно завершенную группу, естественно-непринужденный ансамбль, характерный для Русского Севера.

⁴⁸ См. Забелло С., Иванов В., Максимов П. Указ. соч. — С. 78. В 1933 г. Ильинская церковь сгорела.

Никольская церковь в селе
Льва, Восьмерик
изнутри

Васильевская церковь и колокольня в селе Чухчерьма Архангельской области

Каждая его постройка возводилась разными мастерами и в разное время. Каждая из них поставлена с удивительным чувством такта по отношению к другой и к окружающему пространству, с тонким восприятием масштаба сооружений в целом и их отдельных частей.

Васильевская церковь — теплый храм клетского типа. Такие церкви были более распространены в центральных районах России. Впрочем, и там их осталось немного, хотя в старину было неизмеримо больше, чем каких-либо других. По своему архитектурно-конструктивному построению они предельно просты. Из

Васильевская церковь в селе Чухчерьма

всех типов деревянных церквей клетские наиболее близки к жилым зданиям: те же двухскатные кровли, трапезные со скамьями по стенам, напоминающими лавки в горницах, те же окна и крыльца. Желание выделить культовое здание среди жилых построек заставляло зодчих, не довольствуясь главой с крестом на коньке кровли, делать кровлю более крутой и высокой (например, Успенская церковь в Иванове, Рождественская в селе Талицы Ивановской области, Никольская из села Глотова в Суздале и др.).

Высоким клином поднимается и кровля Васильевской церкви. Подстать ей — высокий, массивный барабан с довольно большой главой. И та же тема, но в другой трактовке, решенная в мягких, пластичных линиях, — массивная бочка над пятигранным алтарным прирубом.

Сам храм и алтарный прируб — сооружения более древние, чем вытянутый объем трапезной с сухогеометризованными оконными проемами. Было у Васильевской церкви большое приветливое крыльцо на два вихода, расположенное с западной стороны памятника. Причелины крыльца, его фронтальный проем и обрамления лестниц были украшены своеобразной,

характерной только для данного памятника резьбой.

В отличие от Васильевской церкви, обшитой снаружи тесом, сруб колокольни в Чухчерье открыт, естествен. В сочетании с трехрядным покрытием шатра и лемеховой главкой он выглядит весьма живописно. Однако рубленый в лапу, а не «в обло», как ставшие ныне «классическими» колокольни в селе Цывозеро или Кулига, он не столь пластичен.

Пропорциональное построение колокольни в Чухчерье не отступает от древних традиций: ее основание — четверик — невысоко по сравнению с общей высотой здания и размеры массивного шатра вполне согласуются с общей монументальностью сооружения.

Тип колокольни «восьмерик на четверике», к которому относится и колокольня в Чухчерье, самый распространенный и устойчивый на Руси. Такие колокольни строили вплоть до конца XIX века. Но в тектонической структуре сруба поздних колоколен (Кижы, Талицы) резко изменен традиционный пропорциональный строй, в основе которого лежал четко выраженный контраст между низким приземистым четвериком и высоким стройным восьмериком. Такое контрастное соотношение двух основных частей сруба и есть один из характернейших признаков древнерусских деревянных колоколен, рубленных восьмериком на четверике.

В начале 10-х годов нашего столетия по чертежам Д. В. Милеева был проведен ремонт колокольни. Архитектурный образ памятника был несколько изменен из-за появления на звоне резных баясин — элемента, совершенно нетипичного для таких памятников. Ограждения на колокольнях в старину делались всегда сплошными, тесовыми, равно как и ограждения крылец или галерей. Благодаря этому не нарушалась целостность архитектурных масс.

Прообразами отдельно стоящих рубленых колоколен на Руси были простейшие звонницы на столбах с подвешенны-

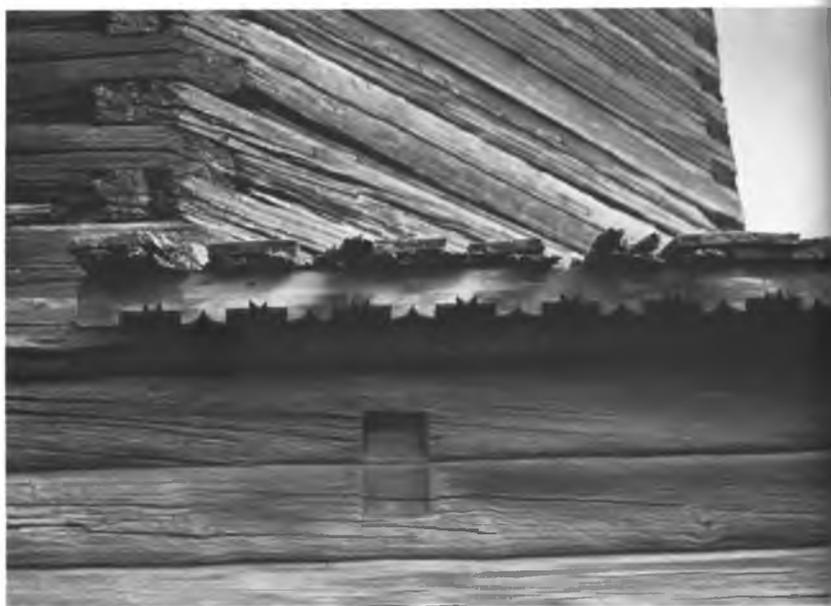

Васильевская церковь и колокольня в селе Чухчерье

Васильевская церковь в селе Чухчерье. Крыльцо

*Колокольня в селе
Чухчерьма. Угол
четверика*

*Колокольня в селе
Чухчерьма. Причелина*

ми вверху на перекладине колоколами. Формы таких звонниц тоже видоизменялись на протяжении веков, развивались и усложнялись. К наиболее развитому их типу относится звонница в селе Ракулы, на левом берегу Двины.

Восьмистолпная, увенчанная шатром и четырьмя бочками, эта колокольня, несмотря на свою конструктивную простоту, была довольно внушительным сооружением. По обе стороны от нее стояли два деревянных храма: Воскресенский, построенный в 1766 году, и Покровский, срубленный чуть позже, в 1782 году. Замечательно, что завершения Воскресенской церкви и колокольни были совершенно одинаковыми по своему композиционно-образному строю. Этот ансамбль воспроизведен в рисунке-реконструкции И. Э. Грабаря.

Если тип клетской церкви, как Васильевская в Чухчурьме, необычен для Северодвинья, но достаточно широко распространен в центральных районах России, то архитектура Спасо-Преображенской церкви в селе Ижма, что в двадцати пяти километрах от Архангельска, не типична вообще для культового зодчества России.

Более всего она, пожалуй, напоминает огромный старинный жилой дом,

Ансамбль в селе Ракулы Архангельской области: Воскресенская церковь 1766 г., Покровская церковь 1782 г. и колокольня. Рис. И. Э. Грабаря

Спасо-Преображенская церковь в селе Ижма Архангельской области. Вид с юго-запада

Спасо-Преображенская церковь в селе Изма. Вид с северо-запада

увенчанный пятью луковичными главами с крестами, поставленными на высокие шеи-барабаны.

Основная часть церкви была построена и освящена в 1679 году. Два года

ми позже, в 1681 году, завершено строительство северного, Антониевского придела, а через несколько лет — южного в честь Зосимы и Савватия. Над каждым приделом возвышался шатер, образуя пространственную композицию, подобную трехшатровому завершению Кемского собора. Тесовая галерея «из стоек, забранных досками в елку, с окнами, закрывающимися ставнями»⁴⁹, огибала здание церкви с трех сторон.

В 1717 году памятник коренным образом был перестроен, сняты венчающие его шатры, кровля сделана на четыре ската с пятиглавием, широко распространенным в культовом строительстве начала XVIII века. Архитектура церкви утрачивает образный строй древних народных памятников. О нем нам повествуют лишь отдельные, дошедшие до наших дней детали: остатки тесовой галереи-паперти, волоковые и косячатые окна, массивные двери на основательных деревянных пятах.

Спасо-Преображенская церковь в селе Изма. Часть галереи-паперти

⁴⁹ Известия Императорской Археологической комиссии. — Спб., 1911. — Вып. 39. — С. 115.

*Спасо-Преображенская
церковь в селе Ижма.
Окно восточного фасада*

*Спасо-Преображенская
церковь в селе Ижма.
Окно восточного фасада*

*Спасо-Преображенская
церковь в селе Ижма.
Окно восточного фасада*

Четырехскатные крыши были широко распространены в деревянном оборонном зодчестве Древней Руси. Ими обычно покрывались четверики крепостных башен. Само покрытие при этом могло быть и невелико, как на обеих башнях Братского острога, и, напротив, весьма значительным, являющимся, по существу, шатром,— как у башни Якутского острога.

Так же покрыта и церковь в Ижме, напоминающая нам о первых шатровых храмах на Руси. В основании ее лежит не восьмерик, а четверик или простанок-клеть. Единственным известным представителем этого древнейшего типа деревянных церквей является памятник в селе Новинки Вологодской области «Его „старый“ и небольшой сруб, служивший из ветхих венцов, указывает на древнее происхождение памятника... четырехгранный же шатер— со срезанным верхом, и только верхний ярус сделан восьмериком, на котором возвышается маленький барабан с большой луковичной главой»— так описывает церковь в Новинках В. Баниге⁵⁰. Внесем некоторые уточнения в это описание: церковь, называемая Никольской, построена в 1717 году и сейчас перевезена из Новинок в большое село Даниловское того же, Устюжинского, района Вологодской области.

Этот памятник замечателен тем, что его основу составляет рубленный четверик с широким повалом вверх, увенчанный массивным шатром. Именно его архитектурные формы более всего созвучны образам древнерусского крепостного зодчества, воспевающим величие доброй и могучей силы русского народа-труженика.

Широко разливается река Двина, принимая в свое русло многоводную Пинегу, правый, наибольший свой приток. «Река Пинега как по древним ее жителям, так и нынешним обстоятельствам примечания достойна... Жители ее древности великое имели участие в перемнах Двинских»,— писал еще в 1771 году академик И. И. Лепехин⁵¹.

⁵⁰ Дорогие сердцу места. Путеводитель по Вологодской области.— Архангельск, 1971.— С. 144.

⁵¹ Мильчик М. И. По берегам Пинеги и Мезени.— М.— Л., 1971.— С. 9.

Древняя летопись называет пинежские земли Заволочьем, то есть расположенными за волоками, памятуя, видимо, о нелегких путях-дорогах новгородских ушкуйников от берегов Северной Двины через Пинегу к Печоре, а от Печоры «за Камень», в далекие сибирские края. Шел туда русский люд не только из Новгорода, но и из Москвы.

Опорой централизованного Московского государства на Пинеге был Выйский погост, выросший в ее верховьях на месте чудского поселения. Здесь в 1600 году была построена деревянная Ильинская церковь. Этот могучий шатровый храм с массивным восьмериком, являющимся от самой земли, — характерный памятник деревянного зодчества Северодвинья, собрат древней Лявлинской церкви.

Неподалеку от Выйского погоста в деревне Усть-Вья стояла небольшая шатровая часовня XVII века. В XIX веке она была перестроена, но сохранила свою объемно-композиционную основу: четверик с невысоким восьмериком, увенчанный шатром с массивным барабаном и луковичной главой. По углам четверика размещены бочки-теремки. Замечательно, что лемехом здесь покрыты не только глава, барабан и теремки, но и сам шатер.

К достопримечательностям часовни следует отнести и ее звонницу, стоящую на одном столбе. На этот столб опирается маленький сруб, поддерживающий площадку звона.

Ее покрытие и ограждение парапета из дощатого баясника возникли в период перестройки часовни в конце XIX века. Но целостность пропорционального построения звонницы не была нарушена. Изящество силуэта часовни в Усть-Вье позволяет отнести ее к лучшим образцам русского культового деревянного зодчества.

Общий принцип построения роднит часовню из Усть-Вьи с другим пинежским памятником — Воскресенской цер-

Часовня в деревне Усть-Вья Архангельской области. Рис. А. В. Ополовникова

Никольская церковь в селе Новинки Вологодской области. Фото 50-х годов

Воскресенская церковь в селе Малая Немнога Архангельской области. Фото 1912 г. М. Милеева

Воскресенская церковь в
селе Малая Немюга.
Окно алтаря. Фото
1912 г. М. Милеева

ковью 1643 года в селе Малая Немнюга. Невысокий восьмерик ее столпа опирается на массивный четверик. Снизу он увенчан приземистым шатром с крупной главой. Западный и восточный прирубы памятника покрыты двухскатными кровлями с широкими полницами.

С трех сторон церкви была паперть традиционного каркасного типа с забранными «в елку» дощатыми стенами. Она объединяла трехчастное здание в целостный объем. Этому же способствовала и общность архитектурно-конструктивных приемов: крутые повалы боковых прирубов и центрального восьмерика, выносы полиц, однородное — лемеховое — покрытие шатра и двухскатных кровель, рубка бревенчатых объемов «в обло».

В начале XX столетия техническое состояние памятника было настолько плохим, что встал вопрос о его разборке. Вот что сообщается об этом в

Известиях Археологической комиссии: *Пинежское селение*
«А. В. Щусев нашел церковь великолепную. Сообщено, что ученики Высшего Художественного училища Сластухин и Некрасов, измерившие церковь в 1909 г. по поручению Императорской Академии художеств, находят ее состояние очень плохим; более всего ей вредит то, что в нее проникает снег. Если поставить в должных местах подпорки и ремонтировать крышу, то церковь могла бы еще стоять. Позднее В. В. Суслов заметил по новым фотографическим снимкам, что храм уже перекосялся; Е. А. Сабанеев нашел, что храм находится в безнадёжном положении и что приходится разрешить разборку его. К. К. Романов высказал, что с уничтожением храма нельзя примириться...»⁵².

Но не только церквями и часовнями славится народная архитектура пинежской земли, а избами, амбарами, мельницами, разбросанными по многочисленным пожням и новинам, то слаженной

⁵² Известия Императорской Археологической комиссии. — Вып. 46. — СПб., 1912. — С. 23.

Деталь пинежского дома

группой — деревней, то поодиночке. «Зимой, засыпанные снегом и окруженные со всех сторон лесом, пинежские деревни, — начинает описание родной земли Федор Абрамов, — мало чем отличаются друг от друга. Но по весне, — продолжает он, — когда гремучими ручьями схлынут снега, каждая деревня выглядит по-своему. Одна, как птичье гнездо, лепится на крутой горе, или щелью по-местному; другая вылезла на самый крутой бережок Пинеги — хоть из окош-

ка закидывай лесу; третья, кругом в травяных волнах, все лето слушает даровую музыку луговых кузнечиков»⁵³.

Пинежские деревни окружены лесами. У северного крестьянина с лесом были сложные отношения. Жизнь его неотрывна от леса-кормильца, но у него же он отвоевывал землю под пашни и луга, прорубаясь на простор. «А лес так и напирал на него, глушил поля и сеньные покосы, обрушивался гибельными пожа-

⁵³ Абрамов Ф. Прялины. Трилогия. — М., 1977. — Братья и сестры. Ч. 1. — С. 11.

Деталь пинежского дома

Деталь пинежского дома

Деталь пинежского дома

*Летняя деревня Хорнима
Архангельской области.
Амбары и летние дома*

рами, пугал зверем и всякой нечистью. Оттого-то, видно, в пинежской деревне редко кудрявится зелень под окном... у дома куст — настоится дом пуст»⁵⁴.

Большие деревни располагались обычно отдельными островками — на самых удобных и сухих местах, а соединялись между собой такие острова или «волоости» либо водными путями, либо дорогами — «волоками», проложенными через большие и незаселенные лесные массивы — сузёмы.

Размеры северных волоостей различны. Иногда это всего-навсего одна деревенька, состоящая из десятка домов и заброшенная, а чаще — довольно крупная группа деревень, в центре которой находится большое село или погост.

Группами-стайками, образующими порой целые улицы, располагались в северных деревнях амбары. Подобного рода композиции можно было встретить еще совсем недавно и в немалых количе-

ствах. А группы мельниц — это в наше время явление невиданное, хотя раньше сотню лет назад, встречались они в многих деревнях. Обычно по 2—3, реже — 5—7. Но бывали и мукомольные деревни-гиганты. Как Азаполье, например, на Мезени. Здесь было 18 мельниц.

Стояли они поодаль от села, среди широких полей. Тремя рядами располагались, словно защитники добра крестьянского. И вид у них воинственный.

Но жизнь убыстрялась, не нужны стали ветряки — медлительные слишком в сравнении с электрожерновами, да еще к ветру — погоде привязанные: без него ни шагу. В 60-е годы от большой группы мельниц в Азаполье еще оставались два ветряка. Позже один из них перекочевал в музей «Малые Корелы».

Мезень — это уже не Северодвинск. Но края эти напоминают пинежские земли. А само Азаполье, царство мельниц, — одна из ближайших к Пинеге деревень

⁵⁴ Там же.

Летние дома в деревне Хорнима

Можно предположить, что территориальная близость обуславливала и сходство жизни крестьян этих мест, и что где-нибудь в пинежских деревнях или в прибрежных северодвинских селах так же размашисто и бодро стояли ветряки. Удивительная картина!

На Руси мельницы в основном были двух типов: так называемые столбовки и шатровки. А отличаются обе эти разновидности принципом своего конструктивного устройства: у шатровых поворачивается «на ветер» только одна верхняя часть с валом и крыльями — воробина, а столбовка вращается вокруг своей оси вся целиком. В северодвинском поречье строились преимущественно мельницы-столбовки.

Многие памятники деревянного зодчества Северодвинья красуются ныне в Архангельском музее деревянного зодчества «Малые Корелы». Самым древним его экспонатом является шатровая коло-

кольня из села Кулига Дракованова. Точная дата ее постройки неизвестна: по одним источникам XVI век, по другим — XVII, а по третьим — начало XVIII. Но так или иначе — это древнейшая из известных нам колоколен типа «восьмерик на четверике».

Грандиозная, стройная, утонченная по своим пропорциям колокольня стала символом музея. Ее колокола возвещают начало фольклорных праздников и других торжественных событий на его территории.

Высокий восьмериковый ствол колокольни с открытым звоном, традиционным повалом и строгим шатром стоит на низком четверике, равном по ширине самому столпу.

В конструктивном построении кулижской колокольни есть одна характерная особенность. Уровень пола ее звона расположен ниже уровня полиц, а сами

Труба в летнем доме в деревне Хорнима (снаружи и внутри)

Летний дом в деревне Хорнима. Оконце над печью

эти полицы внутри срезаны. Поэтому и ограждение звона у колокольни с наружной стороны очень низкое и отличается от ограждения большинства других колоколен. И лишь у одной — цывозерской (о ней позже) — такая же конструкция звона.

Этот прием — не просто особенность конструкции памятника. Он влечет за собой изменения его внешнего облика. При восприятии колокольни вблизи, если смотреть снизу вверх, ограждения звона не видны вообще и основная идея высотности здания, расчлененного горизонтально лишь проемами звона и поло-

сами полиц, выявляется особенно ярко, подчеркивая общую скульптурность здания.

Село Цывозеро раскинулось сравнительно недалеко от Кулиги Драковановой и так же — с отступом от берега Двины в несколько километров. Но Кулига — на левом берегу, а Цывозеро — на правом. Место здесь широкое, ровное. Чуть в стороне от жилья, видная со всех сторон, стоит деревянная колокольня — древнее сооружение. Не искаженное переделками и наслоениями, оно обладает большим обаянием и притягательной силой.

*Деревня Усть-Улеша
Архангельской области.
Печь в летнем доме*

Летняя деревня Хорнима. Деревня Усть-Улеши.
Амбар Амбар

Основа колокольни — рубленный «в обло» восьмерик, покоящийся на каменном фундаменте, под шатром, на девяти столбах. Столбы колокольни на средней высоте восьмерика опираются на врубленные параллельно стенам четыре балки; выше положение столбов зафиксировано другими балками, идущими также параллельно граням восьмерика, но с отступом от стены на толщину бревна, причем вся эта конструкция, включая и внутреннее пространство шатра, полностью просматривается изнутри колокольни, где нет поперечных перекрытий. Центральный столб-опора пронизывает ее вертикальный объем сверху донизу.

В архитектурно-конструктивных формах цывозерской колокольни, построенной в 1658 году, много своеобразия. Так,

полицы шатра оканчиваются не «усеченной пикой», а изящным трилистником или крестиком с мягкими, округлыми концами. В сочетании с грубоватым, будто небрежно срубленным восьмериком с неравными выпусками бревен, тонкость прорисовки казалась бы второстепенных, не сразу заметных деталей свидетельствует о высоком художественном вкусе и мастерстве народных зодчих. Они в совершенстве владели законами построения архитектурных

*Деревня Усть-Улеша.
Амбары*

*Деревня Усть-Улеша.
Лестница амбара*

Мельница-столбовка в музее «Малые Карелы»

масс и прекрасно осознавали роль детали в образной трактовке и восприятии памятника.

Всего в нескольких километрах от Цывозера, на том же правом берегу Двины, есть село Белая Слуда. Оно расположено на излучине старого русла реки. Поодаль от села был погост с двумя деревянными церквями: Афанасиевской—ярусной, 1753 года, и Владимирской—шатровой, 1642 года.

Ярусная одноглавая церковь, рубленая восьмериком на четверике,— явление редкое в Северодвинье. Подобного типа постройки были распространены в центральных районах России.

В общем облике этого памятника заметна некоторая нескладность, несбалансированность основных его объемов: трапециевидная кажется слишком длинной, крыльцо тяжеловесным, а верх восьмерика каким-то укороченным. При более внимательном взгляде нетрудно заметить, что крыльцо церкви переделано, что ранее оно было не глухим, а открытым. Это совершенно меняло облик здания, делало его и более приветливым, и более выразительным вообще в архитектурно-художественном отношении. Мы считаем, что и завершение церкви—более позднее в сравнении со всей постройкой—слишком уж непропорционально мало оно в сочетании с массивом восьмерика и монолитом прямоугольного основания.

А стоящая рядом Владимирская церковь, напротив,—само воплощение пропорциональной слаженности частей и целого. К тому же шатровый тип храмов можно назвать самым распространенным в Северодвинье. Что же касается его разновидности—восьмерик с прирубками,—к которой относится и церковь в Белой Слуде, то о ней можно говорить как о древнейшей в своем типологическом ряду.

Предшественниками восьмериковых храмов, рубленных прямо от земли, столь схожих по образу и подобию своему с древними крепостными башнями,

Мельница-столбовка в музее «Малые Корелы»

Мельница-столбовка в музее «Малые Корелы». Верхнее крепление лестницы

Шатровая мельница в
музее «Малые Корелы»

ми, были шатровые четвериковые храмы. Такова церковь XVIII века в селе Новинки Устюжинского района Вологодской области.

Восьмерик Владимирской церкви с трех сторон обрамляла крытая галерея⁵⁵. С западной стороны над ней был устроен придел. Вместе с галереей была утрачена и необычная композиция входа в церковь с южной стороны, ориентированного на парадную сторону, обращенную к тракту и реке.

Русское деревянное зодчество имеет вемало примеров того, как строители для придания монументальным сооружениям большей выразительности свободно отступали от церковных канонов, размещая торжественные входы с той стороны, с которой им казалось это наиболее эффективным. Таковы крыльца церквей в Кондопоге, Боро-Свиде, Варзуге и др. «В России ничего невозможного нет», — говорил когда-то

Н. С. Лесков устами своих соборян. А если перефразировать это образное выражение, то можно утверждать, что в русском деревянном зодчестве никогда не было догматических постулатов. Рекомендовалось строить, «как красота и мера скажут». И только.

Еще в дореволюционные годы Владимирская церковь в Белой Слуде была обмерена академиком В. В. Сусловым. Но некоторые характерные элементы памятника были зафиксированы неточно⁵⁶. Так, потолок в самой церкви оказался не двухскатным с коньком в середине, а плоским. Первоначальный потолок был уложен в «елку», что подтверждается соответствующими гнездами в его продольных балках.

Не было зафиксировано в первых обмерах церкви характерное завершение ее шатра, плавню переходящего в рубленую восьмигранную шею. Такая же система рубки не только шеи, но и главы в

*Село Кулига Дракована
Архангельской области.
Колокольная*

⁵⁵ Памятник был обследован в 1952 году. В начале 60-х годов он сгорел от удара молнии.

⁵⁶ См.: Забелло С., Иванов В., Максимов П. Указ. соч. — С. 92.

*Село Цывозеро
Архангельской области.
Колокольня*

*Село Кулига Дракованова.
Колокольня*

*Село Кулига Дракованова.
Столбы звонницы
колокольни*

Лявлинской церкви (что великая редкость).

К композиционно-художественным особенностям памятника следует отнести своеобразную и малораспространенную форму бочек, перекрывающих западный и восточный прирубы. Их округлые очертания завершены острым килем с четкой, прямолинейной окантовкой. Первоначальная кровля бочек была гонтовой.

Гонт сам по себе — не только красивое покрытие криволинейных, в основном бочкообразных кровель, но и предельно рациональная система покрытия, способствующая быстрейшему выветриванию осадков. Вода, стекая с одного ряда гонта на другой, рассредоточивается по их торцовым поверхностям, увеличенным еще за счет торцовой порезки. Тем самым надежно предохраняются от загнивания нижние гонтины и их стык с полицами. А если убрать порезку, то вся вода начнет стекать вниз без замедления, создавая благоприятную среду для загнивания кровли бочки внизу и ее полиц. Так, собственно, и произошло,

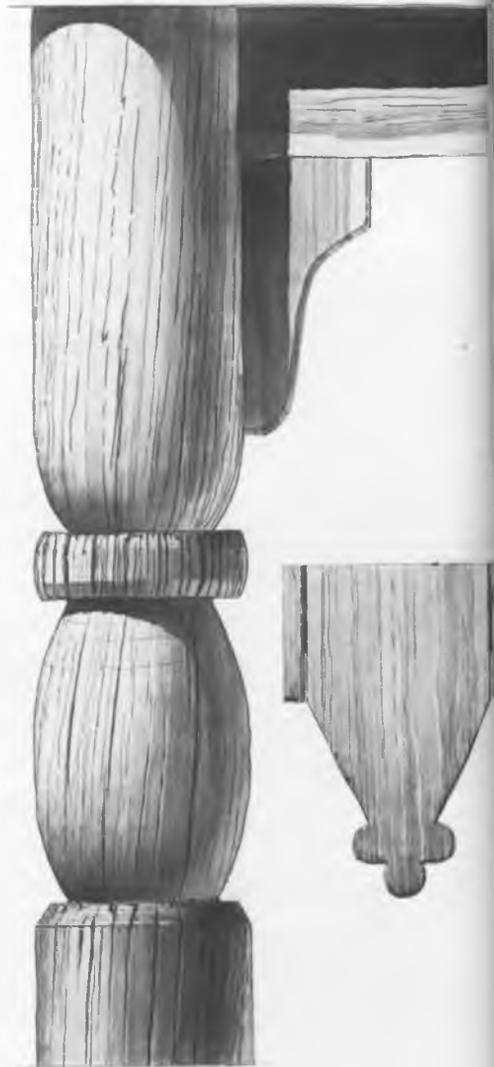

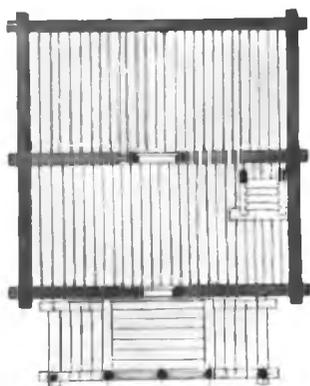
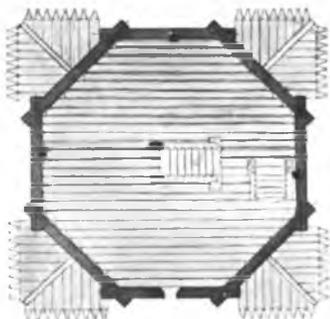
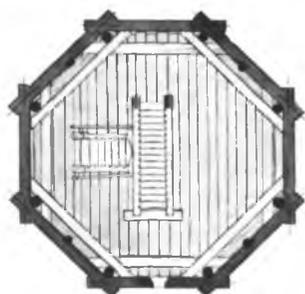

*Колокольня из села
Кулига Драковини в
музее «Малые Корели»*

Село Цвезеро.
Колокольня. Разрез.
Обмер

Колокольня в селе
Цвезеро. Столб
звонницы и полца

Село Кулига Драганово.
Колокольня. Главный
фасад и планы.
Реконструкция

Георгиевская церковь из
села Вершины в музее
«Малые Корелы». Автор
реставрации
В. А. Крохин

Когда старое покрытие прирубов церкви было заменено новым, тесовым.

Примечательны в памятнике и его детали. Прежде всего — редкая и уходящая корнями в глубокую древность конструкция двери на деревянных пятах. Подобное мы встречаем в гражданской архитектуре этих мест (Красноборский район Архангельской области или верхнее Северодвинье), в частности в избе из деревни Холм, о которой дальше идет речь. Деревянные пяты были и на отщипных скамьях в трапезной Никольской церкви Муезерского монастыря, и в мельничной часовне в деревеньке Васильево на Кижском острове.

Примечательно и косячатое окно, сделанное на месте старого волокового окошка. Выше нового окна первоначальное, тоже волоковое, заделано. Это пример так называемых традиционных наможенных, не искажающих архитектурно-художественный образ памятника, выполненных в рамках одной архитектурно-строительной культуры. Точно с таким же явлением столкнулись мы и при исследовании Варваринской церкви в селе Яндомозеро КАССР.

Архитектурно-пространственная схема, положенная в основу построения церкви в Белой Слуде, — восьмерик с двумя прирубам, встречается и на двух других северодвинских памятниках — в Дявле и на Выйском погосте. Но именно в этом памятнике с такой яркой отчетливостью проявляется великое мастерство северусских зодчих — плотников. Размеры церкви поражают — 45 метров от низа до креста! Такова же высота и другого уникального творения русского деревянного зодчества — Успенской церкви в Кондопоге.

В стройном и суровом силуэте белоладской церкви, в строгой простоте ее объемов, в тончайше найденных их соотношениях — величие духовной силы ее творцов. Для создания шедевра мало умения, мало даже мастерства, нужна острота зрения, светлое видение красоты мира и понимание ее как основы основ всего сущего. И покоряют не столько

Владимирская церковь в селе Белая Слуда Архангельской области. Южный фасад

Владимирская церковь в селе Белая Слуда. Вид с юго-востока

Владимирская церковь в селе Белая Слода. Юго-западное окно (снаружи и внутри)

Владимирская церковь в селе Белая Слода. Дверь на южном фасаде (снаружи и внутри)

формы, сколько мироощущение, образно преломленное в архитектуре памятника.

Иной силуэт, иные архитектурные формы у Георгиевской церкви в Пермогорье, построенной в 1665 году. Она стоит на крутом левом берегу Северной Двины, четко вырисовываясь на фоне неб.

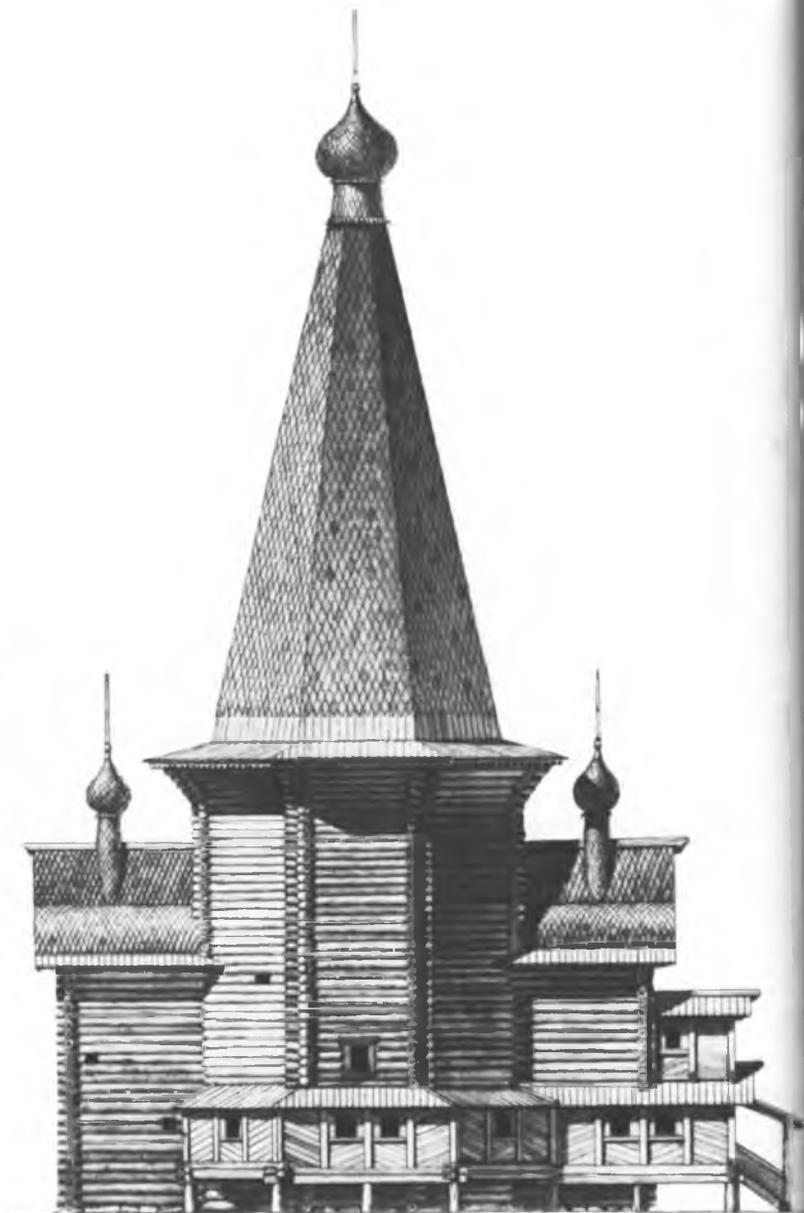
И Пермогорье, и Белая Слуда, и Цыдозеро — села одного и того же Плесноборского района Архангельской области. В нескольких километрах от Пермогорья находится и Кулига Дракошова, где стояла замечательная колокольня — ныне экспонат «Малых Корел».

Объемно-пространственная композиция Георгиевской церкви в Пермогорье, несмотря на тесовую обшивку, железное покрытие кровли и глав, да и на другие переделки, не лишено своеобразия. Это единственный случай сочетания крещат-

Владимирская церковь в селе Белая Слуда. Дверь в западном прируб

Владимирская церковь в селе Белая Слуда. Угол западного прируб

Владимирская церковь в
селе Белая Слуда.
Северный фасад.
Реконструкция

того, увенчанного бочками верха с трехглавием. Каждая глава поднята на высоком, чуть сужающемся кверху барабане; центральная, самая большая, возвышается над двумя одинаковыми по бокам. Тем самым усиливается, конкретизируется пространственная идея сооружения, в которой сосуществуют два контрастных начала: с одной стороны, постепенное нарастание объемов к центру здания, а с другой — их уменьшение и детализация по мере повышения уровня их размещения.

Строго говоря, в архитектуре памятника нетрудно заметить и явственно выступающие черты упадка народного зодчества. Если от величественных образов шатровых церквей в Лявле, на Выйском погосте, в Белой Слуде или Верхней Уфтоге, от колоколен в Цывозере или Кулиге веет торжественной силой, то в образе Пермогорской церкви, напротив, улавливается налет суетного обмирщения, заботящегося более о своем внешнем облике, нежели о внутренней, духовной сути. Это и немудрено, так как церковь с момента своего рождения была коренным образом перестроена. Следы первоначального завершения ее четверика сохранились внутри второго яруса.

«Старинная изба... потолок и стены из гладко оструганного кругляша — золотом светятся. И дух в избе вкусный, травяной. Особенно бросается, когда в холодное время с надворья заходишь: будто из зимы в лето попадаешь»⁵⁷. Таковы старинные северные избы. Таковой была и изба в деревне Холм на реке Уфтоге, правом притоке Северной Двины. Изба эта — еще одна региональная вариация типа «брус».

В отличие от домов Поонежья, рассмотренных выше, в структуре этого дома нет повети, кладовых и коридора на поветь, объединенных сенями в особый сруб, вкомпонованный между избой и крытым двором. Сени смыкаются с двором непосредственно, и благодаря такой планировке общая длина всего бруса существенно сокращается. Да и

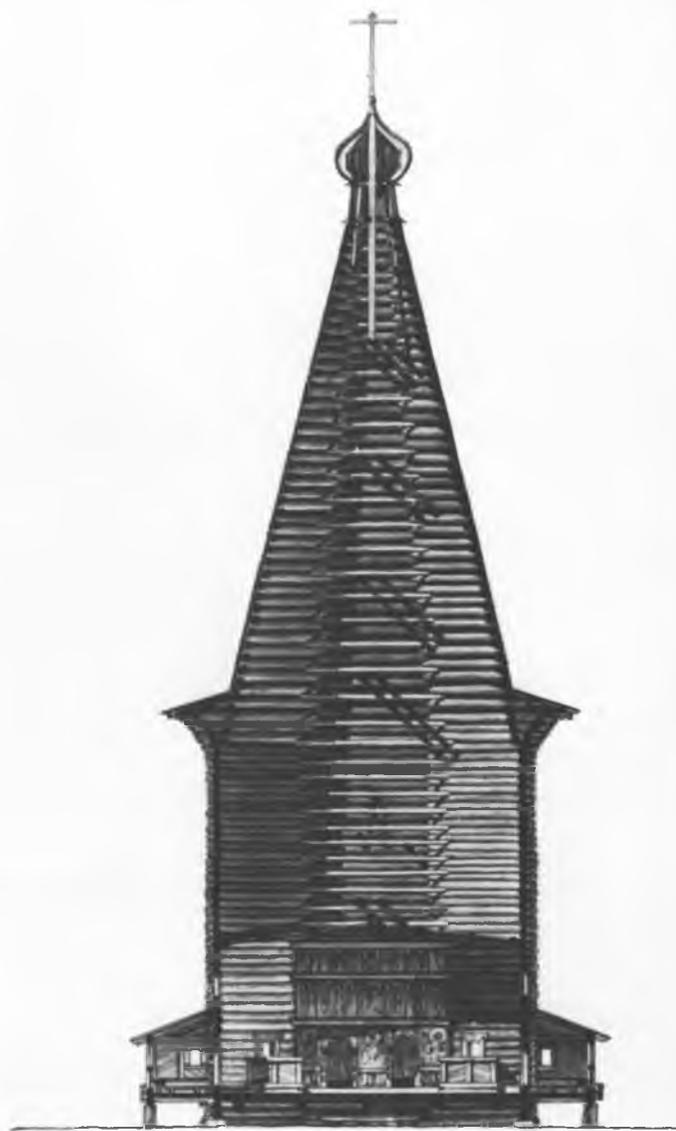

Владимирская церковь в селе Белая Слуда. Вид с северо-запада

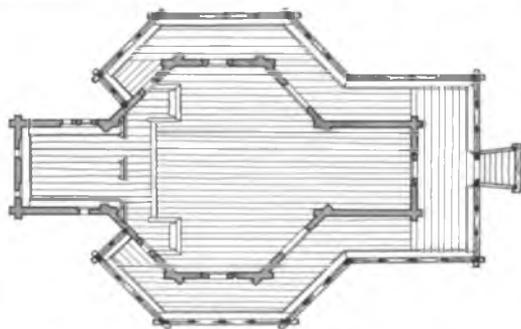
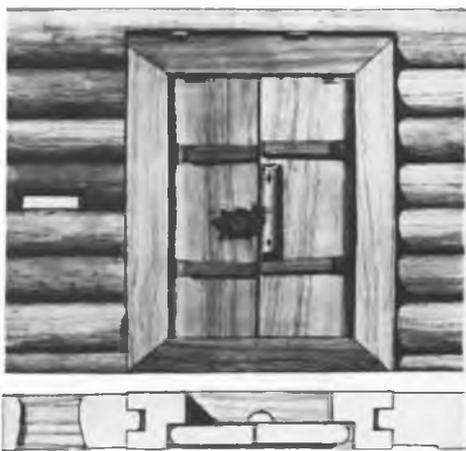
сами сени тут уже и проще: отделка их стен не так чиста, освещаются они лишь одной узкой щелью над входной дверью и уже не претендуют на уют и архитектурную цельность, как в домах Онежской земли.

Но, проигрывая в одном, архитектура этого дома выигрывает в другом. Из-за меньшей длины сруба он стал более собранным и компактным, что немало

⁵⁷ Абрам Ф. Указ. соч. — С. 275.

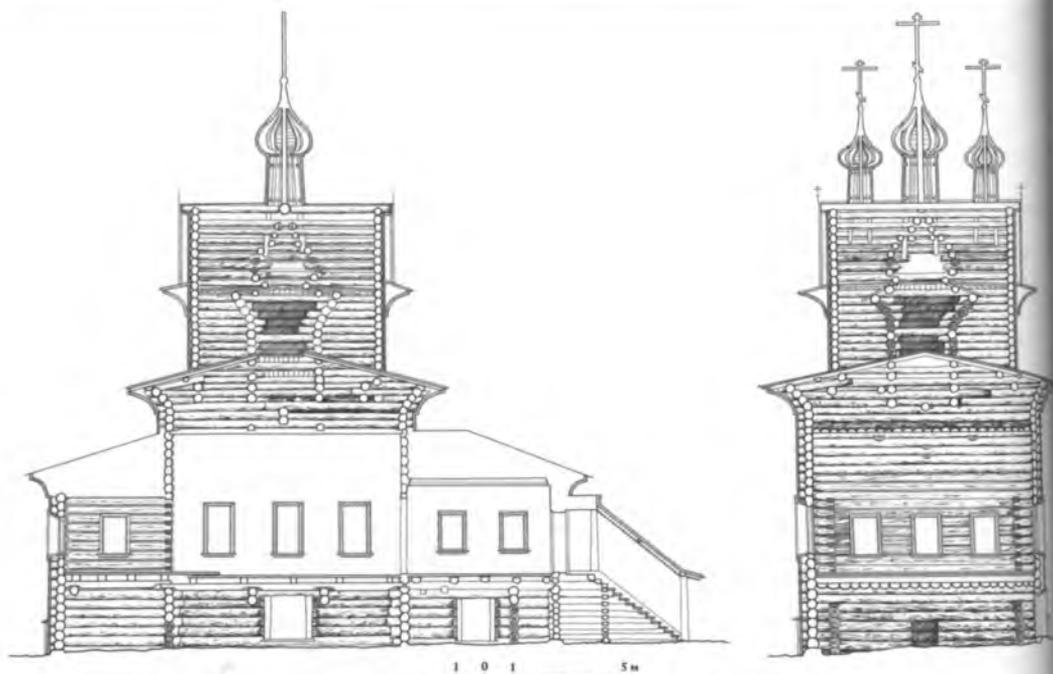

Владимирская церковь в
селе Белая Слода.
Поперечный разрез.
Реконструкция

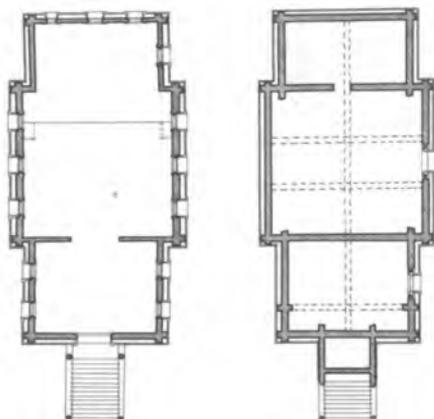
Владимирская церковь в селе Бelaya Слуда. Дверь и окно. Обмер

Владимирская церковь в селе Бelaya Слуда. План. Реконструкция

Георгиевская церковь в селе Пермогорье Архангельской области. Разрезы. Обмер при участии Б. П. Зайцева и И. Б. Пуришева

Георгиевская церковь в селе Пермогорье. План подклета и первого этажа. Обмер при участии Б. П. Зайцева и И. Б. Пуришева

способствовало усилению его монументальности и художественной выразительности. Дом этот — кладезь самобытных деталей. Чего стоит только один конек на главном фасаде! Второго такого не встретишь нигде, хотя похожих есть и немало. Но только похожих и тоже красивых, а все-таки не таких. Этот — непревзойденно индивидуален и неповторим! И именно в неповторяющейся индивидуальности архитектурной формы, остающейся в то же время традиционной в каждом своем штрихе, и заключается ее новаторский дух и художественное достоинство. Приходят на память слова легендарного Нестора, рубившего Преображенскую церковь в Кижах: «Нет, не было и не будет такой!»

К числу таких же неповторимых деталей относятся и «выпуски» под свесами крыши на заднем фасаде. Сами по себе они обычны. Но такой пластичной формы и такого своеобразия рисунка уже не увидишь нигде.

Георгиевская церковь в селе Пермозорье. Вид с юго-востока

Георгиевская церковь в селе Пермозорье. Западный фасад

Афанасьевская церковь
в селе Бelaya Слуда. Вид
с юго-запада

«Новый» фасад дома в
селе Бelaya Слуда

Задний фасад того же
дома в селе Бelaya Слуда

И, напротив, многие другие детали сохранившиеся в подлинном виде, поставлены здесь в самых распространенных формах, словно отштампованные единому образцу, причем одна часть типична для народного зодчества только этих мест (бассейн реки Уфтьюга), другая часть — для всего Русского Севера.

В числе первых — небольшие фигурные оконца, расположенные симметричными парами на обоих торцах чердака причелины с их особой резьбой и бревна-грядки под свесами крыши двора.

Оконца на чердаках... В деревянных реке Уфтьюге они встречаются во множестве разных форм — квадратные, прямоугольные, круглые просто и круглые с внутренними или наружными выступами и даже в виде четырех карточных оконков — бубен, тref, червей и пик. Несмотря на свои малые размеры, эти прорисованные просветы выглядят на фоне бревенчатого сруба очень заметно и столь же заметно смягчают суровость его облика.

Причелины... Их нижние, свисающие концы, или «кисти» уже утрачены и в их формах можно говорить только предположительно. Но основной мотив резьбы их сохранившихся частей — два свисающих полукружия — типичен только для верховий Северной Двины. Его можно видеть и на подзорах балкона этого же дома, и на самых разных деталях других зданий, включая сюда и стоящую недалеко знаменитую церковь XVIII века в селе Верхняя Уфтьюга.

«Грядки» под свесами крыши... На заднем фасаде дома эта необычная деталь видна довольно отчетливо. Такая же бревно-грядка проходит под крышей с южной стороны этого же дома и там же грядки есть в дешенных местах подавляющего большинства домов.

Три последние детали — сугубо местные, в других регионах Русского Севера они нам не встречались. На конкретном примере холмского дома раскрывается общее явление — наличие в русском деревянном зодчестве ярко выражен-

местных особенностей, имеющих свои более или менее определенные ареалы.

Для примера снова обратимся к окнам на чердаке и подчеркнем, что чисто местными элементами в них являются только внешнее очертание самого отверстия да их место на фасаде. И только! Но сам метод и принципы, лежащие в основе построения их архитектурно-конструктивной формы, остаются едиными и типичными для всего деревянного зодчества, то есть такими, как и для всех других небольших окошек, высота которых не превышает толщины одного яруса.

То же самое относится и к причелине дома, на которой местным является только декор, а сама она — неизменная деталь чуть ли не каждого памятника деревянного зодчества. И то же самое можно сказать о многих других архитектурных формах.

На каждой из них местный отпечаток складывается на основу, созданную востраха общерусской народной архитектуры.

Выявляя в облике холмского дома (или любого другого памятника деревянного зодчества) чисто местные черты

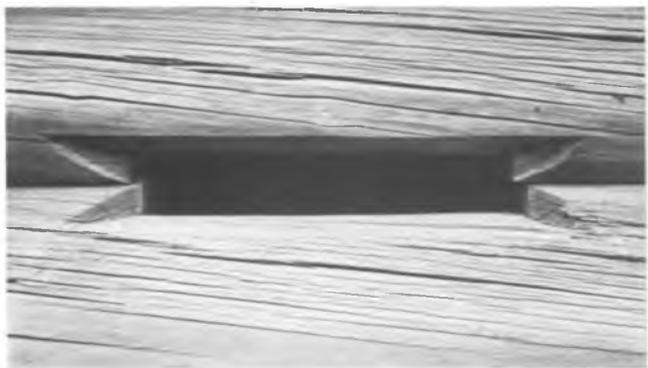
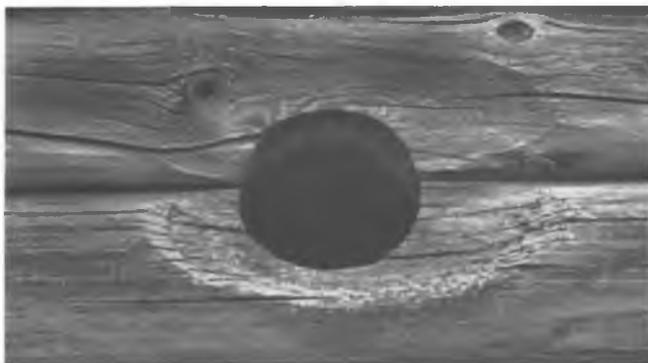

*Деревня Холм
Архангельской области.
Изаба. Задний фасад*

Амбар в деревне Холм

Амбар в деревне Холм

Оконце избы в деревне
Холм

Оконце избы в деревне
Холм

Изба в деревне Холм.
Конек кровли

или формы, мы признаем, что все другое черты и формы уже не местные, общие, свойственные русскому деревенному зодчеству самых разных регионов страны. Многие в народном зодчестве повсюду остается одинаковым и относительно стабильным. Примером тому могут служить система укладки и сопряжения венцов сруба, характер обработки стен, слоговая конструкция кровли из «по потокам и курицам», косячание окна и другие элементы, присущие если не каждой старинной деревянной постройке.

Коль скоро речь зашла о дифференциации характерных особенностей деревянного зодчества, то надо сказать, что между двумя полярными крайностями — чисто местными и самыми общими особенностями — есть еще одна промежуточная градация. В эту градацию входят такие особенности архитектуры зданий, которые типичны и для какого-то одного, и для значительно более крупного региона. В данном случае таким регионом становится бассейн Северной Двины, куда входят и окрестности Красноборска с побережьем реки Уфтыюга. В числе наиболее типичных особенностей народного зодчества этого крупного региона можно назвать, например, русскую печь с голбцом, большие свесы кровли над фронтонами домов, характерное устройство фронтонов, рубленных не из круглых бревен, как обычно, а из пластов и др.

Таким образом, в холмском доме одновременно сосуществуют три качественные разновидности архитектурно-конструктивных форм: местная, региональная и общерусская.

Вполне понятно, что за каждой устойчивой особенностью или формой деревенского зодчества стоит своя столь же определенная традиция, что сами традиции являются лишь отражением и обобщением этих особенностей и форм, сложившихся в недрах архитектурно-строительного опыта многих поколений. То есть и традиции бывают самыми разными, региональными и чисто местными.

Деталь печи

Печь избы в деревне Холм

*Деревня Топса
Архангельской области.
Фрагмент застройки*

Дифференциация традиций не означает их противопоставления друг другу или изоляции одна от другой. Напротив, все три разновидности традиций дополняют одна другую. Местные и региональные традиции формируются не изолированно, а порождаются ведущими материнскими традициями, общими для всей России.

Церковь в Верхней Уфтюге построена в 1784 году. Не случайно она посвящена святому воину — Дмитрию Солунскому — защитнику родной земли. Ее величественный облик связан с народными представлениями о мужестве, душевности

Изда в деревне Топса

чистоте и богатырской силе русского ратника. Память воскрешает слова: «Скажите всем, что Русь жива! Пусть идут в гости к нам. Но кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет. На том стояла и стоять будет великая Русь!» Так, по преданию, сказал великий князь Новгородский и Владимирский Александр Невский после победы в Ледовом побоище над немецкими рыцарями.

От земли до креста — сорок три метра! На много верст кругом виден шатер с главой. По высоте он составляет почти половину всего здания. Дух захватывает, когда смотришь на скаты шатра, уходящего прямо в небо, как будто церковь — это гигантский пьедестал для шатра-обелиска.

Село Верхняя Уфтюга издревле служило центром обширной волости, состоящей из множества небольших, в 3—5 домов, деревень. Само село тоже делится на несколько частей: Погост, Горка, Слобода и др.

Поселения стоят на коренных берегах реки Уфтюги и ее старицы. Планировка их «рядовая» с ориентацией фасадов домов на юг — «лето» — юго-восток. Таковы деревни Устопса, Холм, Топса, Андрианово и др. Иногда, как, например, в деревне Никольская или Ново-Ильдревская, дома ориентированы «на воду» — на озерки, являющиеся остатками прежнего русла Уфтюги. Малые, дочерние поселения отстоят от материнского — Верхней Уфтюги — на 10—12 километров вверх и вниз по течению реки.

В малых поселениях церквей не было. В них стояли небольшие часовни, каждая из которых обладала своими, неповторимыми архитектурными особенностями. Одна была чуть больше, другая — чуть меньше, одна с резными украшениями и широким крыльцом, другая — совсем простенькая, словно амбарчик небогатого хозяина; одна стояла в ряду деревенских домов, другая — на краю улицы, почти вышла за пределы деревни, приподнявшись на холме. И вместе с тем все они обладали безусловным архитек-

Иба-чимик в деревне Шелья

Иба в селе Березонаволоок

Село Березонаволоок. Амбар

*Село Верхняя Уфтюга
Архангельской области*

*Дмитриевская церковь в
селе Верхняя Уфтюга.
Южный фасад*

турным родством, словно сестры, расселившиеся неподалеку от матери, свято чтущие ее заветы и живущие с ней в постоянном духовном единении. К началу XX века в Верхне-Уфтюжском приходе насчитывалось 12 часовен. В прежние времена, вполне вероятно, их было больше.

Дмитриевская церковь играла ведущую роль в архитектурном облике всей волости. Видимая издалека, она зрительно объединяла разрозненные поселения в композиционно целостный ансамбль.

На широком просторе Вологодской земли, среди холмов и взгорков с пологими склонами леса на горизонте, среди полей и разнотравных лугов раскинулась село Поча, окруженное, как и Верхняя Уфтюга, множеством небольших деревень. Неподалеку от села течет речка Уфтюга, но не та, что впадает в Северную Двину, а другая, поменьше, но так же называемая. Эта малая Уфтюга впадает

Дмитриевская церковь в селе Верхняя Уфтюга. Часть восточного фасада

в реку Кокшенгу, Кокшенга — в реку Вагу, а Вага — в Северную Двину. И все это земли Северодвинского бассейна, сливаемые одной водой. Едины их традиции.

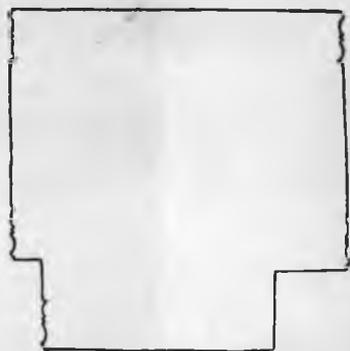
На открытом пространстве, поодаль от села, стоит деревянная шатровая церковь, построенная в 1700 году в честь Георгия Победоносца. Уже в имени этого святого звучит напоминание о великих ратных подвигах, некогда им свершенных, о непоколебимости его духа, без

которой невозможна победа в бою, победа добра над злом.

С первых лет христианства на Руси святого Георгия изображают обычно юным воином на белом коне, копьем поражающим дракона. Со времен Ярослава такое изображение встречается на монетах и княжеских печатях, а со времен Дмитрия Донского Георгий считается покровителем Москвы и Московского княжества. Изображение его на щите позже входит в состав русского

*Дмитриевская церковь в
селе Верхня Уфтуга.
Южный фасад.
Реконструкция*

Дмитриевская церковь в селе Верхняя Уфтюга. Окно в западной стене четверика. Обмер

Дмитриевская церковь в селе Верхняя Уфтюга. План. Реконструкция

*Дмитриевская церковь в
селе Верхняя Уфтюга.
Окно алтаря*

*Дмитриевская церковь в
селе Верхняя Уфтюга.
Угол алтарного прируба*

*Дмитриевская церковь в
селе Верхняя Уфтюга.
Дверь подклета*

Село Маломса
Архангельской области.
Фрагмент застройки.
Фото В. В. Наумова

Село Маломса. Водяная мельница. Фото В. В. Наумова

Вешала близ села Поча. Фото Е. А. Ополонниковой

стены четверика, как в Дмитровской церкви, а на специальные балки, скрытые под четырехскатной кровлей четверика. Тем самым органическая целостность центральной части храма несколько нарушена, и два объема — четверик и восьмерик — подчеркнута отделены один от другого. Однако эту же особенность построения Георгиевской

церкви можно трактовать по-иному. Покоящийся на массивном четверике довольно легкий восьмерик сужает одновременно основание шатра, опирающегося на него. Благодаря такому решению шатер приобретает особую стройность и даже изящество, что подчеркивается массивным четвериком. Художественное чутье, талант и мастерство строителя Георгиевской церкви достигают здесь высокого уровня.

Изящество силуэта памятника, пропорциональный строй позволяют представить Георгиевскую церковь в Почае один ряд с шедевром деревянного шатрового зодчества России — Успенской церковью в Кондопоге, хотя принципы построения обоих сооружений неодинаковы.

Торжественным входом в Георгиевскую церковь служило великолепное двухходное крыльцо на массивном рубленом основании. С галереей оно соединялось крытым переходом-лестницей (крыльцо утрачено).

В отличие от западного восточного фасада церкви сохранил свое первоначальное построение. Замечателен здешний

*Георгиевская церковь в
селе Поча Вологодской
области. Фото
Е. А. Ополовниковой*

государственного герба. Щит помещен на груди двуглавого орла.

Главенствующая роль в пространстве и самый общий принцип объемно-композиционного построения роднит Георгиевскую церковь в Поче с храмом Дмитрия Солунского в Верхней Уфтюге. Та же монументальность форм, та же устремленность ввысь могучего шатра, тот же предельный лаконизм и сдержанность архитектурно-художественных приемов еще и еще раз возвращают нас к мысли о прочности традиционных устоев народного деревянного зодчества, к могучим корням культуры, взрастившей их.

Однако при безусловной общности архитектурно-пространственного построения двух памятников есть в них и много черт, отличающих их друг от друга и придающих им свой неповторимый облик. Так, в обоих сооружениях фактически нет трапезных. Вместо них построены широкие галереи, примыкающие к основным стенам их центральных объемов. Однако в Дмитриевской церкви галерея выглядит легкой, воздушной благодаря тому, что опирается она на консоли-выпуски и как бы висит над улицей. У нее и название соответствующее — висячая галерея.

Совершенно иначе устроено опорное основание галереи Георгиевской церкви в Поче. Она поставлена на высокий, квадратный в плане подклет, рубленный «в дапу». Тем самым создается единый и весьма значительный по своим размерам объем, более напоминающий трапезную, построенную к храму с западной стороны, чем галерею-папёрть.

Это впечатление не меняется и внутри объема. Напротив, оно еще более усиливается, когда мы замечаем здесь два несимметрично поставленных резных столба, поддерживающих потолок. Наличие таких столбов во внутренних пространствах галерей — явление исключительное, по меньшей мере, крайне редкое в русском деревянном зодчестве. Однако в трапезных самых различных церквей резные столбы, симметрич-

но или несимметрично поставленные относительно продольной оси помещения, встречаются очень часто. Вспомним, к примеру, Успенскую церковь в Кондопоге или Златоустовскую в селе Саунино Архангельской области. К этим двум примерам нетрудно добавить и множество других.

Есть различие и в построении, казалось бы, одинаковых объемов центральных столпов обеих церквей — в Верхней Уфтюге и в Поче. Особенностью второго памятника является сравнительно малый поперечник восьмерика, несущего шатер. Из-за этого он поставлен не на

Георгиевская церковь в селе Поча. Вид с юго-запада. Фото Е. А. Ополонниковой

алтарный прируб из двух объединенных одной кровлей пятигранных апсид.

Со времени возникновения Георгиевская церковь не перестраивалась. В конце XIX века был лишь заменен лемех на глвах и тес на кровле железным покрытием.

Примерно в это же время рядом с древней святыней была поставлена новая каменная церковь. Однако на фоне ее рванчатого силуэта еще увереннее выступает монументальное величие Георгиевской церкви.

Село Поча находится в одном из самых глухих районов Вологодской области, близ ее границы с Архангельской областью. Георгиевскую церковь могут увидеть, к сожалению, немногие энтузиасты — любители дальних путешествий. Но чтобы большее число людей могло увидеть замечательный памятник, чтобы охранить его от всякого рода случайностей, способных привести к его разрушению и даже гибели, реставраторы предлагают перевезти Георгиевскую церковь в музей под открытым небом недалеко от Вологды⁵⁸. Хорошо ли это? Ответ двояков — нет.

Такие выдающиеся памятники деревянного зодчества, как церкви в Кондопоге или Верхней Уфтюге, Кижский пологий собор в Кемь, как шатровый храм в Поче, должны сохраняться на своих исконных местах. Сила их красоты заключена не только в архитектурных формах, но и в тончайшей взаимосвязи с окружающей средой — живой и неживой, прошлой и настоящей.

Выверить, например, закономерность пространственного построения Георгиевской церкви трудно: она поставлена вдали от леса и в стороне от жилья, причем не на самой высокой точке округи и не в центре, не в геометрическом центре открытой территории и не у ее края. Но поставлена она так, что, кажется, сдвинь ее чуть в сторону — и нарушится пространственная целостность среды, где каждый штрих, каждая линия имеют свое определенное значение. Охватывающее человеческим взором пространство

Село Маломса. Баня.
Фото В. В. Наумова

превращается в микровселенную, где всему есть место — и человеку, и природе, и их связующему звену — искусству, представленному здесь в величии архитектурного образа Георгия Победоносца.

Испокон веков на Руси высоко ценили мастеров, умеющих построить здание «плотно и крепко, дельно и хитро». Слава о них уходила далеко за пределы села и волости.

Бытует мнение, что северорусские мастера-плотники были сплошь и рядом неграмотные. О, нет! Даже в те годы, когда большая часть русского дворянства начинала забывать родной язык, изъясняясь преимущественно по-французски, когда основная масса русского крестьянства была закабалена уродующей душу и разум человека рабской, крепостной зависимостью, даже в это время русский народ ценил и оберегал истоки своей культуры, чтобы потом воскресить в жизни людей все лучшее в былом. В XVIII веке, — отмечал доктор исторических наук, профессор П. А. Колесников, — «грамотность мужского населения северных сел и деревень намного превышала уровень ее в сельской местности не только центральных районов России, но и европейских государств».⁵⁹

⁵⁸ Имеется в виду разработанный институтом Спецреставрации проект генплана музея деревянного зодчества Вологодской области.

⁵⁹ Цит. по ст.: Голошумов Е. Влюбленный в Русский Север // Сов. Россия. — 1983. — 17 марта.

Глава четвертая

*Центральные земли
России*

*Колодец-журавель. Фото
Е. А. Ополовниковой*

*Мост в музее деревянного
зодчества близ Торжка.
Фото
Е. А. Ополовниковой*

Амбар XIX в. в музее близ
Торжка. Фото
Е. А. Ополовниковой

Знаменская церковь из
села Пылево Калининской
области в музее близ

Торжка. Вид с востока.
Фото
Е. А. Ополовниковой

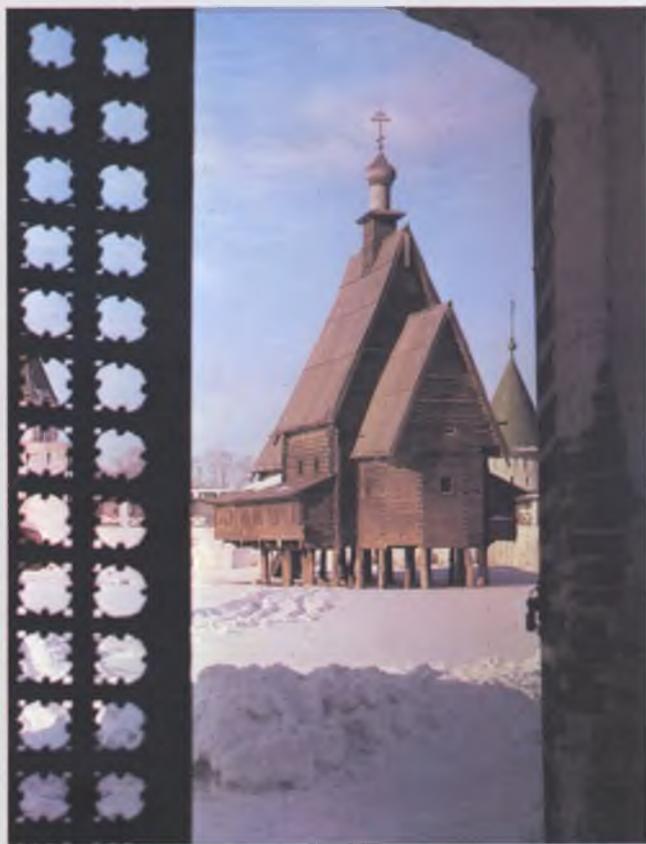
Церковь из села Спас-на-Сози 1738 г. в музее близ Торжка. Фото Е. А. Ополовниковой

*Никольская церковь в селе
Васильевское Московской
области. Фото
Е. А. Ополовниковой*

*Тихвинская церковь в
Торжке. Северный фасад.
Фото
Е. А. Ополовниковой*

*Преображенская церковь
из села Спас-Вежи в
Костромском музее
деревянного зодчества*

Северные области России — великие хранители сокровищ древнерусского деревянного зодчества, хранители традиций русской старины. Но нельзя забывать, что многие века северные крестьяне жили одной жизнью со всем русским народом и прообразы северных сокровищ зародились в недрах Новгородского, Тверского и Владимиро-Суздальского княжеств.

Собирательницей разрозненных Русских земель, центром, вокруг которого формировалось могущественное Русское государство, как известно, была Москва. Московское княжество, первоначально выделившееся как удел Владимиро-Суздальского княжества, начиная с XIV века было одним из сильнейших в Северо-Восточной Руси. Особенно возросла роль Москвы с получением Иваном Калитой от ордынских ханов ярлыка на великое княжение. Руководящее положение Москвы среди русских земель было закреплено победой в Куликовской битве. В XV—XVI веках Москва превратилась не только в политический и экономический центр; в ней сосредоточивались и культурные связи обширной русской земли, она начала оказывать огромное влияние на развитие родчества и искусства всей Руси, она же стала центром развитого ремесленничества. Сюда стекались мастера из разных городов Руси. Много среди них было и умелых плотников.

По всей земле Русской строили в основном из дерева. Рубленые соборы и дворцы, монастыри и крепости, хоромы в избы, мельницы и мосты отличались, по свидетельству летописцев и путешественников, высоким мастерством исполнения и красотой.

Могучие стволы шли на строительство: полметра в диаметре, метров 4—10, а то и 16—18 в длину. Возраст их измерялся по меньшей мере тремя веками. До сих пор на Приокской земле, например, недалеко от тех мест, где река Ока впадает в Оку, в пойменном, «нижнем» лесу старинного села Турова есть небольшая роща с соснами-

великанами. Могучие деревья! Каким-то чудом уцелели они среди леса. Зеленым шатром сомкнуты их кроны. Мягко поглаживает их ветер, создавая живую, мерцающую тень под ними, соединяя землю и небо в покое жизни. Таким же покоем веет и от древних построек.

В далеких, малозаселенных краях, где смена событий всегда неспешна, старинные постройки сохранились дольше. Из века в век перекочевывали здесь и строительные традиции.

Иное дело — в центре России. Когда в отдаленных ее районах еще жили «по старине», в сердце государства обновлялась по новым канонам земля Русская. А за два века — от петровских времен до начала XX столетия — изменилась до неузнаваемости.

Со времени церковной реформы патриарха Никона началось гонение на шатровую форму церковных кровель. И хотя до сего времени неизвестно, когда и кем издан документ о ее запрещении, с половины XVII века в грамотах на строительство новых церквей почти повсеместно предписывается, чтобы «строили по чину правильного и уставного законоположения, как о сем правила и устав церковный повелевают, о единой, о трех или о пяти главах, а шатровой церкви отнюдь не строить» или: «А глава на церкви была бы не шатровая»; или: «Церковь Божию строить по правилам св. Апостол и св. Отец, чтобы была о пяти верхах, а не шатром»⁶⁰. Это было наступление не на архитектурную форму как таковую, а на народные традиции и, в конечном итоге, на любое проявление самостоятельности народной жизни.

Результат не замедлил сказаться. «...Под Москву запрещение строить по образцам, излюбленным самим народом, и предписание строить по известному символу, произвело множество памятников, по необходимости, весьма того же замысла — сухих, безжизненных...»⁶¹

Расслоение крестьянства сделало деревню неоднородной, что немедленно

⁶⁰ Забелин И. Черты самобытности в древнерусском зодчестве. — М., 1900. — С. 138.

⁶¹ Там же. — С. 140.

*Околица в деревне
Чермохово Калининской
области*

*Ограда в музее
деревянного зодчества
близ Новгорода*

отразилось и на ее внешнем облике. застройке улицы среди изб возвышался дома, построенные на городской манер, подражающие где-то виденному, покрытые железом, холодным и непривычным для деревни материалом. То были дома местных богатеев.

Коренным образом менялся предметный мир деревни. Капиталистический ширпотреб навязывал деревне свои товары. Крестьянин будто стал стесняться рубленых стен. Снаружи он начал обшивать их тесом, внутри — оклеивать обоями. Потолочные балки-матицы, массивные, увесистые, тонко обработанные и лёвками-бороздками, а иногда и резьбой скрылись под слоем бумаги. Венские стулья заменили добротные лавки. Избу, отчужденно поблескивая, въехал

железные кровати. Деревянные лохани и ушаты, глиняные кринки и миски, берестяные туески и плетенки — все эти живые и красивые предметы быта крестьянина, любовно сделанные его же собственной рукой, не выдержали натиска металлической посуды.

Время, шедшее дальше, увлекало за собой старую деревню. Привыкший к размеренной жизни, генетически впитавший в себя ее обстоятельность и мудрую простоту, крестьянин растерялся под натиском жизненных нововведений. Их наличием стал он измерять красоту своей жизни.

Но и на широко развернувшемся фоне стандартизации русских сел появляются новые, не сразу еще заметные ростки. Старые традиции архитектуры не забываются последующими поколениями. Так, в глухих и поныне селах Вологодской области, к примеру, в селе Верхние Тарногского района, наблюдали мы такую картину: строится новый дом, а могучий конек, улыбочное солнце или причелины с полотенцами и кистями переносятся на него со старого дома. Нет, это не богатое кружево витиеватых шпильчиков, тех, что появились в русской деревне в конце прошлого — начале нашего столетия. Нет! Это — старинные, неброские, истинно красивые, да к тому же, традиционно-символические части жилища русского крестьянина: солнышко освещает его жизнь, а конь — сила и шпора в этой жизни. С позднейшими украшениями их нельзя и сравнивать. Это разные жанры. Все равно что сравнить раздолбную русскую песню с чапушкой.

Трудно, да, пожалуй, и вряд ли надо пытаться обрисовать русский крестьянский дом в целом как нечто синтетическое, составленное из множества характерных признаков, имеющихся в домах разных типов. Искушение пойти по этому пути, наверное, испытывал каждый, кто терял надежду найти полностью сохранившийся старинный дом, хотя постоянно встречал разбросанные по раз-

Колодец-журавель. Фото В. В. Наумова

«Ступальный» колодец в музее деревянного зодчества в Суздале

Водяная мельница в музее деревянного зодчества Калининской области близ Торжка. Фото Е. А. Оволовниковой

Село Молога Калининской области. Изба

Типы русских печей в избах Калининской области

ным постройкам типичные детали, из которых могла бы быть составлена «безупречная» изба.

На севере России, включая и Сибирь, весьма много домов разных типов. Они различаются между собой по времени строительства и размерам; по планировке и архитектурной композиции; по этническим и географическим признакам; по характеру и эстетической направленности перестроек и по множеству других отличий.

Кроме того, в разных типах домов так перепутано все старое и новое, подлинное и наносное, традиционное и эк-

лектичное, а в общем — искусство, ремесло и даже пошлость, — что обстоятельно разобраться в этом разновременном и разнохарактерном конгломерате порою просто невыносимо. И не только потому, что для этого потребовалось бы много лет упорного труда, но и потому, что не осталось и самих объектов изучения — старинных домов, заслуживающих того, чтобы быть увековеченными как памятники архитектуры (не считая тех немногих, которые перевезены в музей под открытым небом).

Чтобы считать дом памятником, в его облике должны сочетаться такие

Типы русских печей в избах Калининской области

Село Молога. Овни и гумно

качества, как архитектурное мастерство, цельность художественного образа, созвучного духу своего времени. Немаловажное значение имеет физическая сохранность архитектурных форм, свойственных памятнику «от рождения».

Физическая сохранность архитектурных форм? Вот тут-то и начинаются неразрешимые проблемы, потому что у подавляющего большинства крестьянских домов традиционного склада физическая сохранность многих ответственных архитектурных форм уже давно стала категорией исторической, если можно так выразиться. Потому что не найти теперь дома, у которого было бы «все на своем месте».

Строго говоря, возможность более или менее полного натурного исследования домов старинного типа уже упущена и, думается, что окончательно. Все они в той или иной мере уже давно модернизированы и приспособлены к изменившимся потребностям советской деревни. И все они утратили свою ценность как памятники деревянного зодчества. Но и по крупицам, по малым частям можно

слепить целое. Или, по крайней мере, приближенное целое, недостающие части которого можно образно воссоздать, вспоминая известное и виденное.

Каждой постройке в русской деревне было определено свое нужное место: дом ставился у дороги, баня — у воды, ветряная мельница — на горе, гумно — на ровной сухой площадке, амбары и другие хозяйственные постройки группировались вблизи избы. Именно поэтому огромный комплекс самых разных по объему, характеру архитектуры и названию деревенских построек казался созданным по единому замыслу.

В центральных районах России — Калининской, Московской, Ивановской, Владимирской, Костромской области (тех, о которых речь идет в книге) — архитектурно-планировочные схемы жилых домов варьируются в пределах уже известных нам трех типов: «брус», «кошель», «глаголь». Нетрудно заметить безусловное сходство в архитектурно-конструктивных деталях, в устройстве интерьера, русских печей и т. п., причем если размеры домов всегда зависели от

Благополучия хозяина — чем богаче хозяин, тем больше дом, то в отношении деталей социально-экономический фактор до поры до времени заметной роли не играл (уточним, что только до тех пор, пока деревянное зодчество развивалось в одном русле, не выходя за рамки своих традиций). Примером может служить царский дворец в селе Коломенском, который был соткан из тех же сплетей, из каких сплеталось все полотно древнерусского деревянного зодчества и в котором не было ни одной архитектурно-конструктивной детали, какую нельзя было увидеть на множестве других деревенских построек того времени.

Есть немало и других подтверждений относительно неподвижности крестьянского быта до середины XIX века, потому и архитектура старой деревни в ту пору не претерпевала существенных изменений.

Что же касается хозяйственных построек, то их традиционный облик сохранился дольше жилья, вплоть до первых десятилетий XX века. Древние традиции обусловили историческую цель-

Церковь из села Спас-на-Сози. Фото
Е. А. Ополовниковой

Церковь из села Спас-на-Сози. Столб крыльца.
Фото
Е. А. Ополовниковой

Церковь из села Спас-на-Сози. «Выпуск» галереи.
Фото
Е. А. Ополовниковой

*Знаменская церковь в селе
Пылево Калининской
области до реставрации*

ность архитектурного решения подобно-го рода построек.

Возраст амбаров в Калининской и Ивановской областях (по обследованиям 70-х годов) вряд ли превышает 100 лет. О сравнительной их «молодости» говорят

и кровли, крытые дранью. Впрочем, в Ивановской области, к северо-востоку от Москвы, драночный тип кровли встречается редко. Здесь до недавних времен бытовали еще тесовые кровли, на смену которым, в городах главным образом пришли железные.

Но городские амбары — это уже вооружения другого рода, относящиеся скорее к архитектуре промышленной (как складские помещения). Размеры нередко превышали объемы жилых домов. Такой амбар, занимающий по площади почти полквартала, до сего времени стоит в городе Юрьевце Ивановской области.

И поныне встречаются в отдаленных деревнях России колодцы-«журавли». Их обычно делали из массивного, выдолбленного изнутри бревна, которое опускалось в землю до водоносного слоя. Наземную часть такого колодца составлял высокий столб с длинным

*Знаменская церковь из
села Пылево в музее близ
Торжка. Апсиды. Фото
Е. А. Ополонниковой*

*Знаменская церковь в селе
Пылево. Потолок в храме*

*Знаменская церковь в селе
Пылево. Дверь в
восточной стене
трапезной*

*Знаменская церковь в селе
Пылево. Лицина замка*

Тихвинская церковь в
Тарже. Вид со стороны
реки Тверцы. Фото
Е. А. Оглодиной

шестом наверху. К шести-перекладине прикреплялось вертикально посаженная жердь с деревянной бадьей. Издалека сооружение действительно, чем-то напоминало журавля, стоящего на одной ноге, с тонким, вытянутым клювом. Стройные силуэты «журавлей», возвышавшихся над крышами изб и амбаров, придавали облику деревни особую, поэтическую живописность.

Бывали и другие колодцы в деревнях. Самые распространенные среди них в центральной полосе России те, что состоят из невысокого, рубленного обычно «в лапу» сруба, над которым

делается двухскатная кровля. Вращающийся вал с веревкой и ведром крепится к двум вертикальным опорам-стойкам, поддерживающим и кровлю колодца. В старину к валу вместо металлической ручки прикреплялось деревянное колесо наподобие корабельного штурвала. Такие колеса достигали порой весьма значительных размеров. Тогда и сам колодец превращался в какое-то необычное сооружение.

Жизнь крестьянина неразрывно связана с добыванием хлеба насущного. Вспахав землю и собрав урожай, он его молотит на гумно. Гумно, или кры-

Тихвинская церковь в Торжке. Вид с северо-запада. Фото Е. А. Ополонниковой

Тихвинская церковь в Торжке. Восточный фасад. Фото Е. А. Ополонниковой

тый ток — сугубо утилитарное сооружение, массивное, приземистое.

Но еще более удивительными были так называемые «ступальные» колодцы, вал которых начинал вращаться от движения массивного колеса.

Колесо же, в свою очередь, приводилось в движение человеком, ступавшим по нему. Откуда и название — «ступальный». Занятное сооружение! Но

Тихвинская церковь в Торжке. Крыльцо. Фото Е. А. Ополонниковой

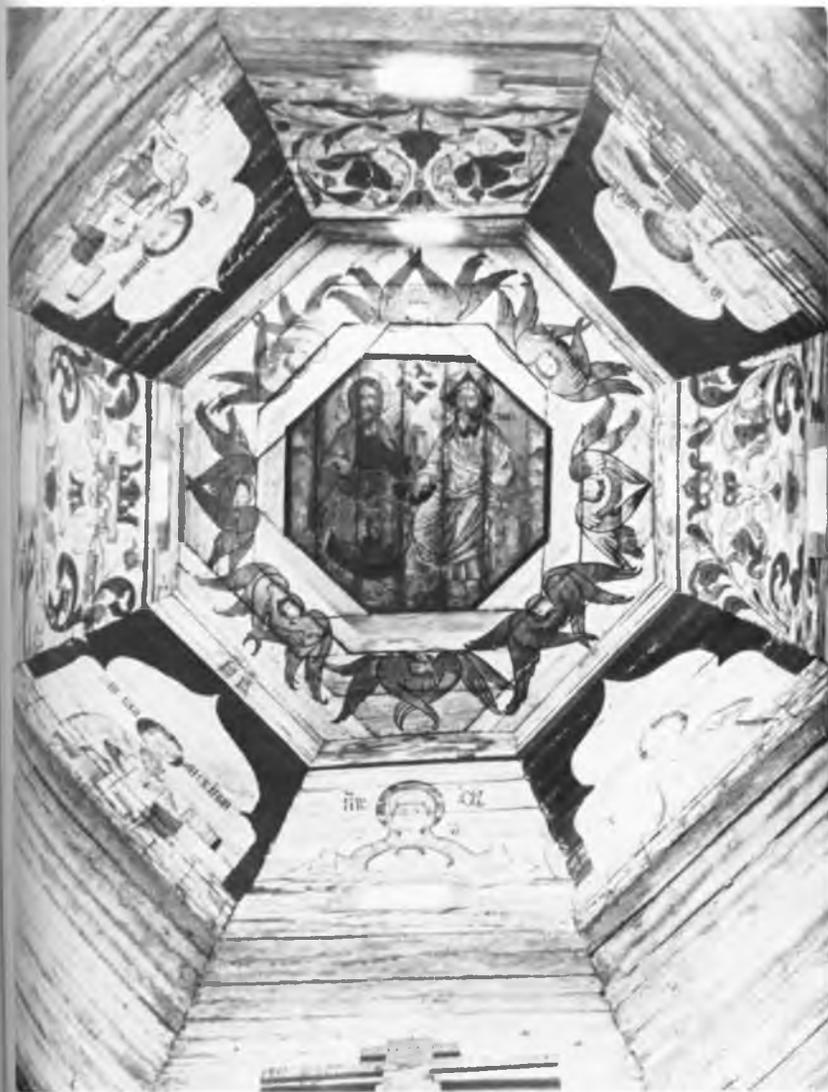
вместе с тем — предельно рациональное и очень полезное.

Часто рядом с гумном стоял овин — постройка, предназначенная для сушки снопов перед обмолотом. В нем обычно две смежные клетки — большая и малая — разделенные рубленной «в режь» стеной. В большой клетке, под самым потолком, устроены «грядки» из жердей для подшивания снопов, а в малой клетке расположен очаг, сложенный из крупных камней. Когда он топится, горячий дым в малой клетке свободно проходит в большую клетку через широкие щели в смежной стене и, расстилаясь по потолку между снопами, вытягивается в небольшое вентиляционное окошко или уходит в приоткрытую дверь.

И гумно, и овин — с виду самые простые сооружения. Но в композиционно-пространственной структуре крестьянской усадьбы, а еще более в ансамбле всей деревни роль этих сооружений всегда так заметна. Массивные гумна и овны вместе с прозрачными нитями прясел неизменными околицами образуют план застройки, более разреженный в сравнении с жилой ее частью.

Ныне от таких «вторых планов» остались только одиночные постройки. Но по ним можно представить, как мно-

Тихвинская церковь в Торжке. Потолок в храме. Фото А. И. Кустова

изображения вносили они в архитектурный пейзаж северной деревни.

Нередко овин был соединен вместе с гумном в одно целое, и тогда получалась

постройка, позволяющая молоть хлеб даже в непогоду, когда проливные дожди затягиваются на всю осень.

В одних случаях овин просто соединялся с гумном открытым проемом. В

Никольская церковь в селе
Васильевское Московской
области. Рисунок
Б. П. Зайцева

других случаях овин с гумном был связан более органично, и тогда очаг, «грядки» и ток объединялись в одной общей постройке, называемой ригой.

Объединение функций двух разных построек привело к формированию особого типа здания, более компактного внутри и снаружи.

И, несмотря на то, что по своей структуре рига более совершенна, чем гумно с овином, она все-таки тоже не поднимается выше здания чисто утилитарного, при возведении которого художественные задачи архитектуры просто

не решались. Хотя... у них не редки спонтанно возникшие эффектные силуэты и формы, как это наблюдается в многих других утилитарных зданиях и сооружений, будто и не стремящихся быть красивыми.

Столь же простыми сооружениями как гумна и овины, были в русских деревнях водяные мельницы. Если бы шум воды у плотины, их и отличить от них было трудно. Но в старину рядом со срубом мельницы и примыкающей к ней сзади сруба колесницы устанавливалась еще одна постройка для мельничной где хранились и предназначенные для обмолота мешки с зерном. Входом в нее служил более или менее высокий взвешиватель. Такой «мельничный ансамбль» имел весьма характерный и своеобразный облик, ясно говоривший о своем назначении.

В наш век коренных преобразований порой не замечаем утраты тех привычных мелочей, которые совсем недавно жили вместе с нами, а ныне уже стали ненужными и уходят в прошлое. Вот к таким привычным и почти исчезнувшим в средней полосе России мелочам относятся ограды из жердей — вот эти «осеки», «прясла», «поскотинь» и «огороды».

Розетки на балках
Васильевской церкви

*Розетки на балконе
Васильевской церкви*

Богословская церковь на
р. Ише Ярославской
области

Но в северорусских деревнях они еще сохранились, словно выросли в их пейзажи, как сизые валуны, кусты можжевельника и синие лесные дали. Частицей большого пространства жизни были такие ограды. В средней полосе России, как и в северных ее районах, в Сибири и даже в далекой Якутии—стояли они, обнимая луга и поля, объединяя далекие и близкие земли.

Околица... Ее назначение так же прозаично, как и ограды,—не пускать скотину в поле. Поставленная на дороге, она стала своеобразными воротами в деревню, за которыми открываются неведомые дали. Словно это какой-то рубеж, разделяющий в повседневной жизни самое обычное от чего-то более значительного. Потому так трогают нас и наполненные глубоким содержанием об-

разы околицы, созданные художником

Многие памятники деревянного зодчества Калининской области, в составе которой полностью вошли Тверская губерния и часть уездов Новгородской, Псковской и Смоленской, стоят сейчас в музее под открытым небом близ Торжка. Один из первых экспонатов музея—Знаменская церковь из села Палево, что причислялась когда-то к Верегскому уезду Новгородской губернии⁶². Построенная в 1742 году церковь относится к клетскому типу зданий.

Главная отличительная особенность памятника—наличие и само построение бокового придела. Длина его равна длине храма, но ширина заметно уже. Апсиды придела, такая же пятигранная, как и апсида алтаря, вынесена на уровень его восточной стены. Южная стена придела

⁶² Реставрация памятника осуществлена по проекту и под руководством А. И. Кустова.

*Богословская церковь на
р. Ишне. Западный
фасад. Обмер при
участии
Б. В. Гнедовского*

*Богословская церковь на
р. Ишне. Восточный
фасад. Обмер при
участии
Б. В. Гнедовского*

*Богословская церковь на
р. Ишне. Северный фасад.
Обмер при участии
Б. В. Гнедовского*

Богословская церковь на
р. Ишма. Западный
фасад. Реконструкция

и северная алтаря—общая для обеих частей памятника. Тесовая кровля с ажурными завершениями «усеченной пилой» объединяет их. Конек кровли расположен по оси симметрии всего здания, а сама она асимметрично расходится на четыре разновеликих ската. Создается свободная, пластичная композиция восточного фасада памятника. При подчеркнутой асимметрии его рисунка в нем прочно утверждается равновесие архитектурных масс, схожих по форме, но различных по величине.

Несмотря на малый объем церкви, ее внутреннее пространство кажется свободным, просторным. Достигается это благодаря тонко найденным соотношениям горизонтальных и вертикальных членений формы, впарушенному потолку и весомо, монументально выполненным деталям. Внутреннее пространство церкви открыто: трапезная, храм и придел разграничены лишь едва намеченными выступами бревен. Гладко стесанные бревна стен и широкие доски пола усиливают ощущение значительности пространства. Резные детали, число которых невелико, украшают лишь лавки по стенам да

Богословская церковь на р. Ишме. Внутренний вид галереи

Богословская церковь на р. Ишме. Окно трапезной

Богословская церковь на р. Ишме. Портал

тесовые клиросы по обеим сторонам иконостаса.

Удивительно тонко чувствовали природные мастера законы восприятия человеком архитектурной формы, четко разделяя и соизмеряя общее и частное, создавая строгую гармонию пространства, очерченную своеобразием и самобытностью орнаментики.

В Торжке, на крутом берегу реки Тверцы, возвышается деревянная многоярусная Тихвинская церковь, построенная в начале XVIII века.

Некогда здесь был Вознесенский монастырь, упраздненный в XVIII веке. В Писцовой книге Торжка 1625 года на этом месте упоминается клетская церковь⁶⁹.

В 1854 году рядом со старинной деревянной церковью была сооружена каменная, названная, как и древний храм Вознесенской. Тогда же деревянную церковь было предложено сломать. И

Троицкая церковь в селе Черкасово Ярославской области

судьба оказалась благосклонной к ней: в 1883 году ее отремонтировали и возобновили под именем Тихвинской. Однако и по сего времени ее нередко называют Старому — Вознесенскою. Тот факт, что на месте памятника последовательно строилось несколько церквей, привел к тому, что и в датировке его существуют разногласия. Наиболее убедительной является его датировка 1717 годом, впервые приведенная иеромонахом Илиодором: «Во имя Вознесения Господня, деревянная, древняя, по документам церковным означает построению в 1717 г.». К началу XVIII века относит строительство церкви в Торжке и И. Э. Грабарь⁶⁴.

Композиционную основу здания составляет высокий двухсветный четверик, в который поставлены три постепенно сходящихся кверху восьмерика. Верхний восьмерик увенчан массивной конической главой на глухом барабане.

Многочисленные ремонты, достройки и перестройки памятника не нарушили основы его общего архитектурно-пространственного построения. Наибо-

лее целостно композиция церкви воспринимается с противоположного берега реки, когда на воздушно-прозрачном фоне неба четко вырисовывается легкий, динамичный силуэт памятника.

В интерьере церкви четверик и все три восьмерика открыты до самого верха и освещены. Расположение окон строго симметрично в вертикальном направлении — одно под другим и в горизонтальном — последовательно чередуясь с глухими гранями восьмерика. Благодаря этому внутри церкви создается мягкая и вместе с тем выразительная игра полутонов на стенах восьмерика, создающая иллюзорное впечатление о его необычайной большой высоте.

Композиционное построение Тихвинской церкви в Торжке — убывающие кверху восьмерики, поставленные на четвериковое основание, было весьма распространенным в культовом деревянном зодчестве первой половины XVIII столетия. Примеры этого: памятники в селах Ишня и Черкасово Ярославской области, о которых речь пойдет несколько позже, а также каменные

← Богословская церковь на р. Ишне. Интерьер храма

Богословская церковь на р. Ишне. Царские врата иконостаса

Богословская церковь на р. Ишне. Фрагмент царских врат иконостаса

⁶³ По проекту и под руководством А. И. Кустова проведена реставрация памятника. Подробнее см.: Кустов А. И. Церковь Вознесения в Торжке. Историческая справка // Архив Калининской СРПМ.

⁶⁴ Историко-статистическое описание города Торжка. — Тверь, 1860. — С. 122; Грабарь И. Э. История русского искусства. — М., 1917. — Т. 1. — С. 428.

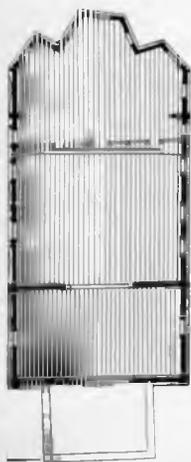

Троицкая церковь в селе
Черкасово. Северный
фасад. Обмер

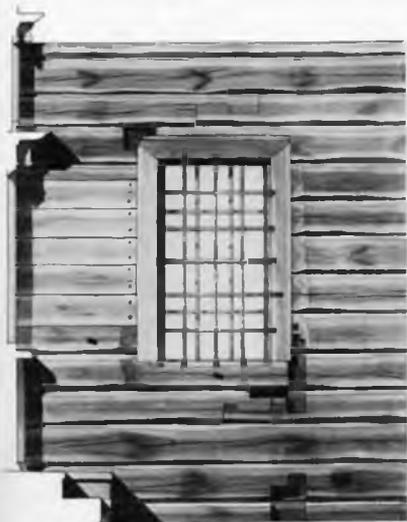
Троицкая церковь в селе
Черкасово. Восточный
фасад. Обмер

Троицкая церковь в селе
Черкасово. Поперечный
разрез. Обмер

*Троицкая церковь в селе
Черкасово. План. Обмер*

*Троицкая церковь в селе
Черкасово. Продольный
разрез. Обмер*

Троицкая церковь в селе
Черкасово. Окно
четверика изнутри и
снаружи. Обмер

Троицкая церковь в селе
Черкасово. Портал
четверика. Обмер

*Троицкая церковь в селе
Черкасово. Западный
фасад. Реконструкция*

*Троицкая церковь в селе
Черкасово. Северный
фасад. Реконструкция*

Преображенская церковь
в селе Спас-Везжи
Костромской области до
реставрации

оружения — церковь села Бражниково Волоколамского района Московской области, построенная в 1715 году, церковь Воздвижения Христова 1754 года в городе Шлиссельбурге Ивановской области и многие другие.

Ярусные церкви, как и клетские, были распространены преимущественно в центральных районах России. Их планы и конструктивные решения повторяли уже сложившиеся схемы, применявшиеся при строительстве деревянных церквей в предшествовавшие эпохи.

К одноярусному типу церквей относятся Никольская церковь в селе Васильевское Московской области, построенная в 1688—1690 годах.

В архитектурном наследии Подморожья памятники деревянного зодчества занимают более чем скромное место. Исторический прогресс уже давно стер их с лица земли, оставив лишь редкие еди-

ницы. Среди немногих уцелевших произведений деревянного зодчества и церковь в селе Васильевское, расположенном в тридцати километрах от Серпухова. Ныне этот памятник — самый южный представитель так называемого северного деревянного зодчества, а точнее — деревянного зодчества Московской Руси.

Во второй половине XIX века церковь была настолько перестроена, что от ее первоначального облика не осталось и следа. Лишь замечательная резьба балок в трапезной, раскрывшаяся из-под обвалившейся штукатурки потолка, свидетельствовала о древности постройки. На всем обозреваемом отрезке истории русской архитектуры эти балки — явление совершенно исключительное и уникальное.

Реконструкция Никольской церкви, ставшая суммарным итогом исследований и обмеров⁶⁵, воспроизводит ее бы-

⁶⁵ Проект реставрации памятника выполнен Б. П. Зайцевым под руководством автора. Реставрационные работы не завершены.

лую композицию, типичную для русского деревянного зодчества. Трехчастный объем памятника с трапезной, центральным четвериком и алтарем дополнена ассиметрично расположенной внешней галереей, оживляющей аскетическую простоту архитектурных масс здания. Здесь все, начиная от способов рубки углов и обработки стен и кончая подкравельными конструкциями, сделано точно так же, как и на всех других памятниках народного деревянного зодчества. И этому надо добавить, что такие детали, как дверные косяки, волоковые окошки, все те жгуты, розетки и пояски, из которых соткана уникальная вязь балочного потолка в трапезной, можно встретить на многих других самых разных памятниках деревянного зодчества в разных местах России.

Архитектура — носитель генетической видовой памяти. В стилистическом единстве всех построек огромного государства заключалось целостное понятие — Россия.

Еще одна ярусная постройка — Иоанно-Богословская церковь 1687 года на реке Ишне. Это один из немногих памятников древнерусского деревянного зодчества, сохранившихся в Ярославской области. Много легенд сложено об его возникновении. Самая поэтическая среди них рассказывает о том, как церковь приплыла из озера Неро прямо селу по реке Ишне. Приплыла и встала

Богородицкая церковь в селе Холм Костромской области после реставрации

Богородицкая церковь в селе Холм до реставрации

Богородицкая церковь в селе Холм до реставрации. Упавшее внутрь церкви пятиглавие

Богородицкая церковь в селе Холм. Северный фасад. Реконструкция

Богородицкая церковь в селе Холм. Милая глава «верха». Реконструкция

где стоит. В честь ее и село было названо Богословским.

Документы свидетельствуют о частых ремонтах и перестройках церкви, произошедших в основном в XIX веке. Под тесовым футляром скрыты срубы церкви и поныне. Но многое в памятнике сохранилось в своем подлинном виде: во-первых, композиционно-пропорциональный строй всего памятника и, во-вторых, многие детали его интерьера, великолепно прорисованные и мастерски выполненные.

Церковь поднята на высокий подклет и опоясана галереей, поддерживаемой мощными бревенчатыми консолями. Трехъярусный центральный объем, состоящий из четверика, шестерика и восьмерика, поддерживается с востока и запада двумя прирубами с крутыми бочками, перекрывающими трапезную и алтарь, которые, как и галерея, зрительно связаны с убывающими по высоте ярусами. «Перекрытие алтаря и трапезной бочкой чрезвычайно редко встречается в применении к ярусным храмам»⁶⁶.

Не менее интересная особенность — некоторая двойственность его компози-

ционного замысла и трактовки архитектурных деталей, когда сочетаются мало того, вполне дополняют друг друга формы конца XVII века и прием, происхождение которых теряется в глубине веков.

Самый яркий тому пример — ярусное построение центрального объема памятника, характерное для церквей конца XVII — XVIII веков, в сочетании с бочковыми кровлями приделов, висячей галереей, высоким подклетом, косячатыми окнами, тябловым иконостасом, оформлением внутреннего пространства галереи, включающим низкие окна, традиционные скамьи вдоль стен и стрельчатый входной портал, воспроизводящий в дереве каменные формы архитектуры Владимиро-Суздальского княжества. Даже целостная и высокохудожественная композиция клиросов, сочетающая в себе глухую резьбу, и сквозные пропиленные порезки, обладает теми же чертами своей образной художественной двойственности, которая составляет отличительную особенность всего памятника.

К ярусному типу церквей относится и памятник в селе Черкасове Брейтов-

Изда из деревни Партог в Костромском музее деревянного зодчества

⁶⁶ Грабарь И. Указ. соч. — С. 427.

того района Ярославской области, почти у северной ее границы с соседней Владимирской областью. Это Троицкая церковь, построенная в самом конце XVIII столетия и затем неоднократно реставрировавшаяся.

В основе построения церкви лежит традиционная схема — восьмерик на четверике с трапезной. Ярусность достигнута трехступенчатым уменьшением восьмерика по мере повышения его высоты — прием, встречаемый практически во всех многоярусных церквях. Но закладывается эта система позднейшим перестройкам, совершенно не типичным для древнерусского деревянного зодче-

ства. Такое же, к примеру, завершение существует сейчас на Предтеченской церкви XVIII века, стоящей в одноименном селе на реке Толшме в Вологодской области. Его легковесно-витиеватые формы противоречат всей композиции памятника — размашисто-устойчивой как русская душа. Еще более углубляется это противоречие форм при ознакомлении с великолепными архитектурными и конструктивными деталями Предтеченской церкви, сохранившими свою подлинно народную суть.

Тот же дух свободного творчества, отличающий все памятники древнерусского деревянного зодчества, ощущается

Водяная мельница из села Ниврога в Костромском музее деревянного зодчества. Фото Е. А. Ополовниковой

Суздальский музей
деревянного зодчества.
Воскресенская церковь из
села Патакина. Фото
Е. А. Ополовниковой

подражательную, а осмысленную, глубоко прочувствованную методику формирования архитектурных образов народного деревянного зодчества. В ней нет догматов, в ней лишь выверенные веками рекомендации-традиции, а все остальное — как «красота и мера скажут», как подсказает творческое чутье зодчегу.

Создание высокохудожественного произведения — это определенный уро-

вень культуры. А культура — это память, частицы истории человека в каждом веке. Русский крестьянин чутьем своим понимал их ценность. Счастливы были те, если мог, не нарушая святых основ, внести хотя бы малую толику своего видения мира в творения рук своих. Он понимал, что видение это будет тем глубже и объективнее, чем выше встанет он сам, человек, на незыблемой тверди культуры-памяти.

Церковь из села Спас-Вежи стоит на дворе Ипатьевского монастыря — ансамбля русского каменного зодчества XVI—XVII веков. Ее высокое торцовое крыльцо опирается почти на каменную стену. Не лучший прием в постановке памятника. Однако была решена главная задача — его сохранность. Уже близ Спасо-Преображенской церкви, как старейшего представителя рода, вырос просторный Музей деревянного зодчества Костромской земли — избами и амбарами, ветряными и водяными мельницами, плетеными изгородями и бревенчатыми мостами, церквями и часовнями.

Поводом возникновения Костромского музея послужило затопление поймы реки Костромы, связанное с новым строительством гидротехнической систе-

Суздальский музей
деревянного зодчества.
Иза. Фото
Е. А. Ополовниковой

Суздальский музей
деревянного зодчества.
Иза. Фото
Е. А. Ополовниковой

Ветряные мельницы в
Костромском музее
деревянного зодчества.
Фото
Е. А. Ополонниковой

в композиционно-объемном построении Троицкой церкви в Черкасово. Замечательна ее алтарный прируб, по сложности своего построения несколько схожий с алтарем Георгиевской церкви в Поче. Короче говоря, перед нами еще один пример неповторяемости повторяемого — яркой характеристики всей древнерусской архитектуры — и деревянной, и каменной.

Ярусные деревянные церкви появились на Руси в конце XVII столетия. Однако сама по себе ярусность, то есть постановка одного сруба над другим, наблюдается в деревянном зодчестве и в более ранний период в тех же самых шатровых церквях, когда на четверик ставится восьмерик. Более четко ярусность архитектурно-пространственного построения объемов выражена в таких шатровых храмах, как церкви в Кондопоге, Самине, Варзуге или же — в многоглавой Преображенской церкви в Кижах. Ярусные деревянные храмы, как и шатровые, «выросли» из клетских церквей, основу которых составляет четырехугольный сруб. Постепенное усложнение их форм проходило в общем русле

развития всего русского деревянного зодчества.

Островерхими клетскими церквями славится северо-восток Центральной России: нынешние Владимирская, Ивановская, Костромская области. Памятник — самый известный среди них памятник — Спасо-Преображенская церковь села Спас-Вежи — один из первых памятников деревянного зодчества в Костроме. Как писали о ней: «Это не только оригинальное, но внушительное, изящное, древнее, священное, необычайное»⁶⁷.

Построена церковь в 1628 году в период расцвета русского деревянного зодчества. Поставлена она совершенно необычно, так, как не была ни одна из известных нам церквей на высоких бревенчатых сваях-стопах.

Поначалу она стояла на кладбище заболоченной низине, затопляемой во время разлива реки Соты. По старинной легенде, место для церкви было определено «волею судьбы». Вначале строили в другом месте, тоже на бере

⁶⁷ Реставрация памятника осуществлена по плану и под руководством Б. В. Гнедовского. Соколов К. Церковь в селе Спас-Вежи // Костромская старина. Вып. VI. — Кострома, 1905. — С. 136—143.

Амбары на сваях в Костромском музее деревянного зодчества

Но в паводок сруб «чудесно приплыл» и остановился лишь в трех километрах, у того самого места, где стояла переправа до перевозки в музей. Выходит, такое случилось, — вспомним предание о памятнике на Ишне. Что ж, доля правды может быть в этих легендах: ведь сплавляли когда-то по воде целые крепости — Амурск, к примеру. А возвели его всего за четыре недели, неожиданно для себя. Срубленный в верховьях Волги сруб прибыл вместе с войском к устью реки Свягии, в нескольких верстах от Ишны: «...везущи с собою готовый сруб деревянный на великих лодиях Бегеверских, сделан того же лета нов и крепким строением...»⁶⁸.

Постановка Спасо-Преображенской церкви на высоких столбах-опорах придает ее облику особую монументальность и делает его совершенно оригинальным. Вместе с тем архитектурно-композиционная схема памятника — типичная для храмов с галереями — обычна в русском деревянном зодчестве.

Большой интерес для исследователей памятника представляют его конструктивные особенности. Среди них самая интересная — это плавные криволинейные скаты центральной кровли, слегка вогнутые в нижней трети. В мире подобного рода кровли нам не встречались. Но на многих рисунках и в работах Л. Воронина, А. Олеария, В. Зеленина, А. Мейерберга и др., на

иконах и книжных миниатюрах вогнутые покрытия, причем не только двухскатных, но и шатровых кровель встречаются довольно часто. Отзвуком этих древних мотивов является, возможно, и чуть вогнутая форма шатров на древних колокольнях Суздаля.

Необычное построение кровли Спасо-Преображенской церкви при общей ее типичности еще и еще раз подчеркивает живую, творческую, не бездумно-

Амбар на сваях в Костромском музее деревянного зодчества

⁶⁸ Цит. по ст.: Каргер М. Крепостные сооружения // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. — Т. 34. — С. 114—С. 134. Там дана ссылка на Полное собрание русских летописей. — Т. 19. — С. 306.

Суздальский музей
деревянного зодчества.
Изаба из села Лог. Фото
Е. А. Ополовниковой

Суздальский музей
деревянного зодчества.
Изаба из села Лог. Окно.
Фото
Е. А. Ополовниковой

и «Большая Волга» и, как следствие, с
исчезновением многих древних сел и дере-
вьев.

В народном зодчестве «болотистого
железного края», каким является пойма-
ныя Костромы, заливаемая длительны-

Суздальский музей
деревянного зодчества.
Изаба из села Лог.
Фото
Е. А. Ополовниковой

Суздальский музей
деревянного зодчества.
Мельницы «шатровки».
Фото
Е. А. Ополовниковой

ми весенними паводками, сложились свои особые вековые традиции, характерные для этих мест, и, в частности, своеобразный обычай возводить многие постройки, в том числе и культовые сооружения, на высоких столбах-сваях; постройки, которые как бы парили в воздухе, поднимаясь над землей. Нередко они образовывали целые поселения, попросту называвшиеся висячими.

Разнообразные постройки Костромского музея деревянного зодчества, размещившиеся на широком просторе зеленого берега нового водохранилища, сплетаются в живописный архитектурно-пространственный ансамбль, обогащающий своим силуэтом не только прибрежную полосу близ Ипатьевского монастыря, но всю застройку города, тяготеющую к реке Костроме.

Размещение деревянных построек в месте или вблизи исторически сложившихся архитектурных ансамблей широко распространено в практике формирования музеев под открытым небом.

Начало создания Суздальского музея под открытым небом положено в 1960 году, когда на территорию городского кремля была перевезена Никольская церковь 1766 года, стоявшая раньше в селе Глотове Юрьев-Польского района. Вслед за тем началось формирование Музея деревянного зодчества крестьянского быта напротив кремля, на левом берегу реки Каменки, где находился когда-то Дмитриевский монастырь. В основе его планировочной организации лежит целостное поселение своеобразной улицей домов, храмов

многочисленными хозяйственными постройками. Вне стен музея, на берегу озера сгрупированы почти такие же, как и в Костроме, деревянные амбары в столбах-сваях, перевезенные сюда из суждальской поймы.

Крупнейшим памятником суздальского музея является Преображенская церковь из села Козлятьева Кольчугинского района Владимирской области. Она построена в 1756 году. Композиция памятника сложна и не совсем обычна. На массивном основании церкви, состоящем из нескольких многоугольных срубов, возвышаются три убывающих по высоте яруса с мерниковых яруса, увенчанных большой луковичной главой на высоком бабине. Формируется редкий тип ярусной постройки на крещатом плане. Небывалое сочетание разновеликих объ-

емов памятника, своеобразие их композиционного построения придают монументальному объему Преображенской церкви особую живописность. Но при всей необычности облика памятника в нем нет ни одного элемента, не характерного для русского деревянного зодчества в целом.

Музей в Суздале окружен бревенчатой стеной-заплатом, состоящей из горизонтально уложенных бревен, укрепленных в круглых вертикальных стойках. Такие стены известны на Руси давно. Плотным кольцом окружали они в старину посадские усадьбы и целые города.

Дубовой стеной из горизонтальных кругляков был обнесен когда-то древний Звенигород. Для большей устойчивости

Суздальский музей
деревянного зодчества.
Преображенская церковь
из села Козлятьева. Фото
Е. А. Ополовниковой

Ажбар в селе Мыш
Ивановской области

Ажбар в селе Макарово
Ивановской области

и многие другие — полностью заменены новыми. Единственное исключение здесь составляет лемеховое покрытие подкупольной шейки и нижней части самого купола.

Не уцелели подлинные детали и внутри церкви. Все ее помещения объединены в один общий трансепт с поздним декоративным убранством. Стены и потолки покрыты штукатуркой, на полу узорные чугунные плиты, огромные окна и остекленные двери с затейливыми переплетами, эклектичные формы клиросов и иконостасного каркаса — таков новый облик интерьера этой древней церкви. На память приходит мудрое старинное изречение: «Не умел сделать красиво, сделал богато».

И только одни иконы, собранные в иконостасе и развешенные по стенам, говорят о глубокой древности своего происхождения. Это редчайшая коллек-

ция произведений древнерусской живописи.

Чтобы четко представить себе понятие, подлинные формы Успенской церкви, а также понять масштаб и характер ее искажений, можно обратиться к одному из ближайших ее аналогов — клетской церкви 1766 года из села Глотово, которая ныне перевезена в г. Суздаль⁷⁰.

Оба эти памятника относятся к одному и тому же типу «клетских церквей» с клинчатой кровлей; оба они имеют одинаковую объемно-пространственную структуру, планировочную схему и композицию. В общих чертах они совершенно одинаковы и отличаются один от другого только своими размерами — да и то незначительно. Они близки и по датировке своей постройки, и по географическому местоположению.

Близок к ним и еще один памятник Ивановской области — Рождественская церковь 1768 года в небольшом селе Талицы Юрьевецкого района.

Но у этой церкви есть и немало своих, индивидуальных особенностей. Не в пример ивановской и глотовской церквям, она несимметрична относительно продольной оси. Эту нетиповую асимметрию придает ей обширный придел, примыкающий к центральному четверику с северной стороны (подобный им встречали на церкви в Пылеве). У придела есть свой алтарь пятигранной формы и когда-то был самостоятельный отдельный вход с галереи, ныне утраченный. От входа сохранился дверной портал, расположенный в западной стене придела.

Этот портал, к слову сказать, выполнен в классических традициях древнерусского деревянного зодчества и служит бесспорным подтверждением самого факта существования здесь галереи.

Самую древнюю, первоначальную часть образуют трапезная и центральный четверик с приделом и алтарем, завершенные крутыми клинчатыми кровлями и восьмериком с главкой.

А теперь — о колокольне. В структуре

⁷⁰ Реставрация памятника осуществлена под руководством В. М. Анисимова.

Никольская церковь из села Глотова в Суздалье.
Фотом. Е. А. Ополонниковой

в них примерно через каждые полтора метра врубались короткие поперечные бревна, образующие некое подобие контрфорсов. Такие стены — в отличие от «стоячего» и «косого» острога — получили название «лежачих» ограждений, или «лежачего острога». Поставленные на высоких валах, обрамленных глубокими рвами, «лежачие» ограждения были обычно невысоки и играли роль своеобразных «заборолов», поверх которых производилась стрельба.

Ограждения из «лежачих» бревен получили широкое распространение в торгово-ремесленных городах России XV—XVI веков, утративших свое военно-оборонительное значение, а также в деревянных монастырях и скитах. И в том, и в другом случае устройством таких стен решались задачи организационно-планировочного, а не стратегического характера. Они очерчивали территорию поселения, придавая ему вполне композиционно законченный вид архитектурно-пространственного ядра, не допуская при этом беспорядочного расползания его окраин. Немаловажной являлась и социально-психологическая роль подобного рода ограждений. В поселениях они развивали чувство гражданского («гражданин» — «горожанин») единения и осознания своей крепости, рождаемой спло-

щностью. В монастырях их назначением было несколько иным: оградить монастырь от внешней жизни, чтобы и духовно, и физически отошли они от нее (отсюда — «отшельник»). Нередко в городах «отшельно» выстраивался ряд посаженных усадеб. Та же планировочная особенность (размещение келий вдоль стены) характерна и для многих монастырей. Так, вдоль ограды Александро-Ошевенского монастыря располагались четырнадцать келий с резными дымниками на тесовых кровлях, подобные тем, что дошли до нас вместе с несколькими курными избами бывшей Ошевенской волости в Поонежье.

О том, что «лежачие» стены достаточно распространены в древнерусских поселениях, свидетельствует и обстоятельство, что они получили широкое развитие в сибирских усадьбах XVII—XIX веков в виде глухих заборов-заплотов, вдоль которых или заплотами с ними размещались жилые и хозяйственные постройки.

Высокой клинчатой кровлей завершается и Успенская церковь в Иваново-Вознесенской области, незаурядный памятник древнерусского деревянного зодчества, датируемый XV—XVIII веками.

Одно из первых упоминаний о ней говорит: «Архитектура этой церкви чисто русская. Если отнять от нее алтарь, паперть, то выйдет настоящая старинная изба. Это-то более и доказывает несомненно ее древность. Наши предки умели хитрить: что было у них в глазах, тому они и подражали. На кладбище перенесена сия церковь около 1711-года...»⁶⁹.

Лишь первоначальное ядро памятника — центральный четверик и два придела, завершенные высокими клинчатыми кровлями, сохранилось в самых обихих архитектурно-конструктивных массах. Однако его основные детали — окна, двери, полы, по-

⁶⁹ Борисов В. Описание города Шуи и его окрестностей с приложением старинных актов. — М., 1892. С. 150.

*Никольская церковь из
седа Гладова в Суздале*

ре ее сруба как бы заложены два противоречивых качества, которые при недостаточно критическом отношении к ним могут породить и неправильную оценку архитектурных достоинств самой колокольни.

С одной стороны, когда рассматриваешь ее сруб вблизи, может создаться обманчивое впечатление, что он достаточно древний и возведен в духе народных традиций. Стены его сложены из массивных бревен, грани восьмерика укреплены вертикальными шпонками, соединяющими воедино все венцы; перекрытия и лестницы на звон и межъярусные перекрытия — такого же типа, как на некоторых старинных колокольнях. Есть у сруба и традиционный повал, а в нижнем ярусе даже сделано волоковое окошко. Последняя деталь особенно

*Дом в деревне Подворье
Ивановской области*

*Дом в деревне Подворье
Ивановской области.
Окно*

Рождественская церковь
в селе Талицы Ивановской
области. Южный фасад

подкупает и позволяет думать, что нижний сруб сохранился от какой-то старой колокольни, был вторично использован и включен в новую композицию при позднейших перестройках, а громоздкие дверные проемы в нем прорублены при этих перестройках.

С другой стороны, когда рассматриваешь этот же сруб издали, то сразу бросается в глаза одна особенность: четверик в нем непомерно завышен, а восьмерик, напротив, сильно занижен. Вследствие этого в тектонической структуре сруба резко нарушается традиционный пропорциональный строй, в основе которого лежат четко выраженный контраст между низким, приземистым четвериком и высоким, стройным восьмериком.

Несуразно большая высота придана четверику этой колокольни отнюдь не случайно. Она требовалась для того, чтобы получить возможность сделать в нем сквозной проход и организовать здесь новый вход в церковь. Для деревянного зодчества до XIX века этот прием совершенно чужд и как первоначальный элемент он не встречается ни на одном из памятников. В старину, напротив, колокольни ставили отдельно, располагая их не на продольной оси церкви,

а поодаль от нее и чуть в стороне (Саунино, Зашиверск и др.).

Обманчивое впечатление древности создается и благодаря шатровому завершению колокольни — самой популярной форме древнерусского деревянного зодчества. Но шатер нельзя рассматривать сам по себе, вне связи с архитектурой всего здания. Чтобы увидеть, как и в разном сделаны древние и позднейшие шатры, достаточно сравнить между собой хотя бы только столбы и верхнюю обвязку, несущую полицы. Поэтому-то ни один из элементов архитектуры самих построек не может служить критерием их древности.

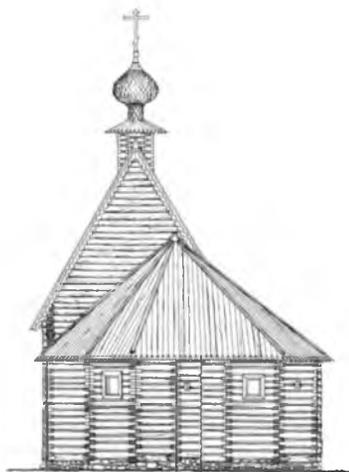
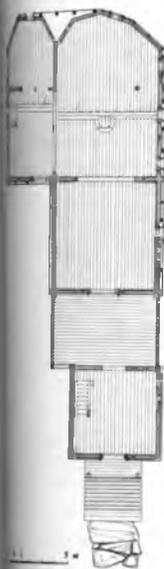
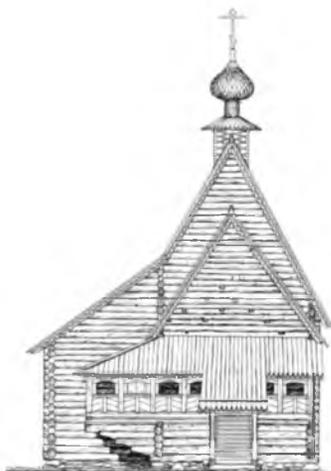
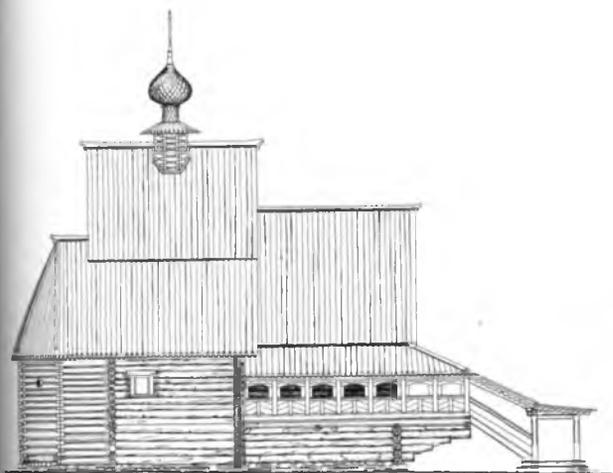
Деревянная церковь в Плесе известна прежде всего по замечательной картине И. Левитана «Над вечным покоем». Маленькая, неприметная стояла она на высоком волжском берегу. Задуман прост ее образ. В нем будто слышится своеобразная глубинно-русская напевность, с детства родная и близкая, которая, привораживая, влечет в сказочный мир человеческого добра, в тот мир, которому — сознавая это или не сознавая — стремится каждый, где всегда тепло и уютно, где успокаивается мятежная душа, сердцем, а не разумом начинающая понимать великую мудрость жизни.

Эта церковь когда-то и «околдовала» Левитана. На своем первом этюде Плесе вечером в день приезда художник изобразил именно ее — в отсветах заходящего солнца.

Историко-архивные и литературные сведения о Петропавловской церкви в Плесе скупы, как и о большинстве других произведений народного деревянного зодчества. Все они исчерпываются, основанном, только тем, что было опубликовано в сборнике «Древности».⁷¹ Впрочем, упоминание об этом памятнике есть и в книге М. Красовского, но в ней лишь повторяются в хрестоматийном положении самые общие данные о его архитектуре и воспроизводятся те же изображения, которые были в «Древностях».⁷²

⁷¹ Древности // Труды комиссии по сохранению древних памятников Императорского Московского археологического общества. — М., 1907. — Т. 1. — С. 107, 112.

⁷² Красовский М. Указ. соч. — С. 184—186.

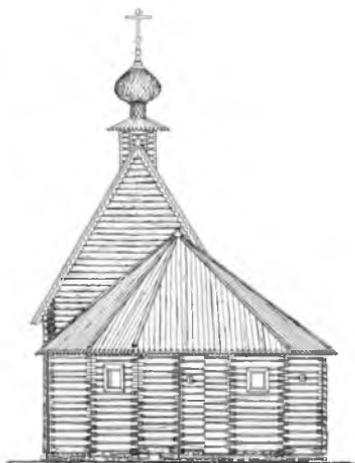
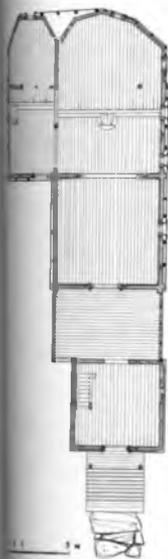
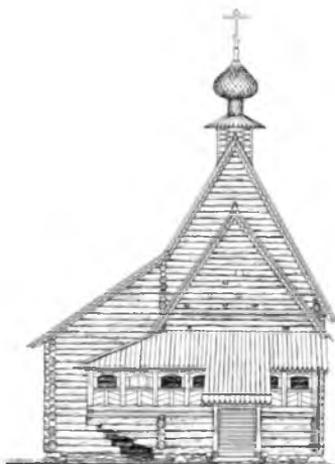
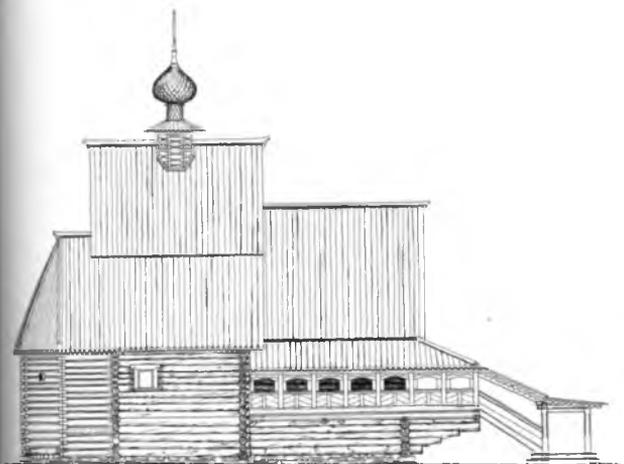
Рождественская церковь
в селе Талицы. Северный
фасад. Реконструкция

Рождественская церковь
в селе Талицы. Западный
фасад. Реконструкция

Рождественская церковь
в селе Талицы. План.
Обмер

Рождественская церковь
в селе Талицы.
Восточный фасад.
Реконструкция

Рождественская церковь
в селе Талицы.
Поперечный разрез.
Реконструкция

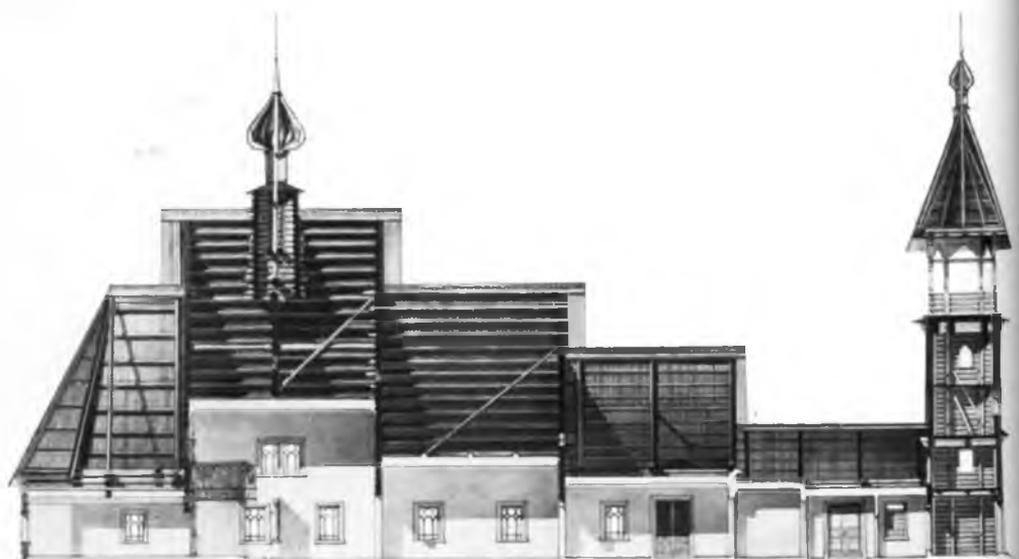
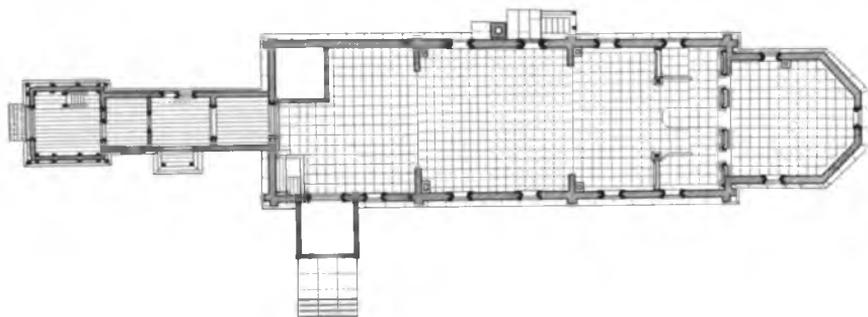
Рождественская церковь
в селе Taliцы. Северный
фасад. Реконструкция

Рождественская церковь
в селе Taliцы. Западный
фасад. Реконструкция

Рождественская церковь
в селе Taliцы. План.
Обмер

Рождественская церковь
в селе Taliцы.
Восточный фасад.
Реконструкция

Рождественская церковь
в селе Taliцы.
Поперечный разрез.
Реконструкция

*Успенская церковь
в Иванове. План. Обмер*

*Успенская церковь в
Иванове. Продольный
разрез. Обмер*

На заседании Комиссии по сохранению древних памятников 5 июня 1887 года было доложено письмо священника Петропавловской церкви г. Плеса Я. Успенского, в котором он пишет, «что в г. Плесе Костромской губернии при настоящей кладбищенской Петропавловской церкви есть еще другая, старая, деревянная церковь с существующим при ней издревле кладбищем...».

К письму Я. Успенский приложил подробные сведения о самой церкви и высказал предположение о дате ее постройки. Он же отметил, что «бывшая при церкви деревянная же об одном ярусе колокольня сломана по случаю построения новой каменной церкви (1838 г.) и употреблена на обжиг кирпича».

Обстоятельное письмо Я. Успенского заканчивается так: «А как из всего вышесказанного видно, что сказанная церковь существует более двухсот лет, а кладбище более трехсот лет, коему, быть может, современна постройка и сама церковь: то и нахожу долгом почтительнейше сообщить благоусмотрению Императорского Московского Археологического общества настоящие сведения. Мая 4 д. 1887 г.»⁷³.

По заданию Археологического общества летом 1887 года Петропавловская церковь была изучена и обмерена академиком А. М. Павлиновым. В своем докладе комиссии он писал: «Церковь св. Петра деревянная, стоит на горе и еще издали производит приятное впечатление своим красивым очертанием. Когда Вы обходите ее кругом, Вы невольно становитесь перед ее восточной частью, где так оригинально покрыт алтарь в пять стен крышей на два ската. Ходя внутрь, Вы замечаете две щели, сделанные с паперти в церковь вышнюю в отверстия около вершка и вершков 7-ми длиной. Расположены они горизонтально на высоте человеческого глаз по бокам двери, ведущей в саму церковь. Эти два отверстия в виде щелей сделаны для оглашенных: в них они могли смотреть на службу.

Войдя в самую церковь, замечаете на полу три западни, по преданию это три гробницы, где положены три сестры-царевны...

...В алтаре на левой стороне (буква по плану) есть небольшое волоковое окно...».

В «Древностях», откуда мы извлекли все эти данные о Петропавловской церкви, после сообщения А. М. Павлинова говорится, что церковь несколько лет назад сгорела. Когда? Между 1887 и 1907 годами, но точных сведений нет.

Рассматривая весь материал, представленный в «Древностях»⁷⁴, как исходный для раставрации памятника, отме-

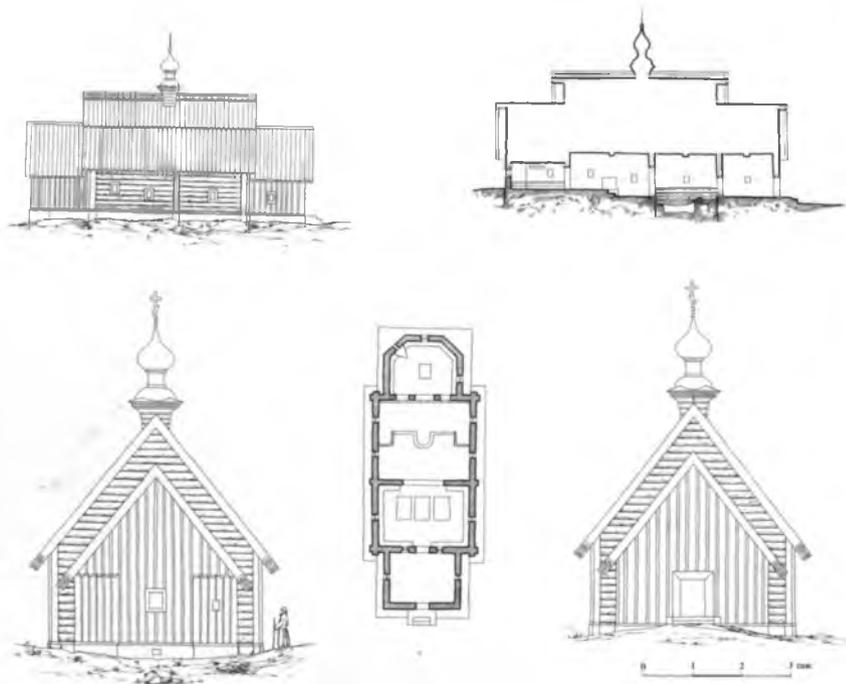

Успенская церковь в Иванове

тим, что его ядром и самой ценной частью является обмер А. М. Павлинова. Но, к сожалению, обмер этот предельно схематичен, а порой и неточен. Некоторые детали здания показаны на чертежах либо слишком произвольно, либо не показаны вовсе. Бревенчатая структура здания выявлена, например, лишь на одной проекции — на восточном фасаде. Но самый большой недостаток в

⁷³ См. прим. 68.

⁷⁴ В состав этой публикации входит следующее: а) обмерные чертежи, выполненные академиком архитектуры А. М. Павлиновым в 1887 году; б) его же краткий доклад об особенностях церкви; в) письмо священника Я. Успенского в Московское Археологиче-

*Петропавловская церковь
в Плесе. Обмер
А. М. Павлинова. Начало
XX в.*

Церковь в Плессе. С этюда
И. Левитана

что на обмерных чертежах совершенно не показана внутренняя конструкция постройки — даже и в схематичном виде.

Однако надо со всей определенностью сказать, что, несмотря на многочисленные недостатки, обмер А. М. Павлинова дает возможность точно установить общие габариты всего здания, его объемно-пространственную композицию, пропорции и основные параметры его главных частей и деталей. Именно в этом и заключается ценность обмера и его значение как исходного первоисточника для реставрации памятника архитек-

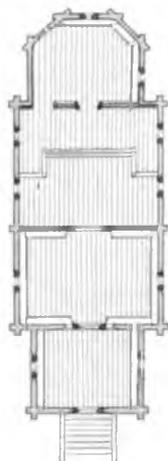
туры. Но по габаритам памятника, по его объему и композиционно-пространственной структуре как бы сама собой понятна для реставратора и его конструктивная сила здания. Ведь конструктивные схемы едва ли не всех однотипных зданий, по существу, не отличаются. В этом легко убе-

диться, сравнив конструкции ближайших аналогов плесской церкви — церквей в Иванове, Глотове (Суздале), Талицах. А вписав в композиционную форму, точно установленную по обмерам, ее типовую конструктивную схему, можно столь же точно определить по тем же обмерам места и форму отдельных частей и деталей. Таких, как фундамент и кровля, полы и потолки, оконные и дверные проемы, глава и четверик, на котором она стоит, клиросы и скамейки вдоль стен, солея и т. д.; словом, восстановить почти все части и детали, составляющие здание.

Большим подспорьем для уточнения архитектурно-конструктивных форм ряда деталей и некоторых особенностей здания служит описание церкви, начерпнутое из письма Я. Успенского. И, в частности, о том, что церковь срублена из соснового леса, была «холодной» и не имела печей; что ее глава была чешуйчатой (то есть крытой лемехом.— авт.); что

1. Исходное предположение о дате постройки церкви: по резкому комиссией о ценности труда Павлинова, из которого следует, что церковь

сгорела между 1887 и 1907 годами; д) этюд Левитана, на котором церковь изображена с северо-западной стороны.

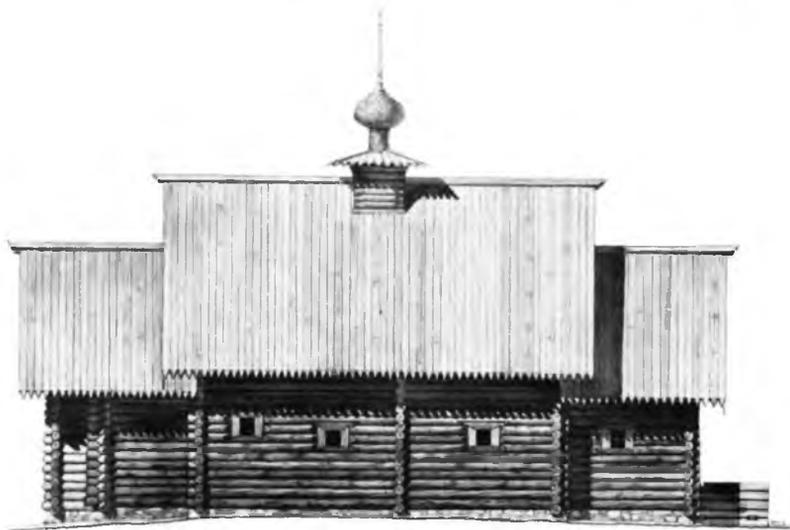
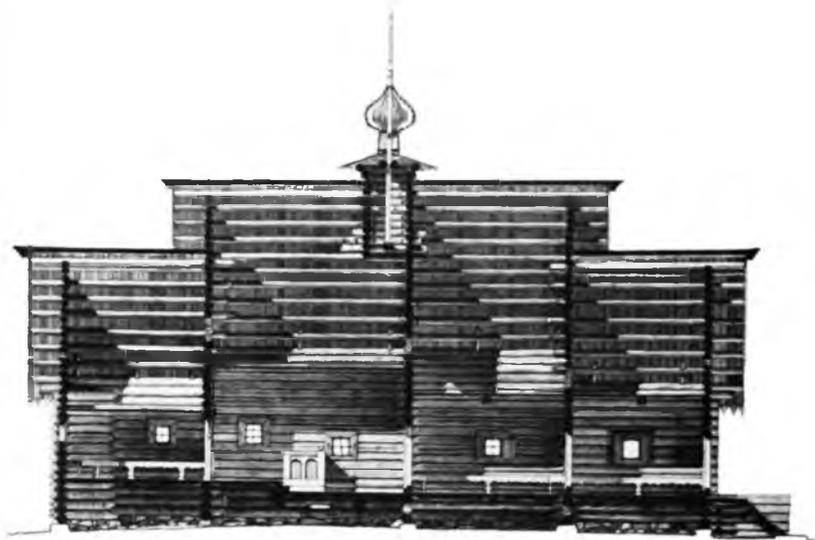

*Петроавловская церковь
в Плесе. План.
Реконструкция*

*Петроавловская церковь
в Плесе. Западный фасад.
Реконструкция*

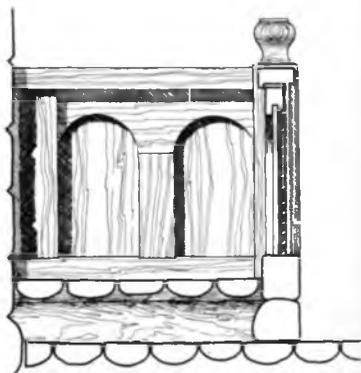
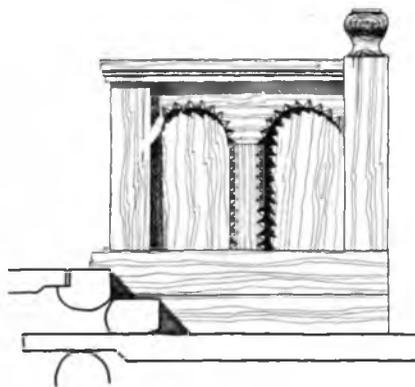
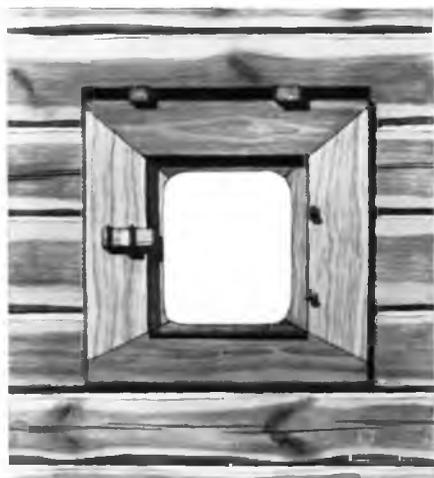
*Петроавловская церковь
в Плесе. Восточный
фасад. Реконструкция*

*Петроавловская церковь
в Плесе. Поперечный
разрез. Реконструкция*

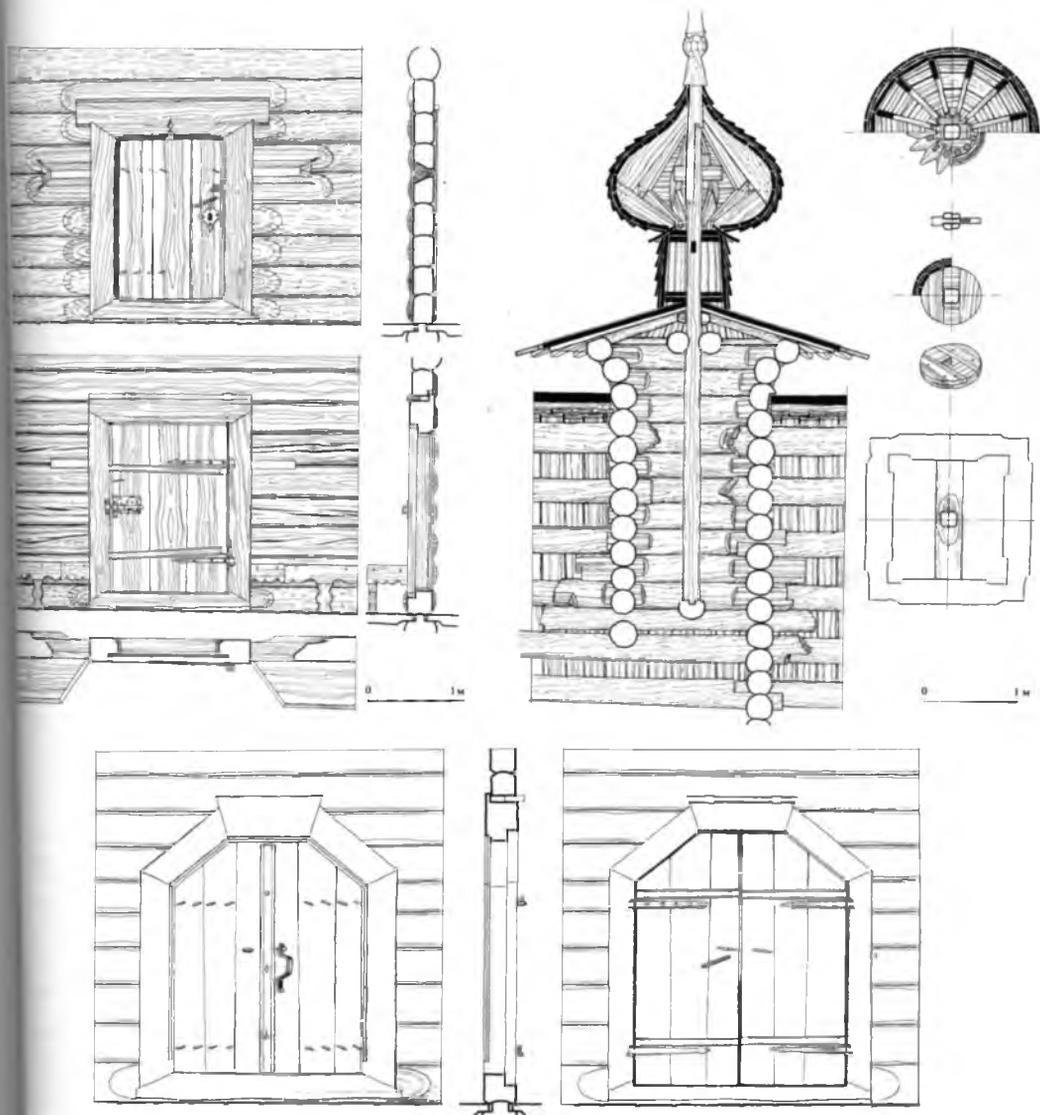
Петровская церковь в Плесе. Продольный разрез. Реконструкция

Петровская церковь в Плесе. Северный фасад

*Петропавловская церковь
в Плесе. Окно в
трапеэной изнутри и
снаружи. Реконструкция*

*Петропавловская церковь
в Плесе. Кларос.
Реконструкция*

Петропавловская церковь
в Плесе. Дверь в
четверике. Реконструкция

Петропавловская церковь
в Плесе. Малый четверик
и глава. Реконструкция

Петропавловская церковь
в Плесе. Входной портал

Макет-реконструкция
Петропавловской церкви
в Плесе. Восточный
фасад

Макет-реконструкция
Петропавловской церкви
в Плесе. Западный фасад

окна были косячатые и разных размеров в разных помещениях; что двери были простые, одностворчатые, а их косяки — с прямой перемычкой; что стены «облиты» топором, то есть стесаны изнутри «в лас»; что полы везде одинаковые, сделаны из тесовых половиц; что иконостас — тябловый, с традиционными «царскими вратами» на столбах; что скамейки так называемой «топорной» работы и др.

Все эти сведения в целом очень существенно дополняют обмерные чертежи и в большей мере восполняют их схематизм. И все они, разумеется, были учтены в проекте реставрации. Что же касается конструкций, то их восстановление предусматривается в наиболее типичном, самом распространенном и оптимальном варианте, который представлен в трех уже упоминавшихся памятниках-аналогах.

Примерно то же самое можно сказать и о восстановлении всех традиционных особенностей, которые определяют в своей совокупности самобытный характер и сам дух каждого произведения деревянного зодчества. Речь идет о таких особенностях, как полное пренебрежение строгой геометричностью архитектурной формы, выявляемое чуть ли

не в каждой детали и части здания; как грубая «топорная» обработка одних деталей, сосуществующая с очень тщательной обработкой других; как «неодинаковость» одинаковых элементов; скульптурная пластичность линий и т. п. Сюда же относятся и все технические приемы и способы устройства отдельных элементов здания, которые воплощают в себе своеобразие и уровень строительной техники своего времени. Например, такие, как способ устройства фундамента и гидроизоляции; рубки углов и стен; обработки и укладки кровельного теса; полов, потолков и т. п.

Восстановление особенностей такого рода — едва ли не самая важная задача при реставрации каждого памятника. Решение этой трудной задачи приобретает особо важное значение при воссоздании заново всего памятника или полностью утраченной его части. И только по конечным результатам реставрации можно судить о целесообразности ее проведения: превратится ли памятник (или его часть) в холодную, обездушенную и мертвую копию утраченного подлинника, в которой будет воспроизведена сухими и жесткими линиями лишь обобщенная его часть — столь же сухая, скучная и безликая, или же снова станет таким же, каким был прежде, и вновь обретет свое

Ильинская церковь из села
Бидюково в Плесе. Вид с
юго-запада. Фото
Е. А. Ополовниковой

Ильинская церковь из села
Бидюково в Плесе.
Кровля притвора. Фото
Е. А. Ополовниковой

траченное лицо и свой подлинный художественный образ.

Именно в практическом претворении жизнь проекта реставрации, в тонком воспроизведении своеобразных оттенков памятника и заключается самая большая трудность его воссоздания.

Только в том случае восстановление имеет смысл, если каждая деталь будет сделана так же, как она была бы сделана и двести лет назад первоначально. Ведь воссоздать нужно не столько форму, сколько образ памятника — духотворенный, прекрасный и волнующий. Сейчас на холме, где стояла плесская часовня, восстановлена церковь в села Билуково Ивановской области. По своим размерам она больше плесской часовни. Но думается, что это не столько восстановление при типологически образном сходстве памятников.

А сама плесская церковь остается для нас только в чертежах и задумчивом изображении И. Левитана.

Плес — один из древнейших русских родов на Волге. По преданию, в XI—XII веках на его месте находилось поселение Чувиль.

В 1237 году полчища татаро-монголов во главе с Батыем, внуком Чингис-хана, громили Рязань, Владимир, Москву, Киев. А через год подверглось разорению Верхнее Поволжье и «поплениша по Волге, — говорит летопись, — даже до Галича — Мерского»⁷⁵. Тогда же Чувиль, был сожжен и Чувиль.

Когда в 1409 году на Москву напал князь Эдигей, великий князь Василий Дмитриевич, сын Дмитрия Донского, лично выехал в Кострому. В 1410 году подступая к Костроме он «повеле бити град Плесо».

Место для крепости было выбрано плодородное: на высокой горе, круто обрывающейся с трех сторон. И с каждой стороны своя преграда: с севера — холм, с востока — река Шохонка, с запада — глубокий овраг. А с четвертой ее стороны, с южной, был сделан земляной вал и перед ним — глубокий ров.

⁷⁵ Цит. по кн.: Ермолаев В. Плес — жемчужина
— Ярославль, 1978. — С. 13.

Плес. Панорама крепостного холма. Фото Е. А. Ополовниковой

Плес. Склон крепостного холма. Фото Е. А. Ополовниковой

Сведений о первоначальном облике крепости у нас нет. Но мы вправе предположить, что она была — в той или иной степени — обычным для своего времени и места сооружением. Все ее постройки были окружены многоугольной, неправильной формы стеной, повторяющей рельеф местности. Столь четкая зависимость композиции от природных условий была характерна для тышских крепостных ограждений. Позже, когда в деревянных крепостях стены стали в преимуществе рублеными, их очертания приобрели более правильную, геометризованную форму.

На графической реконструкции крепости показаны три входа в нее. Два из них — западный и восточный — можно назвать основными. Третий, расположенный на юго-восточном краю крепости,

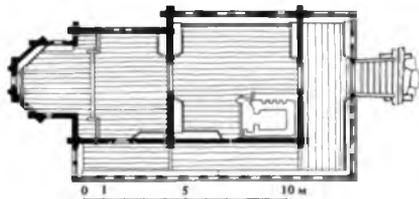
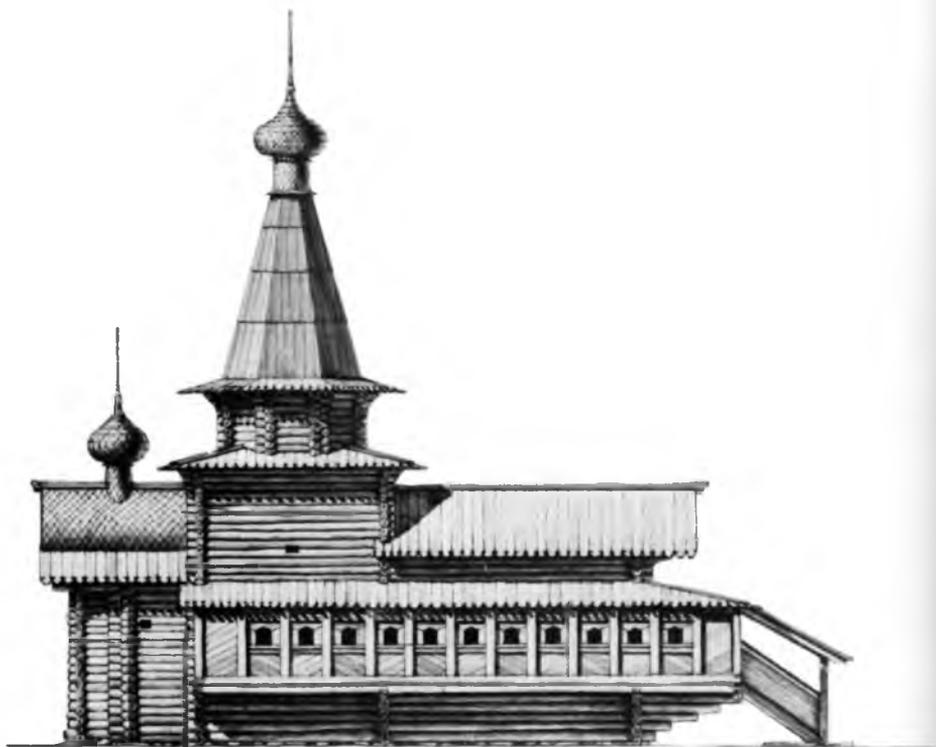
Плеская крепость.
Реконструкция-гипотеза
при участии
Е. А. Ополонниковой

...ма запасным: к нему вела не дорога, а
...ропа, проложенная по крутому склону
...ма. Соответственно и в башне были
...строены не ворота, а всего лишь
...щитка.

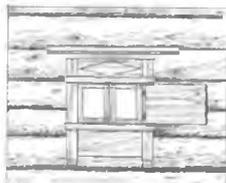
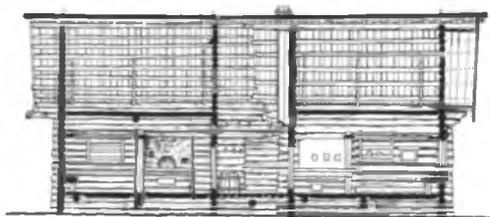
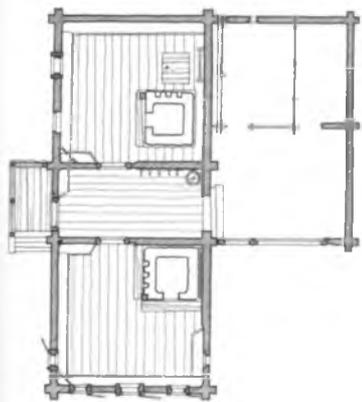
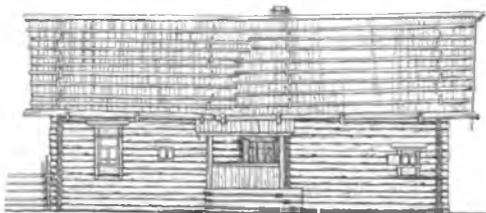
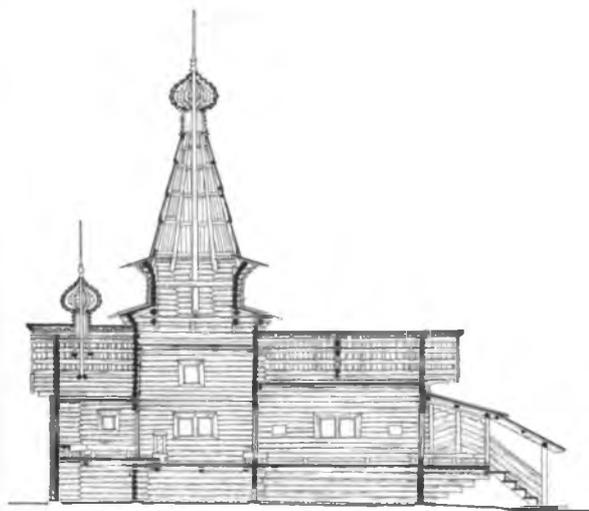
Главным был въезд в крепость с
...адной стороны. По мосту через глу-
...кий ров дорога вела к посаду, назван-
...му позже Троицкой слободой. У могу-
... крепостных ворот денно и ночью
...жили дозорные, «переминяясь в сут-
...». На ночь крепостные ворота запира-
...сь. В вечерной тишине волжского раз-
...ья далеко окрест был слышен гулкий
...жет кованых цепей — это поднимали
...дальной мост...

Менее значительным был въезд в
...пость с восточной стороны, где сто-
...и меньшая по размерам в сравнении

Плеская крепость.
Шатровая церковь
внутри крепости.
Северный фасад. План.
Реконструкция

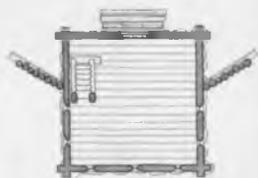

0 1 5 10 м

Плеская крепость.
Церковь.
Западный фасад.
Реконструкция

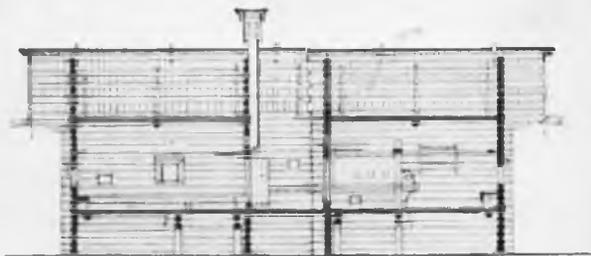
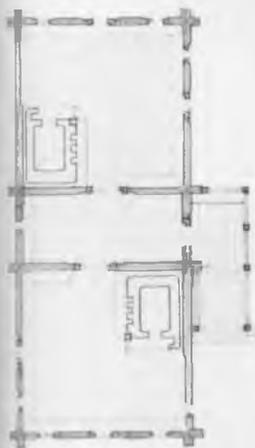
Плеская крепость.
Церковь.
Западный фасад.
Реконструкция

Плеская крепость.
Свежая изба.
Западный фасад.
Реконструкция

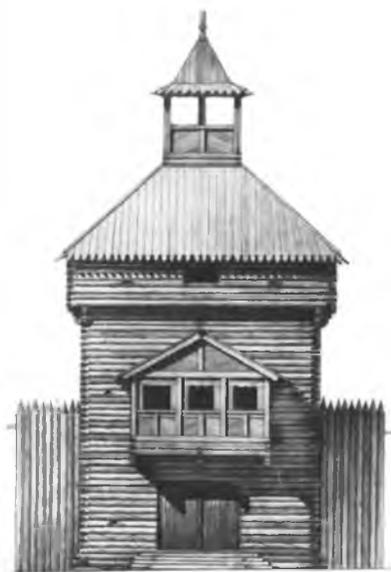

*Плеская крепость.
Главная проезжая башня.
Наружный и внутренний
фасады. Реконструкция*

*Плеская крепость.
Глухая башня: фасад,
разрез, план.
Реконструкция*

Плеская крепость.
Жилой дом.
Реконструкция

*Плеская крепость.
Надвратная башня.
Главный фасад и разрез.
Реконструкция*

*Плеская крепость.
Малая дозорная башня.
Боковой и наружный
фасады. Реконструкция*

с главной крепостная башня. Кроме того, башнями были укреплены и другие стратегические места крепости. Соединенные сплошной стеной из заостренных, как колья, бревен, они придавали внешнему облику города воинственно-приступный вид — традиционный архитектурный образ древнерусского города, рожденный в тревожные времена отечественного самостоянья.

Башни стояли в основном на изгибах крепостных стен, причем большая их часть — восемь из одиннадцати — была сосредоточена по линии запад-юг — юго-восток, а самым укрепленным, «лобовым» участком крепости являлся ее юго-восточный угол, защищенный пятью башнями.

В архитектурно-композиционном построении древнерусских городов большое значение приобретали вертикали церквей. Можно предположить, что в далекие годы начала XVI столетия на месте нынешней каменной церкви, стоящей на плесском холме, — Успенского собора с шатровой колокольней (1699 г.) — стояла деревянная церковь. При ее реконструкции прямым аналогом явилась Зашиверская церковь, построенная в 1700 году на берегах далекой Инштырки русскими первопроходцами.

Шатровая церковь была по своему типу летним, или холодным храмом. Ее руб был сложен «насухо», без прокладок лазов мхом, у нее не было зимних рам и двойных дверей, утепленного пола и потолка. В летних церквях всегда раньше сырости: через щели и проемы происходит непрерывная естественная вентиляция и просушка всех помещений, стен и конструкций. Долговечности летних церквей способствовала и большая высота их объемов, потому что чем выше церковь, тем выше и ее «вытяжная рубка», тем сильнее тяга воздуха в этой рубке, быстрее просыхает дерево и тем меньше возможность появления гнили, насенных грибков или насекомых.

Неподалеку от летней церкви стояла городе зимняя, менее значительная по

своим размерам церковь. Ансамбль, по традиции, дополнялся отдельно стоящей колокольней. Ей предшествовала, по видимому, простая звонница на столбах, так как отдельно стоящие колокольни широко распространились на Руси лишь в конце XV столетия. В малой сторожевой крепости, каковой поначалу была крепость Плеса, вряд ли существовала отдельно стоящая колокольня, слишком необычное по тем временам (1410 г.) здание. Новые архитектурные формы, как известно, неспешно принимались русскими мастерами. Сначала они утверждались в центральных районах, на княжеских подворьях и городских площадях, а уж потом, став привычными, привносились и в более отдаленные земли Руси.

Внутри крепости, как обычно, стояли воеводский дом, съезжая изба, размещались «зеленые» и продовольственные погреба, склады для хранения оружия. Здесь же создавались дворы для «осадного сиденья», то есть для постоянного населения крепости. К концу XV века город значительно разросся, и вокруг него возникли посады.

Размеры дворовых участков внутри крепости и на посадах заметно различались. Ограниченное внутрикрепостное пространство диктовало и свои планировочные условия. Земельные участки здесь были невелики. Но в каждой крепости они были различны в зависимости от числа ее постоянных жителей и от наличия «осадной земли», то есть от размеров крепости. В городе Усерде, например, построенном в 1637 году на реке Тихой Сосне, казакам выделялись участки «вдоль по 5 сажени, поперек по 3 сажени», а стрельцам «вдоль по 4 сажени, поперек по 3 сажени». Характерно указание на то, что в будущем «новоприборные казаки, стрельцы и пушкари должны селитца осадными дворами с теми же стрельцы и казаки и пушкари рядом»⁷⁶.

В плесской крепости XV века ни казаков, ни стрельцов не было. Эти звания «воинских людей» появились много позже, когда уже процветало единое

⁷⁶ Чит. по кн.: Тверской Л. М. Русское градостроительство конца XVII века. М.—19...—С. 62
Лыжа: Он-лоблин Н. Н. Обзорение историко-геогра-

фическое материалов XVII и начала XVIII веков, заключающихся в книгах Разрядного Приказа.—М., 1884.—С. 75.

Русское государство. Стрелецкое войско было создано в 40—50-е годы XVI века на основе отрядов «пищальников»; тогда же примерно появились «служилые казаки», несшие военную службу на окраинах страны. Но принцип расселения ратных людей, постоянно живущих в крепостях, был таким же: в соответствии с чином и званием определялись размер земельного участка и его местоположение.

Что же касается плесской крепости, то размеры «осадных дворов» в проекте ее реконструкции приняты примерно такие же, как в крепости города Усерда, то есть около 10—12 м×6—7 м. Иногда чуть больше, иногда чуть меньше. На посаде площадь придомовых участков значительно увеличивается, а плотность застройки уменьшается. Таково было состояние города в середине XV столетия, когда посадская сторона только зарождалась и основная масса постоянного населения все-таки жила в пределах крепости.

С одной стороны, таинственно-неведомой, а с другой—естественно простой представляется нам жизнь верховолжских земель того времени. Она и поныне неспешная. Но в этой неспешности просто нет привычной для больших городов суетности. Ее внутренний, жизнеспособный ритм вполне соответствует (да и раньше так было) быстрому ходу времени.

С начала своего возникновения Плесская крепость неоднократно перестраивалась. Причиной тому были не только военные бедствия, но и пожары, происходящие в мирное время, особенно при грозных стихиях.

Генеральный план крепости представляет собой реконструкцию-гипотезу, созданную на основе изучения многочисленных аналогов и с учетом рельефных следов бывшего города. Она относится к середине XV века. Позже тыновые стены крепости были заменены рублеными, очертания их спрямлены, число башен уменьшено.

Свое значение как крепости город утратил в первой четверти XVII века⁷⁷.

Сожженные в «смутное время» его деревянные укрепления больше не восстанавливались. Плес превратился в торговый ремесленный город, довольно крупный по старым масштабам.

Многочисленные крепости и монастыри, возникшие на разрозненных землях Руси, способствовали защите границ, а затем и объединению этих земель вокруг Москвы и созданию многонационального Русского государства. В Древней Руси не было ни одного города без оборонительных сооружений. «Все, что окружено стеною, укреплено тыном или огорожено другим способом, они называют город»,— записал в начале XVI века Сигизмунд Герберштейн⁷⁸.

Летописи рассказывают, что уже в IX веке на заре русской государственности были построены деревянные городские крепости: Новгород, Полоцк, Белозерск, Ростов Великий и другие. Иногда на стратегических рубежах возводились «стоялые остроги». В них постоянно никто не жил, но в военное время сюда посылались гарнизоны.

Вплоть до конца XV—начала XVI века крепости были по преимуществу деревянными. Но и позднее, когда распространилось огнестрельное оружие и артиллерия, строительство деревянных крепостей не прекращалось: башни и мощные прясла бревенчатых стен, возводимые искусными русскими градодельцами, еще долго противостояли ударам вражеских войск. Так, в конце XVI века на южной границе Московского государства выросла сильная оборонительная линия из деревянных крепостей: Воронеж, Ливны, Елец, Кромы, Оскол, Белгород. Тогда же строились крепости и на берегу Белого моря: Кола, Сумской острог, Кемь, и в Поволжье: Черный Яр, Царицын, Самара.

Для своего времени деревянные крепости были могучими и грозными сооружениями. Основным композиционно-пространственным элементом их архитектуры являлись рубленые башни. На них устанавливались пушки, в них хранились припасы и вся боевая снасть. Такие

⁷⁷ Казаринна В. И. От Плеса до Сараява.— М., 1978.— С. 14.

⁷⁸ Герберштейн С. Записки о московитских делах.— СПб., 1908.— С. 116.

башни размещались по углам крепости и в стенах. В центральной башне — «квадратной» или «проезжей» — устраивались мощные и хорошо защищенные ворота. По форме башни были разные — квадратные в плане, шести- или восьмиугольные, «круглые», как их тогда называли. Все они, как правило, были двухъярусными с нижним и верхним боем, нередко с бруствером из досок над воротами, сделанным в виде открытого балкона.

В древней Руси ставили башни и вне крепостных стен города, на подступах к нему. Называли их вежами, от слова «ведать». В старинных летописных материалах часто встречаются и другие названия таких башен: повалуши, стрельницы, костры, столпы. А стояли они всегда на открытых, возвышенных местах, откуда был хороший обзор местности.

Из всех разнообразных форм боевых башен наиболее удачно соединила в себе практическую и художественные достоинства восьмигранная, а самым простым открытием такого восьмерика являлся штер, на вершине которого обычно ставилась дозорная вышка.

Образ шатровой крепостной башни с неприступно-суровым силуэтом был столплен для народа глубокого патристического смысла. В нем звучал торжественный мотив утверждения силы жизни, ее суровой красоты. Этот образ настолько укрепился в архитектурном мышлении народных зодчих, что был принесен ими и в культовое зодчество, сначала деревянное, а позже каменное. Именно в шатровых постройках России наиболее полно отражена самобытность архитектурных образов.

Многочисленные монастыри, возникшие на Руси после распространения христианства, строились тоже с расчетом на военную оборону. И немудрено: на протяжении многих столетий не знала русская земля покоя. Воинственные соседи, княжеские междуусобицы — все это дало жизнь русским селениям небезопасной даже и в глуши монастырских обита-

телей. В начале XII века игумен Даниил при описании деревянных монастырей говорит что они «городом сделаны». О неприступности монастырских укреплений свидетельствуют многие летописные источники. Несомненно, что деревянные крепостные сооружения из века в век совершенствовались, соотнося свою обороноспособность с достижениями военной техники.

Простота и конструктивная логика, цельность архитектурного образа, активное сочетание утилитарно-практической, конструктивной и архитектурно-художественной стороны — вот, пожалуй, лучшие и самые яркие черты всего русского деревянного зодчества, нашедшие блестящее воплощение в древних крепостных сооружениях.

Глава пятая

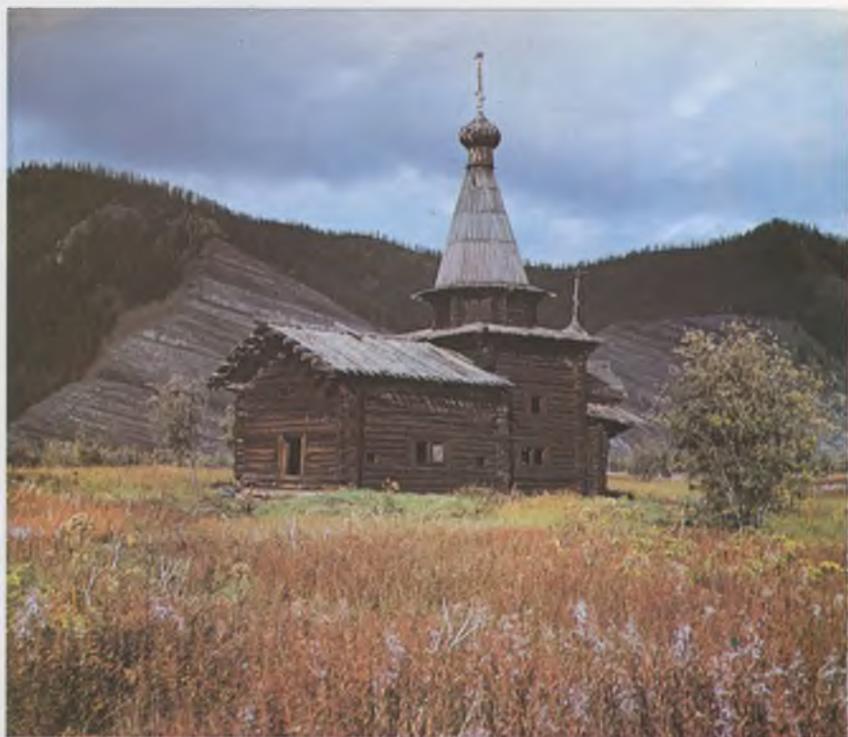
Сибирь

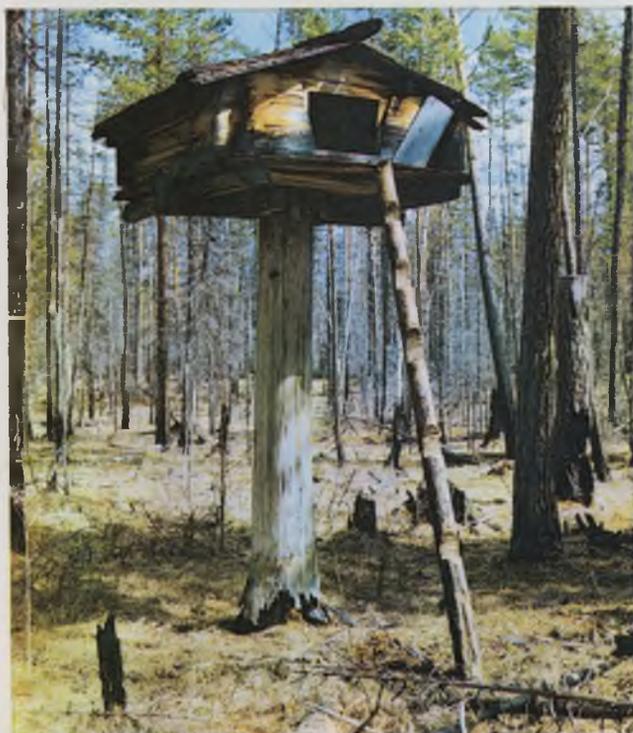
*Башня Братского
острога в Коломенском*

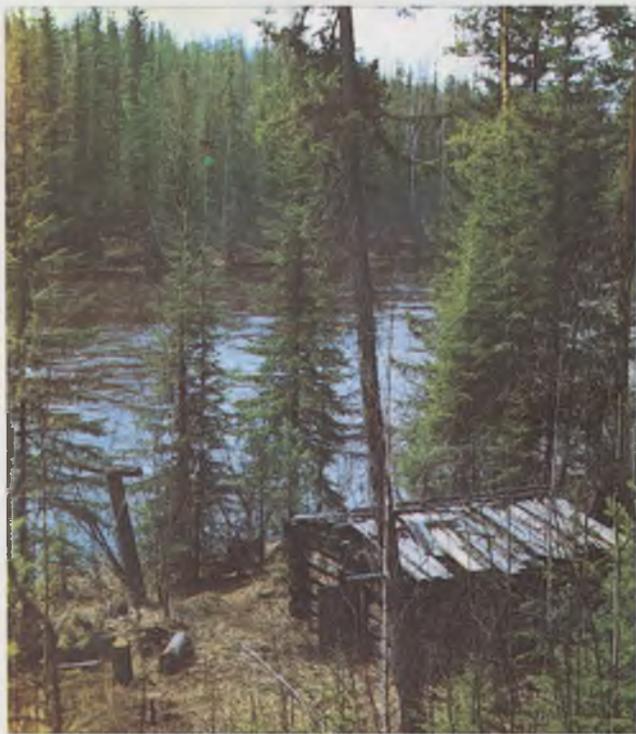
*Башня тойона
Пономарева в поселке
Майя Якутской АССР.
Фото
Е. А. Ополовниковой*

*Спасская церковь
Зашиверского острога.
Вид с юго-запада*

*Лабаз на реке Кате
Иркутской области*

*Охотничье зимовье на
реке Кате*

Баица тоёона
Пономарева. Макет-
реконструкция

Со второй половины XVI века невиданно расширяются границы Московского государства. Менее века понадобилось русским, чтобы выйти «за Камень» и дойти до берегов Тихого океана, распространив повсеместно на огромной территории свои селения. По берегам полноводных рек, на пересечении основных путей-дорог строили они зимовья, остроги, избы и церкви. Преодолевая глухие таежные леса, болотистые топи, горные перевалы, бурные пороги, шли

Амбар в алазе Биекинэ
Якутской АССР

казаки и служилые люди «встретив солнцу» в «неведомые доселе земли» приумножая славу земли Русской.

Первыми постройками русских в Сибири были зимовья. О них постоянно упоминается в книгах Сибирского Приказа XVII века; об их большом количестве пишет и Н. Спафарий, первый посол России в Китае⁷⁹. Некоторые зимовья приобретали важное военное значение, быстро укреплялись и превращались в крупные остроги, а остроги — в города. Так было с зимовьем на Илим, срубленным в 1630 году и ставшем вскоре центром Илимского воеводства; так произошло и с зимовьями на остроге Дьячем при впадении Иркуты в Ангару, сооруженными в 1654 году, на месте которых возник один из самых больших городов Сибири — Иркутск; так было и с острогами «Ковымскими» (Колымскими) зимовьями: Верхним, Нижним и Средним, переросшими впоследствии если не в города, как Средне-Колымск, то в крупные населенные пункты.

Зимовье — острог — город — такая трехъядерная структура пространственного освоения Сибири. Мы говорим не о городе и даже не об области, а о гигантской территории, в несколько раз превосходящей по своим размерам тогдашнюю Россию. Именно этот территориально-географический аспект предопределяющий оптимальный выбор места и расположения нового поселения остается и поныне одним из сложнейших в проблеме освоения Сибири и вместе с тем один из интереснейших в истории развития всей России, раскрывающий широту мышления русского человека. «гиб ума русского» (В. Белинский).

К концу XVII века уже вся Сибирь была покрыта сетью разветвленных русских поселений. Вот где истинный градостроительный талант, вот где умение подчинить себе пространство, какому угодно, и каковы его потребности!

Итак, зимовье — самый древний тип русской постройки в Сибири. В своем

⁷⁹ См. Арсеньев Ю. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русским посланником Николаем Спафарием в 1675 году. — Сиб., 1900.

Алас Кельбэз Якутской АССР

простейшем виде оно представляло собой курную избу с плоской крышей, низкой дверью в сруб, волоковыми окнами. Иногда дверь делалась сверху, на крыше, являясь одновременно и дымоходным отверстием. Это было удобно в условиях многоснежных сибирских зим — не требовалась постоянная расчистка снега у входа. Такое зимовье было вначале построено Иваном Галкиным в 1631 году на реке Лене близ устья Куты. А позже на месте этого зимовья вырос усть-Кутский острог как укрепленный точечный пункт на знаменитом некогда Ленском волоке.

Сибирские зимовья в большинстве своем были не просто жилыми, но и оборонительными сооружениями. Еще в начале XX века К. Д. Носилов на месте Ляпинского острога (река Ляпин — приток Иртыша) обнаружил срубы «с двойными потолками и отверстиями для стрельбы»⁸⁰.

Иван Ребров — первооткрыватель реки Яны, а потом Алазеи (междуречье Илцигирки и Колымы) — в одной из своих «отписок» в Якутск сообщал, что «на

Янге реке зимовье и с нагородней поставил»⁸¹. Нагородней назывался маленький сруб на крыше зимовья, нечто вроде смотровой вышки с выходом на крышу. Такие зимовья на северо-востоке Сибири, в Якутии например, получили название «казачьих крепостей» или «казачьих башен». Такая крепость, сооруженная Герасимом Анкундиновым, была первой русской постройкой в Средне-Колымске. Она сохранялась до конца прошлого столетия. Фотография «казачьей крепости» Герасима Анкундинова находится в Средне-Колымском краеведческом музее.

Подобного рода постройки сохранились до сего времени на территории Якутии, в частности, в центральных ее районах. Это так называемые осадные амбары, исконно русские сооружения, возникшие в России и позже возрожденные в Якутии.

Основной отличительный признак такого амбара — наличие бойниц в стенах, а его функциональная роль — служить временным укрытием, где можно в трудную минуту надежно спрятаться и «отси-

⁸⁰ Носилов К. Д. По следам князя Курбского. У истоков. Очерки и наброски. — М., 1906. — С. 213. Цит. по изданию: Баландин С. Н. Оборонная архитектура Сиби-

ри в XVII веке // Города Сибири. — Новосибирск, 1974. — С. 9.

⁸¹ Якутия в XVII веке. — Якутск, 1953. — С. 29.

Амбар в аласе Кельбэ.
Главный фасад

Амбар в аласе Тангха
Иркутской АССР. Фото
г. А. Ополовниковой

даться», скрываясь от своих беспокойных соседей. В мирное время, которое, к слову сказать, для многих осадных амбаров таковым и оставалось на протяжении всего периода существования, их использовали для самых разных нужд, в том числе для сна в летнее время. Все эти сооружения (из сохранившихся) вне зависимости от места строительства возведены не ранее последней четверти XVIII века, а большинство и намного позже — вплоть до половины XIX века,

Амбар в аласе Кельбэ

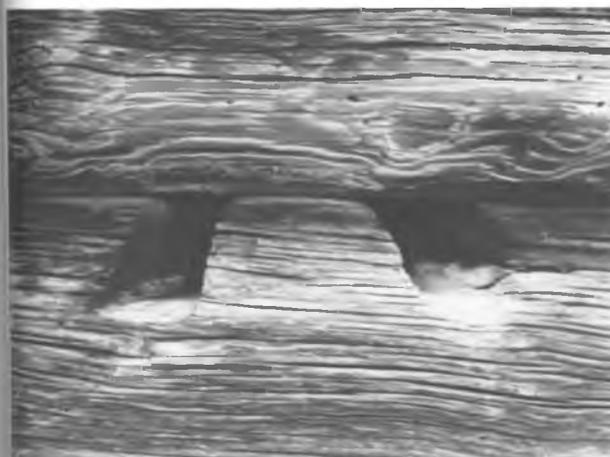
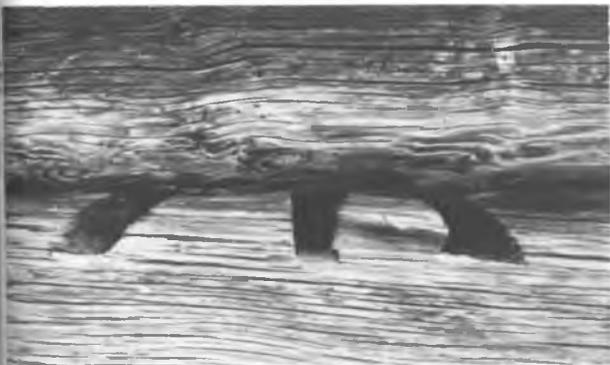
но строго по образу и подобию своих древних собратьев.

Самый известный среди них — амбар тойона (князька) Пономарева, построенный на правом берегу реки Лены, близ реки Солы на территории нынешнего Мегино-Кангаласского района. Сейчас он стоит на территории краеведческого музея в райцентре Майя. Постройку нередко называют не амбаром, а башней, причем, как и множество других, ей подобных (вспомним «казачью башню» в Средне-Колымске). Тем самым еще раз подчеркивается генетическая связь осадных амбаров с первыми русскими постройками в Сибири, а вслед за тем — и с древнерусским деревянным зодчеством.

Башня Пономарева представляет собой невысокий прямоугольный сруб, завершенный обломом, под четырехскатной крышей-колпаком, похожей на пологий шатер. Криволинейные очертания рубленой «в режь» конструкции шатра заставляют вспомнить сруб главы Никольской церкви в Лявле, барабан над шатром памятника в Белой Слуде, вогнутые очертания высоких скатов кровли Спасо-Преображенской церкви из села Спас-Вежи. Добавим, что почти такая же по форме башня стояла когда-то в Анюйской крепости (Анюй — правый нижний приток Колымы).

По всем четырем сторонам башни, словно глазницы, размещены узкие бой-

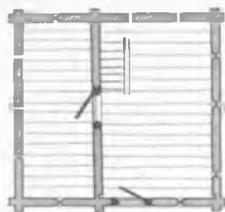
*Амбар в аласе Кельбэ.
Бойници*

*Амбар в аласе Тангха.
Окно. Фото
Е. А. Ополовниковой*

*Амбар в аласе Ытык-
Кюель. Бойници. Фото
Е. А. Ополовниковой*

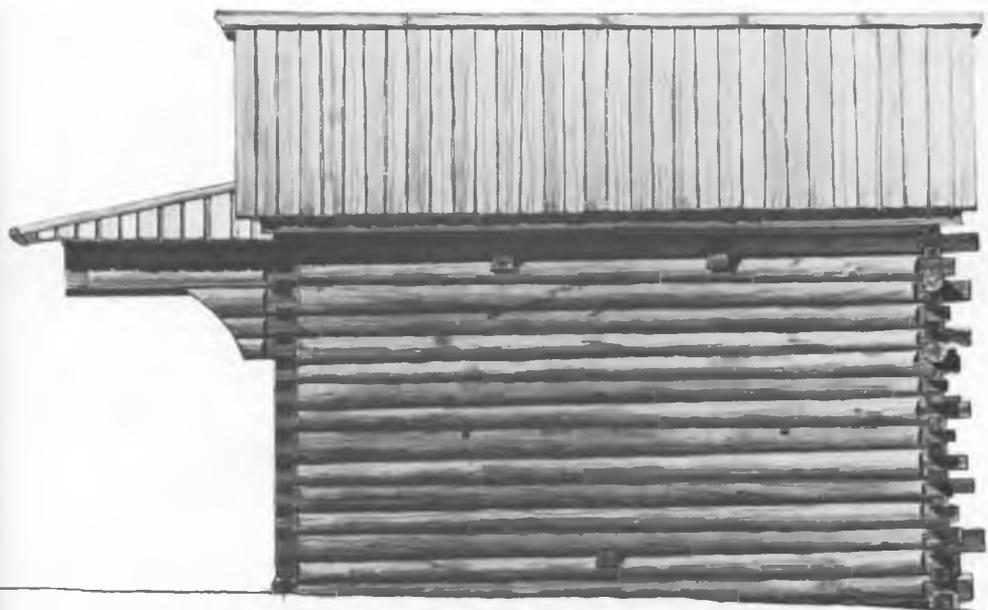
*Амбар в аласе Биекинэ.
Бойници*

*Башия тойона
Пономарева. Разрез.
Реконструкция*

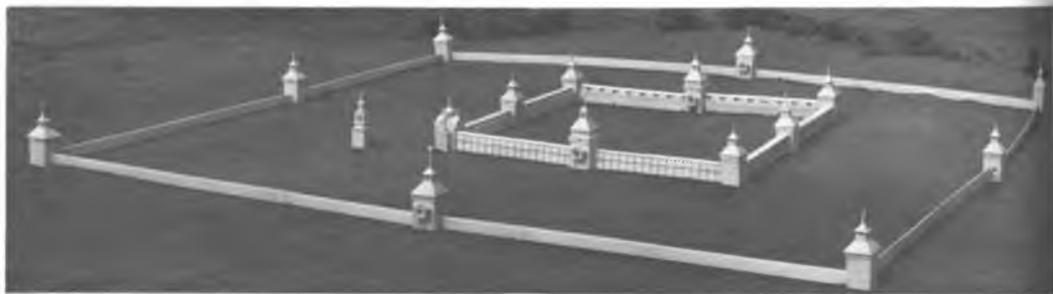
*Башия тойона
Пономарева. План.
Реконструкция*

Амбар в алае Кельбэ.
Боковой фасад.
Реконструкция

Амбар в алае Кельбэ.
Разрез. Реконструкция

Макет Якутского острога, сделанный из мамонтовой кости. Автор Т. В. Ажмосов

ницы. Здесь их шестьдесят восемь! Ни на одной из известных нам крепостных построек такого числа бойниц нет, да и размещали их обычно только на внешних сторонах башен, обращенных к подступам острога или города. Круговое размещение бойниц роднит башню Пономарева с древнерусскими сторожевыми «вежами». Она, по сути дела, являлась настоящей крепостью, некогда мощной и грозной, способной противостоять врагу.

В отличие от пономаревской башни, которую смело можно назвать уникальной постройкой, на территории Якутии

сохранилось немало других, гораздо более распространенных типов осадных амбаров-крепостей. Например, амбары с бойницами и плоской крышей. Они бывали двух разновидностей: со смотровыми вышками наверху и без них. Имели такие амбары более всего наподобие нам русские зимовья в Сибири — простейшие сооружения, предназначенные для жилья, но «на всякий случай» — с бойницами.

Среди осадных амбаров было немало двухэтажных построек. Второй этаж обычно делался шире первого — неким

Остатки Якутского острога в начале XX в.

Башня Якутского
острога после
реставрации. Фото
Е. А. Оповниковой

*Башня Якутского
острова. Балкон-часовня.
Реконструкция*

*Башня Якутского
острога. Разрез.
Реконструкция*

Баня Братского
острога в Коломенском.
Часть кровли

видоизмененное подобие кругового облама. Кровля нередко бывала двухскатной, довольно пологой или плоской, земляной. Самое удивительное, что земляные кровли встречаются и двухскатные, с теми же «потоками» и «курицами», знакомыми нам по традиционным тесовым покрытиям, ставшими классическими в русском деревянном зодчестве.

Земляные кровли летом обычно прорастают травой. Тогда при взгляде на сооружение создается впечатление, что оно само по себе выросло из земли. Другими словами, постройка превращается в совершенно естественный элемент окружающего ландшафта.

Для срубных построек Якутии характерна та же образная и архитектурно-пространственная выразительность, что покоряет нас в памятниках архитектуры европейского Севера России. И немудрено, потому что истоки ее едины: правди-

вость художественных образов памятников народного зодчества, которая порождена его реалистической основой. Что же касается осадных амбаров на территории Якутии, то, сохранившиеся в природе без изменений и чуждых им позднейших наслоений, они помогают проследить устойчивость и развитие архитектурных форм и конструктивных приемов древнерусских построек в специфических климатических условиях Сибири.

Получить наглядное представление о древнерусских крепостях, хотя бы частичное, мы можем теперь только по остаткам сибирских деревянных острогов: в Якутске, Илимске, Братске и Бельске.

Вершиной сибирского крепостного зодчества по праву можно назвать Якутский острог, который был одним из самых крупных в Сибири. Да и сам

Якутск в XVII—XVIII веках являлся важнейшим торгово-административным центром северо-востока Сибири и своеобразным отправным пунктом, откуда начинались знаменитые походы русских землепроходцев, открывавших новые земли. Здесь был сформирован отряд Семена Дежнева, обогнувшего в 1648 году азиатский материк с севера, через пролив, названный впоследствии Беринговым; отсюда уходил отряд Владимира Атласова, открывшего в конце XVII века Камчатку. Из Якутска же вышел Василий Поярков (1643—1646 гг.), разделивший честь открытия реки Амур с Ерофеем Хабаровым (1649—1653 гг.), снаряжавший свои отряды в том же городе.

К середине XVIII века в Якутске было около трехсот дворов—немалая цифра для сибирского города. Дома были деревянные, одноэтажные, с небольшими окнами. Острог окружали два ряда бревенчатых стен. Внутренний ряд стен был покрыт кровлей на два ската; снаружи над ней нависал облом, а с тыльной стороны была галерея. По углам и посередине каждого из четырех прясел сте-

ны высились башни в несколько этажей. Вся эта деревянная крепость на расстоянии ружейного выстрела была обнесена еще одной стеной, представляющей собой частокол или палисад, также укрепленный по углам и в середине прясел высокими башнями с несколькими рядами боя (этажами).

Таким образом, создавалась величественная композиция из шестнадцати башен, нескольких церквей, административных, хозяйственных и жилых построек, соответствовавшая назначению Якутска как крупнейшего административного центра бескрайней восточно-сибирской земли.

К 30-м годам XVIII века стены крепости начали заметно разваливаться, от острога оставалась только проездная башня, рядом с которой стояли пушки столетней давности. Эта башня и дошла до наших дней. Ее рубленый «в лапу» массивный сруб, круговой облом, шатер, уложенный «костром» («в режь»), навесные часовни над входом, двери на деревянных пятах, сторожевая вышка наверху—весь этот перечень архитектурно-пространственных и конструктивных

Остатки Илимского острога с проездной башней и Казанской церковью

Село Бельское Иркутской области. Вид с острожной горы

приемов характерен для всего русского крепостного деревянного зодчества. (В 1981 году башня была реставрирована по проекту и под руководством автора.)

Почти в два раза меньше, чем в Якутске, башни Братского острога. Их две. Одна стоит на территории Музея деревянного зодчества, другая перевезена в музей «Коломенское» в Москве. Обе они приземисты, чуть грубоваты, без дозорных вышек наверху. Но самое примечательное в том, что их нижние этажи были жилыми.

Первоначальный интерьер одной из башен, стоящей теперь в Коломенском, восстановлен. Это — традиционная, небольшая по своим размерам изба, отапливаемая по-черному. Над печью, в боковой стене, прорезано окно для выхода дыма. В нижней части противоположной от двери стены — три оконца, причем среднее чуть приподнято по отношению к боковым. Так же размещались в старину волоковые окна в русских избах и так же — по центру и чуть приподнято —

располагалось «красное» окно в древних деревянных церквях.

По своим размерам, конструктивным и бытовым особенностям башня представляет собой редчайший образец северорусского типа черной, или курной избы, широко распространенной в России XVII века. Этот тип и был привнесен служилыми людьми Московского государства на вновь заселяемые ими земли.

Не только в Братске, но и в других городах и острогах Сибири крепостные башни нередко рубили так, чтобы первые их этажи использовать под жилье или для хозяйственных нужд. В Иркутске, например, под башнями было три избы, в которых жили холостые казаки; здесь же в проездной башне был устроен казенный амбар. Такое многофункциональное использование построек — явление, довольно распространенное в крепостном зодчестве России. Вспомним боковые складские помещения башни Николо-Корельского монастыря или

якутские осадные амбары, построенные по типу казачьих зимовий.

Многие башни выполняли функции и культовых сооружений. Так, в Спасской башне Илимского острога на обоих ее балконах находились часовни. Одна из них, расположенная с внешней стороны крепости, была увенчана бочкой с луковичной главой и крестом; другая, внутренняя, была сделана проще: покрытие ее на два ската с небольшим охлупнем по центру не имело украшений. Вход в часовни был с внутренней стороны крепости. По своему внешнему облику, да и по назначению, часовни напоминали обшарпанные: во время боя нижние доски их пола вынимались, и на врага кроме ружейных выстрелов обрушивались камни, выливалась горячая смола и т. п.

Навесные часовни обычно устраивали на главных проездных башнях. Тем самым усиливалась архитектурно-художественная роль ведущих композиционных звеньев крепости и одновременно повышалась их обороноспособность. Увеченные двуглавым орлом с распрямленными крыльями, насыщенные дополнительными объемами, монументальные строения по характеру, башни эти производили впечатление большой эмоциональной силы.

Не менее выразительны, надо полагать, были и церкви, возвышавшиеся над крепостными постройками. Однако древние церкви Братска и Илимска, как и большинства других сибирских городов, до нас не дошли. Но в Илимске, за пределами крепости, неподалеку от Спасской башни до недавнего времени стояла небольшая, полуразрушенная часовня Казанской Божьей Матери, построенная в 1679 году. Она неоднократно реставрировалась, но остов ее центральной части сохранился без изменений. Это и представляет для нас особый интерес: его сруб постепенно расширяется сверху так, что исходная точка полового изящного повала опущена примерно на две трети его высоты. Эта замечательная конструктивная особенность, столь редкая ныне, роднит сибирскую

постройку с древнейшими памятниками России. Этот же мотив, лишь немного измененный, есть и в культовых памятниках прионежской школы с их двойным расширением восьмерика. Трансформированный со временем, этот прием блестяще был использован русскими мастерами при создании шедевра народного зодчества — Успенской церкви в Кондопоге.

По своим размерам Илимская крепость была больше Братской. В ней было восемь башен, из которых две были проездными, а в Братске — всего четыре башни.

Село Бельское. Башня Бельского острога

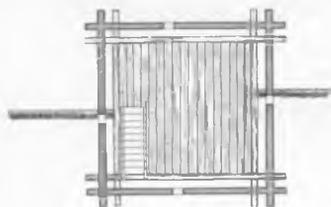
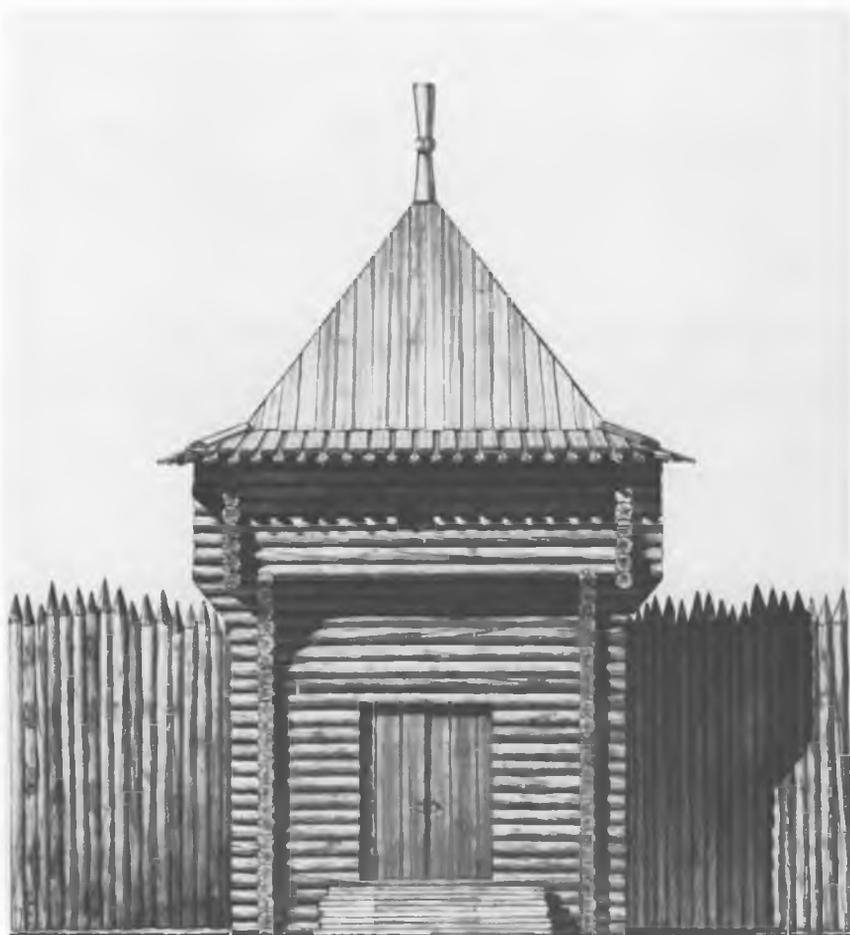

*Башня Бельского
острога. Главный фасад.
Реконструкция*

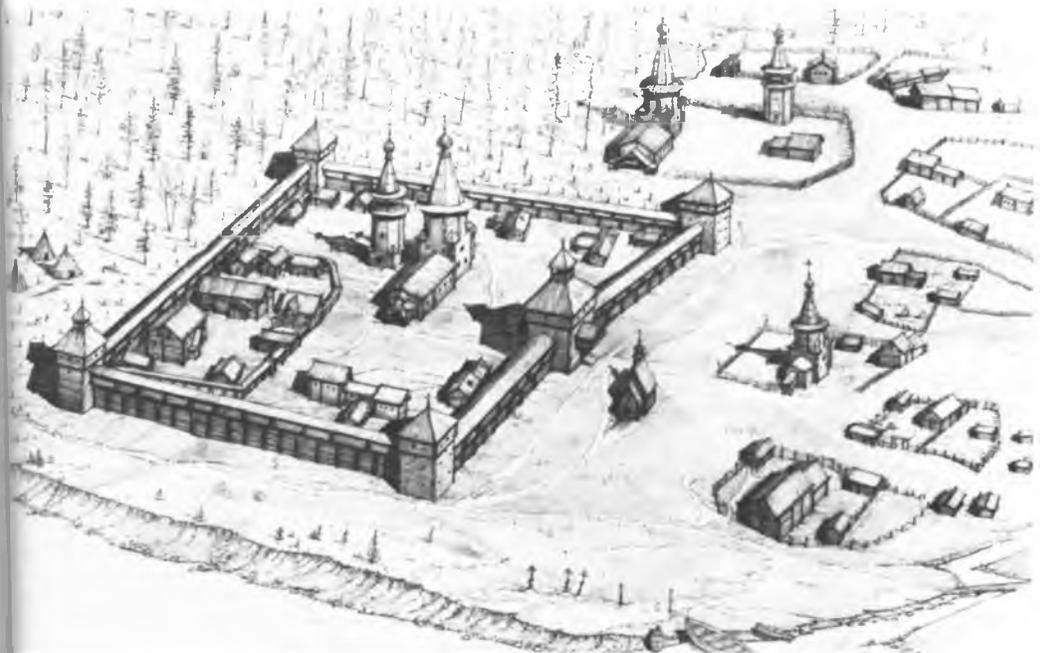

*Башня Бельского
ostroga. Разрез.
Реконструкция*

*Юльский острог на реке
Казым. Входная башня.
Главный фасад и план.*

*Реконструкция в
соавторстве с
Н. П. Крадиным*

Реконструкция Мангазеи

Если одним из крупнейших острогов Сибири был Якутский (16 башен), то самым малым или, по крайней мере, одним из наименьших можно считать Юльский острог на реке Казым в Ханты-Мансийском национальном округе. Здесь было всего две башни, через которые проходила сквозная дорога, так называемый «большой зимник», соединяющий верховья реки Казым с Березовым. Одна из башен (северная) контролировала подходы со стороны зимника, другая (южная) — со стороны реки. Кроме караульной острог нес еще ясачную службу: был местом сбора «мягкой рухляди» от «самояди».

Юльский острог — типичный пример малой сторожевой крепости. И расположение его типично: на мысу, при слиянии двух рек, там, где находилось довольно крупное стойбище хантов, в центре огромной, заболоченной территории.

Остатки двух башен сохранялись на

месте острога вплоть до середины 70-х годов нашего столетия. Северная башня — главный въезд с зимника — была несколько больших размеров в сравнении с южной. Ворота у башен были только с внешней стороны. Створки их, рубленные топором и связанные шпонками, крепились на деревянных пятах. Приземистые, без дозорных вышек, башни по своему архитектурно-художественному облику напоминали башни Братского острога. В конструк-

Реконструкция Алазейского острога. При участии Е. А. Ополюшиковой

Спаская церковь
Защиверского острога.
Вид с юга

Спаская церковь
Защиверского острога.
Алтарный прируб

Церковь в Шатобье. Вид с
юго-запада. Фото
Е. А. Ополовниковой

тивном отношении они были схожи со всеми другими русскими крепостными постройками.

На створке северных ворот вырезаны изображения людей с луками в руках, нарты и надпись: «От города Березова до Юильского города 236». По видимому, из далеких северных селений шли в Юильск, а потом в Березов, до которого, судя по надписи, оставалось 236 верст. Вполне вероятно, что сюда был путь по зимнику и из самой Мангазеи. Для масштабов Сибири — ничего удивительного, так как протяженность его — около 750 километров — была бы по меньшей мере раза в два короче Колымо-Якутского тракта, о существовании которого хорошо известно и какой являлся отнюдь не малолюдной дорогой с одиночными ездоками. К тому же зимний путь из Мангазеи в Юильск был, надо полагать, легче, чем из Якутска в Средне-Колымск. Испещренный горами и «хрептами» рельеф северо-востока Сибири создает немалые трудности при передвижении. В то же время западно-сибирские земли, как известно, равнинные. Основную опасность в пути представляли собой метели, частые, впрочем, не только в Западной, но и в Восточной Сибири, тем более в приполярных и заполярных районах.

Зимой — морозы и метели, летом — парящие над землей облака комаров и

мошкеры, на западе — без конца и края болота, на востоке — теснящие друг друга озера, озёрки, реки и речушки, да к тому же и вечномёрзлые грунты — таковы неприменные атрибуты сибирского севера. Жизнь здесь даже в наше время нелегка. Тем более диву даешься, когда представляешь себе большие рубленые города в заполярных районах Сибири, построенные много веков назад. Понистине безграничны силы человеческие!

Одним из первых русских городов Сибири была «златокопящая» Мангазея, построенная в низовьях реки Таз в 1601 году. Слава этого заполярного города была столь велика, что современники называли его «вторым Багдадом», а позже, в литературе XX века, он был назван «соборным Клондайком».

Возникшая на месте городка поморских промысловиков Мангазея в течение нескольких десятилетий была центром большой территории. Вокруг деревянного города-крепости было основано дополнительно около двух десятков ясачных зимовий, в которых находились небольшие стрелецкие гарнизоны и таможенные заставы. Помимо них создавались и «отъезжие караулы». Словом, скрыться от всевидящего ока Российского государства было некуда.

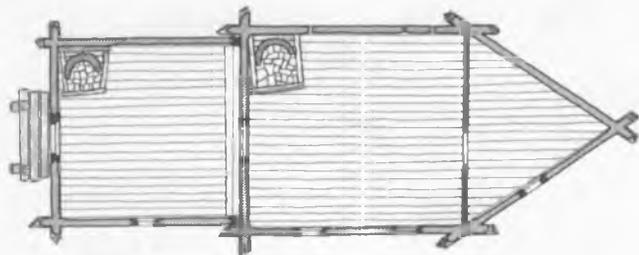
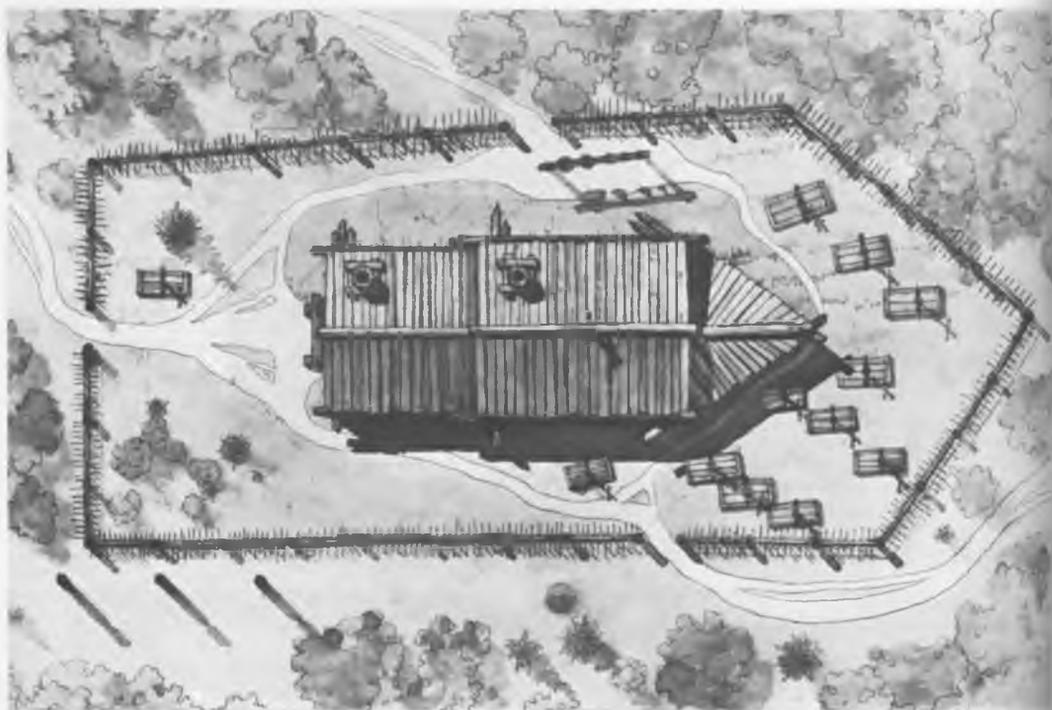
Часовня близ села Горбачиха Архангельской области. Восточный фасад. Фото Е. А. Ополовниковой

Часовня близ села Горбачиха. Западный фасад. Фото Е. А. Ополовниковой

Кладбище близ церкви в Шатабе. Фото Е. А. Ополовниковой

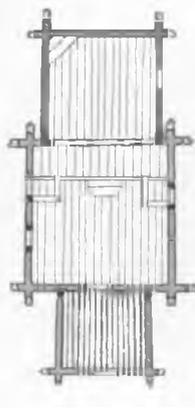
Церковь в Шатобе.
Генплан и план.
Реконструкция при
участии
Е. А. Ополовниковой

*Церковь в Шатобе.
Южный фасад.
Реконструкция при
участии
Е. А. Ополовниковой*

*Церковь в Шатобе.
Разрез, западный и
восточный фасады.*

*Реконструкция при
участии
Е. А. Ополовниковой*

*Часовня в местности
Станчик. План. Обмер*

*Часовня в местности
Станчик Якутской
АССР. Западный и
восточный фасады.
Обмеры*

Не только Юльск и Мангазея, но и многие другие сибирские остроги имели мысовой тип размещения — в месте слияния двух рек. Таковыми были Тюмень, Тобольск, Томск, Красноярск, а среди более мелких — Средне-Колымск, Алазейск и многие другие. Если с «напольной» стороны не было естественных преград, то она более всего укреплялась. Башни здесь делались нередко с двойными стенами. Такая башня стояла когда-то в Кемь, а на территории Якутии до сего времени сохранился осадный амбар с двойными рублеными стенами.

В больших острогах со стороны реки нередко делались «отрубы», то есть срубные подпорные стенки. В сочетании с возвышающимися над ними крепостными башнями и стенами эти сооружения имели весьма внушительный и монументальный вид. Впрочем, и в низменных местах, где нет крутых берегов, мысовое расположение крепостей всегда было очень эффектно в архитектурно-пространственном отношении. Даже если велика была крепость.

При слиянии двух рек — Алазеи и ее правого притока реки Буор-Юрэх (Долгая река) — стоял когда-то Алазейский острог, структурный узел в системе регионального освоения Колымо-Индигирского края со своей четко выраженной функцией. Возникший как свое-

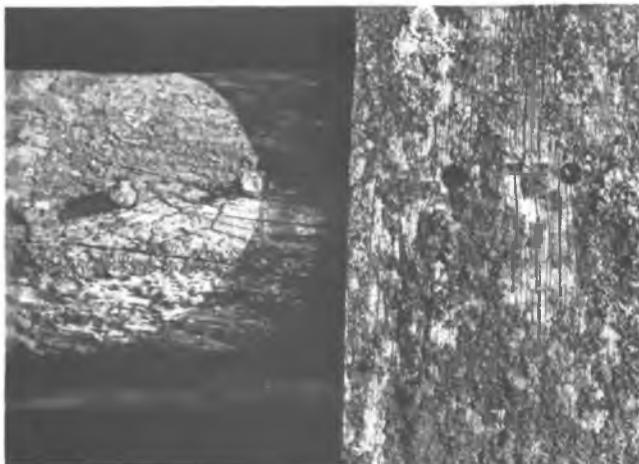
Часовня в местности Станчик. Вид с северо-запада

Часовня в местности Станчик. Западный фасад

Часовня в местности Станчик. Окно южного фасада

Часовня в местности Станчик. Деревянные «тычки»-шпонки на кровле

Ненецкое кладбище в низовьях реки Таз Тюменской области

образный центр «объясачивания» обширной «алазейской землицы», острог превратился и в перевалочный пункт на пути следования из Якутска на Колыму (через Яну и Индигирку).

Сведения о первостроителех Алазейского острога противоречивы. В одних источниках его основателем считают Дмитрия Ерило, в других — Михаила Стадухина, в третьих — Ивана Ерастова⁸². Но большинство из них все-таки сходятся на имени последнего. Во всяком случае в самом начале 40-х годов, до 1643 года, Иван Ерастов был на Алазее. Из его челобитной от 17 июля 1646 года видно, что он из алазейского острога весной 1643 года ушел вместе с Поспелкою Кузьминым «зимнею порою через гору... назад на Индигирскую реку»⁸³. Датой же основания Алазейского острога считается 1641 год.

Сухопутным путем на Алазею шли 3—4 недели «коньми» или нартами через Зашиверский острог на Индигирке, «а Собачья тож». Построенный в 1639 году острог на Индигирке, за ее порогами-шиверами, вскоре превратился в город,

⁸² См.: История Якутской АССР.—Т. II.—М., 1957.—С. 25 и 33; Бахрушин С. В. Научные труды.—Т. III.—М., 1955.—С. 83; Визе В. Ю. Моря Северной Арктики. Очерки по истории исследования.—Л., 1948.—С. 54; Открытия русских землепроходцев и полярных

который с 1783 по 1805 год был административным центром огромного Колымско-Индигирского края. Как страж возвышалась над опустевшим Зашиверском деревянная шатровая церковь, построенная в 1700 году. Чудом уцелела она здесь. И что замечательно—без всяких переделок!

Путь на Колыму из Алазейского острога был значительно легче, чем с Индигирки на Алазею. Он занимал всего одну-полторы недели. Первым на Колыме в 1540 году побывал служилый человек Селиванко Харитонов, но шел он к ней не сухим, а морским путем.

Из двух дорог на Колыму—по суше и по морю—в XVII веке предпочтение отдавали морскому пути. Он был забыт позже, в XVIII веке, когда под влиянием реформ Петра I стало угасать поморское судостроение. Но в XVII веке еще не заторможенная насильственными царскими указами русская удаль широко проявляла себя. Пример тому—плавание торговых и промышленных людей вдоль берегов Святого моря—Ледовитого океана, несмотря на великие трудности: «ветры с моря прижимные», «большие льды», постоянную угрозу замерзания в открытом море. «А в те заморские в Индигирские три зимовья, да в Алазейское, да в Ковымские в три зимовья из Якуцкого посылаютца служилые люди водяным путем на кочах до моря, и морем, буде Божию милостию море безо льду и ветры пособные, доходят в те зимовья однем летом, а буде море ледено и ветры противные и кочи разбивает, и до тех зимовей ходят годы по два и по три»⁸⁴.

Морским путем из устья Индигирки была открыта и река Алазея. В среднем ее течении, «на границе леса и тундры», был поставлен Алазейский острог. Он был неотъемлемым звеном в системе освоения края, без которого была бы невозможна организация его административно-хозяйственного управления.

От старых построек Алазейского острога на поверхности земли сохрани-

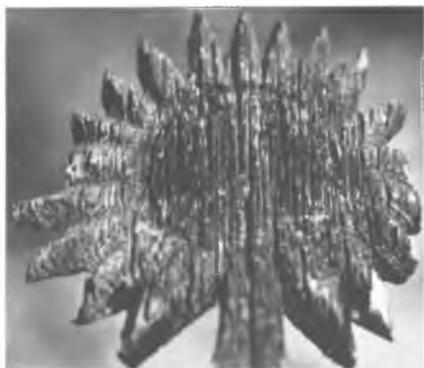
мореходов XVII века на северо-востоке Азии.—Сб. документов.—М., 1951.—С. 22.

⁸³ См. там же.

⁸⁴ ДАИ.—Т. VI.—СПб., 1857.—С. 407.

Захоронение на территории Якутской АССР

Детали захоронений на территории Якутской АССР

лось всего лишь несколько венцов бревен. Но по ним можно судить о внушительных масштабах некогда стоявших здесь сооружений. Бревна полуметрового диаметра! Откуда они здесь, в пустынном Заполярье, где в течение ста лет не вырастет дерева толще 10—15 сантиметров?

На месте острога явственно видны остатки тыновой стены, состоящей из вертикально поставленных бревен. Для прочности они укреплялись поперечными связями-брусцами, как это показано на графической реконструкции стены Плесской крепости. Главный вход в Алазейский острог располагался с западной стороны, а с восточной, обращенной к реке Буор-Юрэх, были неширокие ворота или калитка.

На высоком холме стояла деревянная церковь, позади нее — кладбище. Об архитектуре церкви, а точнее сказать, о типологической ее принадлежности мы можем судить по «Чертежной книге» С. Ремезова, в которой условным изображением Алазейского острога служит шатровая церковь, стоящая как бы позади крепостной башни⁸⁵. Судя по сохранившимся венцам, это была трехчастная постройка. Симметричное расположение главных объемов относительно продольной оси роднит алазейский памятник с маленькой церковью в местности Шатоба, тоже на Алазее, километрах в 40 от острога вверх по течению реки.

Церковь в Шатобе, как и Зашиверская, была срублена из лиственницы, прочного, почти не подверженного гниению дерева. Бревна памятника были крепки даже тогда, когда сам он был уже наполовину разрушен. Но и в полуразрушенном виде церковь в Шатобе представлялась нам величайшей находкой, тем более в 1980 году, когда, казалось, все памятники деревянного зодчества были уже известны.

И всего лишь годом позже на месте памятника мы бы застали только пепелище: в начале лета 1981 года он сгорел от лесного пожара.

Но так или иначе, вдали от людей, в

Церковь в селе Покровском Якутской АССР. Фото из архива Якутского музея

таежной глуши Якутского Заполярья, эта церковь долго простоять не могла бы. Поэтому для нас вполне утешительным является и тот факт, что памятник был детально исследован. Есть его обмеры, фотографии, выполнен проект реставрации. На основании этих материалов возможно воссоздание памятника, например, на территории проектируемого музея деревянного зодчества в Якутске.

Главная особенность пространственного построения церкви в Шатобе — треугольная форма алтаря. Такой прием рубки восточной стены нам известен лишь в одном культовом памятнике — Никольской часовне XIX века близ села Горбачиха на Кенозере. Это миниатюрное сооружение, общая длина которого составляет всего 3,25 м, а ширина —

⁸⁵ См.: Чертежная книга Сибири, составленная тольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1710 году. — Спб., 1882. — С. 19.

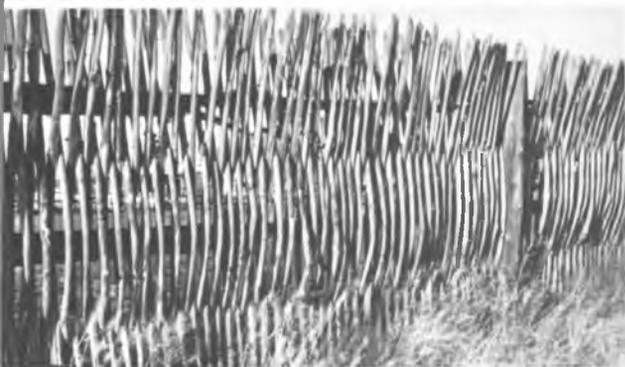
Различные типы оград на территории Якутской АССР. Фото Э. А. Ополонниковой

3,45 м. стоит в лесу у дороги. Планы обоих памятников напоминают очертания корабля. Подобного рода «кораблевые» планы, к которым относились трехчастные, симметричные относительно продольной оси памятники, имеющие самые разные формы алтарей — прямоугольные, пятистенные или трехстенные, двухчастные или даже трехчастные, распространились в России с конца XVII столетия как послереформенное церковное нововведение.

Церковь в Шатобе построена, по-видимому, в конце XVIII столетия. В ее архитектуре прослеживаются некоторые черты упрощения традиционных для древнерусского деревянного зодчества форм и вкрапление элементов, характерных для якутских народных построек. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на оконные и дверные проемы без наличников или на глинобитную печь-камелек.

Эта печь имела весьма своеобразную местную форму, напоминающую расширенную книзу трубу, установленную на полу и уходящую под потолок. Дрова в такую печь закладывались вертикально, а сама она после топки никогда не закрывалась заслонками.

Вместе с якутскими здесь было немало и традиционно русских архитектурно-конструктивных приемов строительства: рубленные «в обло» углы сруба, тесовая кровля с охлупнем наверху, массивные

балки-матицы, поддерживающие перекрытия, и т. п. Все это наводит на мысль, что церковь в Шатобе, в отличие от Зашиверской, строилась уже не русскими первопроходцами, а их потомками, местными жителями. О том же свидетельствует и история формирования алазейских поселений, состоявших к концу XVIII века из смешанного русско-якутского населения.

Для народного деревянного зодчества всегда была характерна композиционная свобода построек, асимметрия. Так же строили свои каменные церкви древние новгородцы. И та же непринужденность композиционных решений есть и в алазейской церкви. Очень живописно, например, размещены окна церкви. На южной стороне их три, а на северной нет совсем, лишь небольшие круглые отверстия в помещении самой церкви. Такое неравномерное распределение окон — не прихоть строителя, а обдуманый прием.

Церковь в Шатобе раньше стояла на кладбище. Оставшиеся на могилах кресты по-своему красивы и интересны. Сооруженные в конце XIX и даже в начале XX столетия, они несут в себе черты древнерусской культовой символики, привнесенные в глушь якутских земель.

Архитектура сибирских окраин России не отличалась тем разнообразием форм культовых построек, которые были характерны для европейских ее районов или хотя бы для крупных городов Сибири. Да и самих церквей здесь было немного. Так, на огромной территории Якутии к началу XX века было всего около 100 церквей (включая и каменные). Но малое число построек не означает их одинаковости. На северо-востоке Сибири строились и шатровые памятники деревянного зодчества (в Зашиверске, Туруханске), и клетские (в Шатобе, Жиганске), и кубоватые (в Якутске, Покровске).

Различные типы оград на территории Якутской АССР. Фото Э. А. Ополовниковой

Самый поздний по времени строительства кубоватый храм (из известных нам) — деревянная церковь в селе Покровском Якутской АССР. Она построена в конце XVIII века. Тут следует оговориться, что определение памятника как «поздний» в данном случае весьма относительно, потому что новые течения и веяния в архитектуре проникали в отдаленные края Сибири небыстро.

Церковь стояла на берегу Лены, в 80 км от Якутска. И хотя самого памятника давно уже нет, но можно получить о нем представление по фотографии из фондов Якутского краеведческого музея им. Е. М. Ярославского. Эта постройка не случайно привлекла наше внимание. Определяющим фактором здесь послужил ее тип, обусловивший и суть архитектурно-конструктивного построения церкви. Выявление этой сути вкюпе с архитектурными достопримечательностями расширит и конкретизирует наши представления о деревянном зодчестве северо-востока Сибири в целом и, в частности, об одном из ведущих его ответвлений — культовом строительстве.

Обладая конкретной типологической характеристикой, Покровская церковь имеет и множество самобытных, неповторимых черт, достаточно четко выраженных в его общей объемно-пространственной композиции и деталях.

Так, в отличие от большинства кубоватых храмов, основной объем которых составляет массивный четверик, Покровская церковь рублена «восьмериком на четверике», как большинство более древних шатровых храмов Русского Севера. В этом же ее сходство и с Зашиверским храмом — тоже русской постройкой на якутской земле.

Другая отличительная особенность архитектурно-пространственного построения церкви — невысокий восьмигранный куб ее основного объема с одной луковичной главой. Его форма предельно проста, даже, пожалуй, несколько примитивна, особенно в сравнении с замысловатыми очертаниями кубоватых завершений северорусских церквей. Впрочем,

эта простота форм, граничащая с примитивизмом, и есть та самая отличительная черта Покровской церкви, ставящая ее обособленно в цепи памятников древнерусского культового зодчества. Корни этого явления распознать несложно. Они вырастают прежде всего из общего упадка народного деревянного зодчества, начавшегося примерно с середины XVIII столетия.

Однако некоторое упрощение форм, наблюдаемое главным образом в завершении Покровской церкви, не характерно для ее объемного построения, более торжественного и сложного, чем, напри-

*Местность Танга
Якутской АССР. Мост
через ручей*

*Поселок Саатай
Якутской АССР. Мост
через ручей. Фото
Е. А. Ополониной*

Лабаз на реке Кате
Иркутской области

мер, Зашиверской церкви. Но в отличие от Зашиверского Покровский храм в XIX веке был изуродован. Однако и под тесовой обшивкой сохранилась нетронутой подлинная самобытная основа памятника—его выразительный архитектурно-пространственный образ и силуэт.

Нетронутым при поновлениях осталось и крыльцо церкви с традиционными для народного зодчества выпусками мощных бревен-кронштейнов.

Из описаний памятника, относящихся к началу XX века, видно, что в его интерьере наряду с характерными элементами древнерусской деревянной архитектуры присутствовали и совершенно ей чуждые. С одной стороны, построенная по древним традициям трапезная, «отделенная от храма капитальной стеною...» со скамьями вдоль стен, а с другой—новый иконостас, «представляющий собой «подобие рококо»».⁸⁶

К сожалению, фотография, которой мы располагаем, лишь частично раскрывает архитектурные особенности церкви, ограничивая наше представление о ее взаимосвязи с окружающей средой. Так, любое плоскостное изображение предмета, тем более памятника архитектуры, столь же далеко от его целостного восприятия, сколь портрет, выполненный даже большим мастером с чутким и тонким пониманием глубины образа, далек от самого человека, бесконечно многогранного в постоянной смене явлений. Можно, конечно, собственным воображением докомпоновать образ, нарисовать картину его сочленения с существующей или существовавшей действительностью. Но для этого надо хорошо знать предмет и уметь оценить—при частичной информации о нем—его значимость.

В причастии же к образному восприятию памятника архитектуры через частичную информацию о нем, это условие становится необходимым. Ведь фотография общего вида памятника, зафиксированного даже и в очень удачном для выявления его архитектуры ракурсе, дает о нем относительное представление,

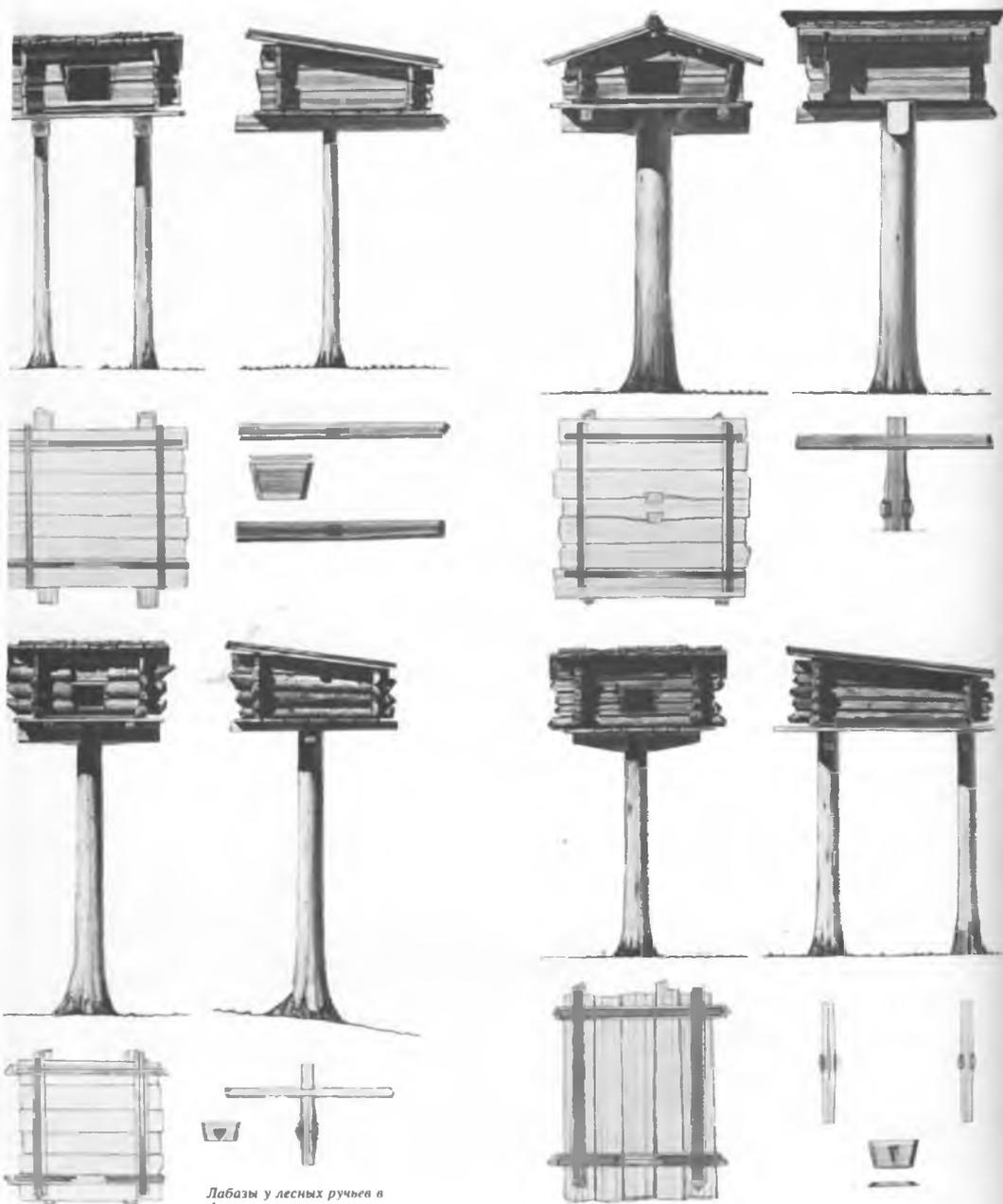

Лабаз в музее «Ангарская деревня» близ Братска

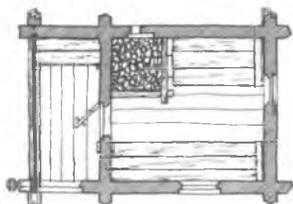
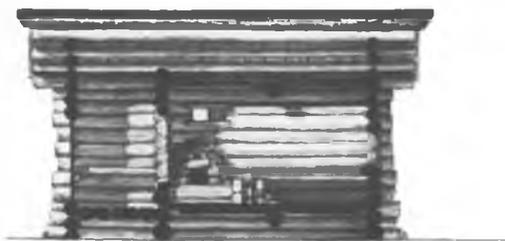
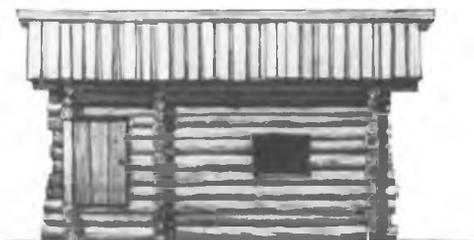

Лабаз на реке Ките Иркутской области

⁸⁶ Якутские епархиальные ведомости.— Якутск, 1903.— № 18.— С. 281.

Лабызы у лесных ручьев в Ангарском поречье.
Реконструкция

Охотничье зимовье в
урочище «Чирки».
Реконструкция

отничий лабаз на реке
звм Тюменской
ласти

отничий лабаз на реке
звм

отничьи лабазы на реке
звм. Детали

которое может быть или глубоким и ясным, или поверхностным и нечетким в зависимости от подготовленности зрителя к восприятию самого памятника, от понимания им сути его архитектурного образа и внутренней логики его формирования.

Строительство Покровской церкви было начато в 1782 году. Ее прообразом явилась Богородицкая церковь в Якутске, построенная чуть раньше Покровской.

Сравнивая степень соответствия своей типологической основе двух памятников — церкви в Покровске и в Шатобе (соответственно: кубоватая и клетская), нетрудно заметить, что в Покровской церкви характерные особенности древнерусского деревянного зодчества проступают несравнимо отчетливее, а черты якутского строительного искусства почти полностью отсутствуют, чего нельзя сказать о памятнике в Шатобе. Но тем не менее сам факт размещения церкви на якутской земле, вдали от России, явился причиной появления специфических особенностей решения ее отдельных частей и, главным образом, самого куба. Благодаря этим особенностям Покровская церковь приобретает свой неповторимый облик.

Русские строили в Сибири не только церкви, но и часовни. Одна из таких часовен сохранилась до наших дней.

Бурная в верхнем и среднем своем течении Индигирка становится ближе к устью неторопливой и спокойной, распадаясь на множество протоков. Чем ближе к морю, тем их становится все больше и больше, извивы их берегов все причудливее.

Ближайший к морю поселок в низовьях Индигирки — Полярный, или Русское Устье (по названию одной из крупнейших протоков). «И здесь среди унылой тундровой мокряды, по всем трем главным протокам дельты Индигирки размещались, нигде не подходя к морю ближе, чем на 50 км, одинокие заимки и поселки (в два-три и до восьми

жилых строений) «низовских индигирщинок» — русско-устынецов⁸⁷.

Охотничье зимовье на реке Хадьярке Тюменской области. Фото Е. А. Ополонниковой

Русские землепроходцы, в основном поморы с Русского Севера, люди, приспособленные к разным невзгодам и рискованным путешествиям, оседая в Сибири, постепенно приспосабливались к постоянной жизни на Севере. Здесь веками выработывалась культура, до мельчайших деталей «притертая» к местным условиям. Русские постепенно перенимали опыт аборигенов. Примерно с середины XVII века начинается дерусификация землепроходцев, их адаптация. С этого времени и формируется население, которое к XX веку считало себя не русскими, а «колымчанами», «индигирщиками», население, говорившее на архаичном русском языке, мало чем отличавшееся от коренных жителей по культуре. Черты русского быта из их жизни исчезли почти полностью. Оставалась лишь православная религия — да и та переплеталась с элементами шаманства и тотемизма, издревле бытующими в этих краях.

В одном из «низовских» селений, называемом Станчик, далеко за Полярным кругом, в тихом безлюдье болотистой топи стоит самая северная в стране деревянная часовня. Прimitивное и ма-

⁸⁷ Биркенгоф А. Потомки землепроходцев. — М. 1972. — С. 53.

деревня Аксинино
экутской области.
виды дома

лопримечательное на первый взгляд сооружение... Красота его образа сродни окружающей природе — не яркой, не видной поспешному взору, но магнетически привлекательной для того, кто не устрашится ее внешней суровости. И напоминает нам этот образ об извечном стремлении человека к прекрасному.

Можно предположить, что часовня в местности Станчик была построена в конце XVIII века. Как и большинство древних часовен, она не сохранилась в первоизданном виде. В более позднее время к ней с востока был пристроен алтарный прируб, превративший ее из часовни в церковь. А еще позже появились новые бревенчатые сени, заменившие старые, каркасно-тесовые, от которых только остались следы на стенах. Однако средняя ее часть, собственно часовня, построена в традициях древнерусского зодчества и сохранила в подлинном виде многие свои части и детали.

Часовня перекрыта, за исключением восточной, невысокой тесовой четырехскатной кровлей. В центре ее продольного ребра приземистый четырехгранный шатер с высоким, предельно простым деревянным крестом. Кровля над входом — сугубо якутская, плоская, сделанная из бревенчатого наката, по которому сверху насыпана земля. А вот окна по обеим сторонам подлинной части — как и на Русском Севере — косячатые.

Совершенно необычная деталь часовни — деревянные «тычки», или нагели, заменяющие обычные гвозди. Ими крепятся тесины кровли к стропилам. Тонкая и кропотливая подгонка круглых тычков к пазам свидетельствует о высоком уровне плотницкого мастерства. В плотницком деле гвозди — дело обычное, они есть везде и всюду. А вот «тычки»: нам приходилось их видеть только в Якутии, причем не только в северных, но и в центральных ее районах.

Деревня Аксиньино на реке Ангара. Часть застройки

евенские бани на реке
Ангаре

Архитектурное решение часовни, конечно, несколько эклектично, но удивительно своеобразно. Это — архитектурно-конструктивный конгломерат, в котором переплетены элементы русской и якутской архитектуры, древней и сравнительно новой.

Часовню, как и охотничьи избышки-зимовья, как лесные лабазы и простенькие баньки, как поскотины и околицы, можно отнести к тем архитектурным примитивам, в формах которых художественная функция архитектуры еще полностью подчиняется практическим потребностям и конструктивной целесооб-

идьба Говорина в
ее Подвельанка на
Ангаре

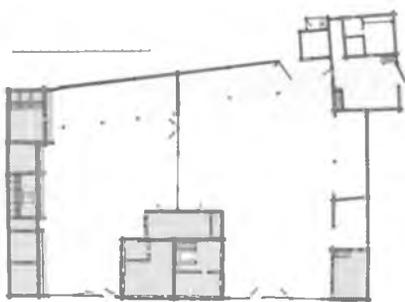
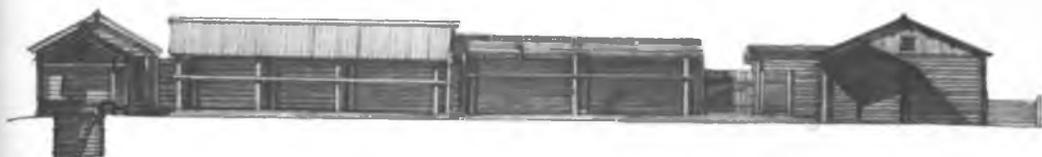
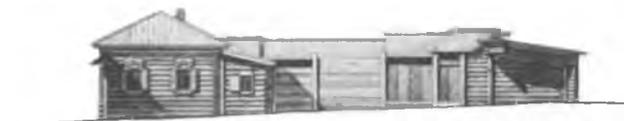

разности. Но чтобы лучше оценить достоинства этого памятника, надо принять во внимание и то, что стоит он в голой тундре, где нет и никогда не было ни одного дерева толще пальца и откуда до ближайших лесов по меньшей мере тысяча километров. Тогда упрощенность художественного образа памятника легко объясняется условиями времени и места.

Мало того — психологическое воздействие самого места, бесконечно далекого и пустынного, словно неземного, настолько сильно, что и предельно простая постройка предстанет здесь монументальным сооружением.

На севере Сибири, в западной и восточной ее части, еще сохранились кое-где старинные христианские захоронения. Некоторые из них принадлежат осевшему здесь русскому люду, но большая часть — местному. Однако и в тех, и в других заметны черты древнерусских надмогильных памятников. Да и сам обычай хоронить покойников в земле был привнесен на север Сибири из России.

До распространения православия местные «иноверцы» хоронили покойников в наземных сооружениях. Кладбищ как таковых при этом не существовало.

Усадьба Говорина в деревне Подъяланка.
Главный фасад.
Реконструкция

Усадьба Говорина в деревне Подъяланка.
Разрезы. Реконструкция

Усадьба Говорина в деревне Подъяланка.
План. Реконструкция

Ворота приангарской
усадьбы

Детали ворот
приангарской усадьбы

Необычны и мистически-таинственны христианские надмогильные сооружения на территории центральной Якутии. Построенные в конце XIX и даже в начале XX столетия, они хранят в себе чарующее обаяние древнерусской старины, далекого времени зарождения и распространения христианства на Руси. В повторяемости архитектурных образов и форм можно увидеть однородность истоков мышления людей разных национальностей, подхлотивших к осмыслению — по одной и той же схеме, через те же самые звенья религиозных символов — общечеловеческих задач жизни. И пусть это мышление нам ныне представляется наивным, но истоки его — живительны и чисты. Они неисчерпаемы, ибо в них — извечное стремление человека к Правде как к исходной, смысловой основе человеческого бытия. Путь к ней не легок и не прост. Он труден и тернист. Но только на этом пути встречает человек свое счастье. Послеловательно, шаг за шагом истории, он идет к нему.

В архитектурной символике народных построек всегда господствует жизнеутверждающее, светлое начало. Оно присуще образному строю даже надмогильных памятников. Его эмоциональное воздействие достигается умелым применением контрастирующих друг с другом деталей, создающих яркую архитектурно-пространственную композицию. Созвучие мотивов частей и целого, чувство пропорций и умеренная декоративность, ритм и динамичность свидетельствуют о том, что образные начала постройки были продиктованы не утилитарными соображениями, а эстетическими и философскими представлениями народа.

В сибирских деревянных крепостях, больших и малых церквях, в часовнях и хозяйственных постройках — везде проступают устойчивые черты древнерусского деревянного зодчества со всеми его многочисленными особенностями и региональными их ответвлениями. Образность картины общерусского быта дополняет и сибирское жилье.

К изначальному и наипростейшему

*Дом-комплекс в селе
Бельвоке Иркутской
области*

его типу относится зимовье, причем если первые подобного рода постройки русских в Сибири скорее можно назвать крепостными, а не жилыми, то о последующих, более поздних, этого не скажешь, потому что традиционное сибирское зимовье — лесная избушка — бытовала в Сибири чуть ли не до середины нашего столетия как основное сооружение охотничьего стана. Зимовьем в Сибири еще называют и теплую избу в крестьянской усадьбе, куда перебираются зимой из просторных горниц, в которых живут преимущественно только летом.

Но такое зимовье к первородному своему источнику — отдельно стоящей жилой ячейке — если и имеет, то очень косвенное отношение, сводимое в конечном итоге только к функциональному родству.

Охотничье зимовье — это маленькая, почти игрушечная, простейшая клеть под двухскатной крышей, с одним волоковым оконцем и небольшой дверью, которую точнее было бы назвать лазом. Более чем скромное внутреннее убран-

ство такого зимовья настолько разумно и просто организовано, что ничего не прибавишь и ничего не убавишь. Так, между входом и камельком в избушке укреплен широкая доска, которая служит одновременно и скамейкой, и столом. Здесь хозяин ест и пьет, правит шкурки, готовит снасти, чинит одежду и т. п.

Здесь же, почти на полу, он прячется от дыма камелька, который густой пеленой стелется поверху избушки. Отсюда же, через приоткрытую дверь, он видит окружающий мир и общается с внешней средой. А чтобы было удобнее сидеть и полнее наслаждаться отдыхом, у этого своеобразного кресла сделано даже подобие спинки: толстое, сильно выступающее бревно стены здесь очень аккуратно и, можно сказать, любовно стесано «в лас».

В своем первоначальном виде подобные постройки уже почти не встречаются, а если кое-где и уцелели, то изрядно переделаны. Сейчас охотники ими почти не пользуются. Потому что мало их осталось в русских лесах.

*Забайкальская
сибирская усадьба в Музее
деревянного зодчества
улиц Улан-Удэ*

Рядом с охотничьими избушками-зимовьями располагались обычно лабазы.

Судьба лабазов сложилась несколько иначе, чем избушек: их не приспособляли к новым нуждам, не переделывали и не ремонтировали, а просто бросили на произвол стихии за ненадобностью. Потому те из них, которые все-таки уцелели, сохранили свои подлинные формы гораздо лучше, чем избушки.

Простые лабазы мы вправе по совершенству архитектуры поставить в один ряд с прославленными на весь мир погостами и острогами, монументальными домами, мостами и мельницами. Это простейшее сооружение, призванное по самой своей природе не красоваться перед людьми, сделано так, что от него глаз не отвести.

Жилые постройки Сибири и европейской части России прочно связаны узами

генетического родства, общностью характера и единством архитектурного стиля, разумеется, если они сохранились в своем первоизданном или близком к нему виде.

Крестьянская усадьба или двор — это самый первичный архитектурно-пространственный элемент и основная единица застройки сибирской деревни. Нормально функционирующий двор составляют две части — жилье и комплекс подсобных хозяйственных крестьянских построек.

В длительном процессе становления крестьянского двора, обусловленного практической необходимостью, кристаллизовались и его архитектурно-художественные формы. С течением времени этот процесс привел к формированию устойчивых местных традиций, лежащих в едином русле трех основных измерений архитектуры: утилитарном, конструктивном и художественном.

Насколько широк диапазон местных традиций в архитектуре крестьянского двора (и насколько сами эти дворы не схожи между собой), можно судить на примере не только северорусских, но и сибирских деревень.

В Западной и Восточной Сибири типы крестьянских усадеб, имея ряд планировочных особенностей, всегда схожи в одном: все они совершенно обособлены и замкнуты. Здесь не встретишь громадных домов-комплексов, собравших под своей крышей многочисленные, разные по назначению постройки; домов, стоящих без заборов, у всех на виду, словно демонстрирующих свою открытость.

В Сибири народ осторожный, «приглядливый». И немудрено — ведь немало хаживало по ней «лихого люда». Потому обычны для сибирских крестьянских усадеб глухие, высокие заборы из массивных досок, забранные в еще более

Забайкальская усадьба.
Окна главного фасада

Забайкальская усадьба.
Окно

*Забайкальская усадьба.
Антверпер*

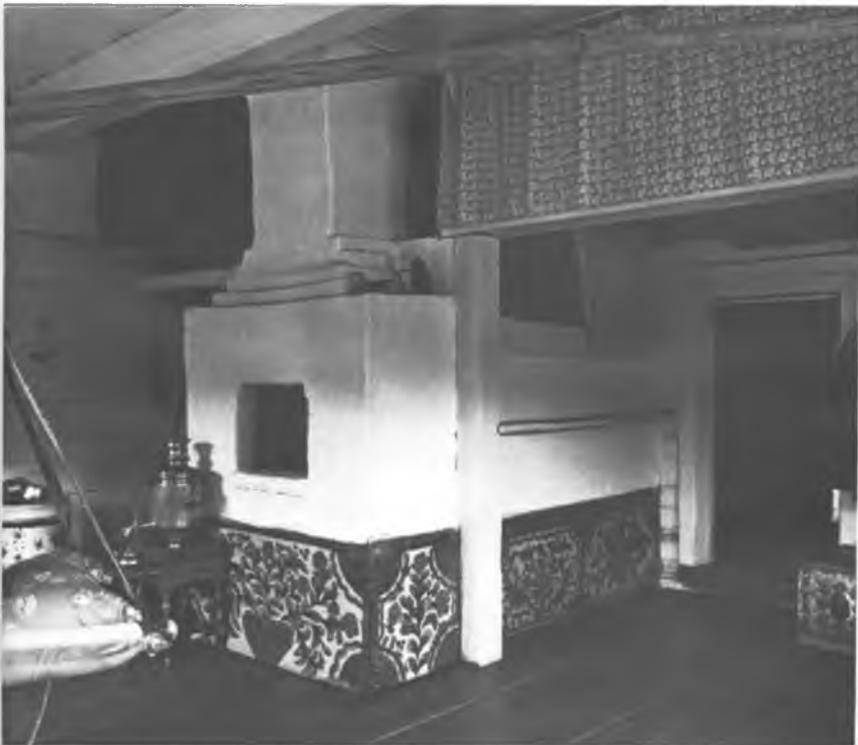
*Забайкальская усадьба.
Антверпер*

массивные столбы; прочные ворота; дома со ставнями, запирающимися на железные засовы; ряд плотно сдвинутых амбаров и других хозяйственных построек без единого оконца на улицу — неприступная бревенчатая стена, надежно отгораживающая весь внутренний двор. Таков образ сибирской усадьбы. Не усадьба, а целый форт, способный выдержать долгую осаду!

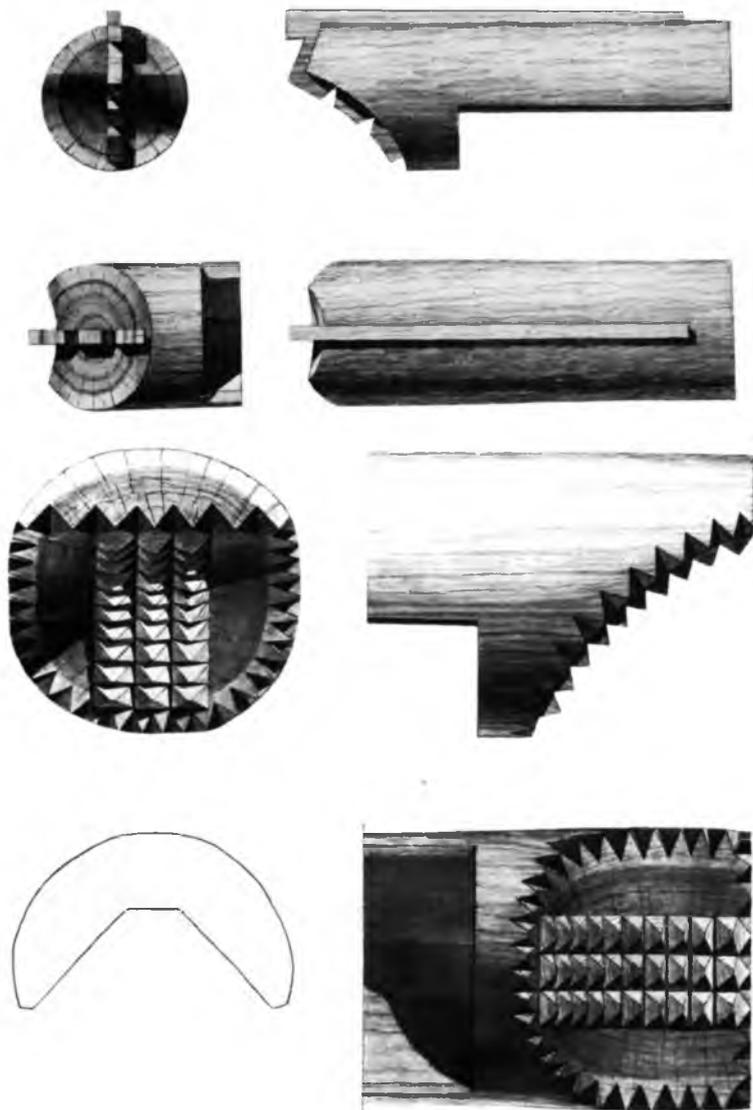
Первое время обширные просторы Сибири заселялись небольшими деревнями в один, два и более дворов. По описной книге воеводы Ф. Качанова 1699—1700 годов в Илимском воеводстве было 956 дворов и 281 селение. Однодворные деревни составляли 32% (86 селений), двухдворные — 28,2% (76 селений) и трехдворные — 14,1% (38 селений). Таким образом, преобладали мелкие дерев-

ни с одним — тремя дворами. Крупных поселений было немного. Среди них выделялись Илимск — 63 двора, Братский острог — 25 дворов, Шаманский погост — 27 дворов. Этот принцип расселения не был случайным. Он соответствовал всей политике пространственного освоения Сибири в конкретную эпоху. Подобным же образом осваивались и районы европейского севера России, где формирование поселений начиналось с разрозненного строительства одного, двух дворов.

Характерная планировочная особенность усадеб в Приангарье — два разных двора: один чистый, передний, другой хозяйственный, задний. Такие дворы нередко располагаются не в глубину усадьбы, а вдоль нее. На одном дворе находились амбары для зерна, разной снеди, одежды и сна в летнее время, крытый

Забайкальская усадьба.
Интерьер

Детали сибирских домов.
Обмер

ледник, сарай и навесы для сельскохозяйственного инвентаря и т. п., а на другом — обычно размещались конюшни, хлевы для разного скота с сеновалами, называемые по-местному «стайками», курятник и все другие подсобные помещения того же рода.

Постройки обоих дворов вытягивались обычно в разные по величине четырехугольники, которые замыкались с лицевой стороны избой, воротами, забором — «заплотом» и высокими торцами амбаров, зимовий или каких-либо других построек, закрепляющими один или оба внешних угла всей усадьбы. Типичным примером может служить двор-комплекс в деревне Подъеланка на Ангаре, принадлежащий С. Е. Говорину.

Уличный фасад усадьбы вытянулся вдоль высокой береговой террасы, образуя прекрасно сложенный архитектурный ансамбль длиной около 50 метров. Все сооружения ее настолько взаимоувязаны, что кажутся сросшимися.

В сибирских усадьбах всегда более выразителен передний двор. Таков он и в этом приангарском хозяйстве. Южная его стена с амбарами, насыщенная крупномасштабными деталями, выглядит на редкость пластичной.

А резной столб у одного из этих амбаров — произведение самобытного искусства, причем столь яркого, что его правомерно отнести к «русской деревянной классике».

Еще одна сибирская приангарская усадьба — дом Н. Н. Непомилуева в деревне Нижняя Шаманка — наглядный пример изменений традиционной формы под воздействием внешних условий при неизменной сути самой этой традиции.

Усадьба стояла на краю деревни, как островок. Сибирская тенденция к обособлению здесь, пожалуй, доведена до наибольшей степени.

Планировка этой усадьбы, сложившаяся в соответствии с особенностями

Деталь сибирского жилого дома

территории, где она расположилась, необычна. Да и место для нее выбрано непростое. Это клин между дорогой и обрывистым берегом реки. Дом нависает прямо над кручей.

Интересно, что довольно пышный резной декор сосредоточен только на лицевых фасадах приусадебных домов, а также и на тех небольших частях боковых фасадов, которые не мешают видеть с улицы глухие заплоты. Глянешь на такой дом с реки — один характер архитектуры, а с улицы — уже другой. То же можно сказать и о воротах: если смотреть на них со двора, то они радуют глаз простотой конструктивной формы, естественным и спокойным уравниванием деталей. Но стоит взглянуть на них с улицы — и впечатление резко меняется. Ремесленно-шаблонная пропильная резьба на них не отличается ни тонким художественным вкусом, ни мастерством, да и функционально она совершенно не оправдана.

Детали сибирских домов

Леса в Сибири было немало, самого различного, потому в строительстве использовали не одну какую-нибудь породу, а несколько, с тонким учетом свойств древесины того или иного сорта. На первые три венца строения обычно рубили лиственницу, которая не боится ни сырой земли, ни тающего снега. Вспомним построенные из нее церкви в Зашиверске или в Шатобе, бревна которых — это было выявлено при натурном исследовании памятников — фактически совсем не повреждены гнилью, хотя послужили немало.

Из лиственницы делали не только срубы, как в Якутии, или нижние их венцы, как в прибайкальских районах Сибири и в Приангарье, но и многие другие детали, соприкасающиеся с дождевой влагой или испарениями: потолоч-

ные матицы, желоба-водостоки, охлупни и коневые следи, воротные столбы. Из лиственницы строили бани и погребя.

Вслед за лиственничными бревнами укладывали сосновые. Из них в Приангарье, например, делали основную часть сруба, потому что сосна легче и «теплее» лиственницы. Из сосновых плах настилали также пол и потолок.

Из еловых кряжистых ветвей делали «курицы» на кровле, а саму кровлю покрывали пихтовым тесом.

На наличники окон и дверей, на отделку избы и на полотнища ворот кололи кедр — чистый и гладкий в обработке.

Пять разных сортов древесины на одну избы! Сейчас столь тщательный выбор материала может показаться рос-

кошью, а в былые времена для лесных районов России—это обычное явление. И на европейском Севере было так же: срубы укладывали из сосны, конструктивные детали кровель—из ели, серебрястые главки «верхов»—из осинового лемеха и т. п. В каждом районе свои правила, свои законы, обусловленные самой природой. Словом, характер и свойства дерева учитывались в строительстве. Потому и выглядят народные постройки естественно, живыми, потому и стоят они веками. Только две всепоглощающие стихии могли их разрушить: огонь и человек. Но в наше время от непредвиденного огня—молний—есть громоотводы; что же касается человека, то он сам все более осознает, сколь горестна для него утрата памятников старины.

Трудно человеку без корней своих. Как перекасти-поле, крутится он тогда по жизни, зависимый от любого дуновения ветерка. Потому и оберегает человек свои корни как залог жизненной устойчивости. Разветвления этих корней многообразны. Но основа их едина—культура предков, память ее, памятники культуры.

Заключение

У каждого народа, большого или малого, есть свои святыни, свои произведения великой художественной ценности. В лучших творениях поэтов, музыкантов, живописцев, зодчих народ утверждает свое национальное самосознание, выражает самого себя, осознает свое место и роль в историческом процессе. И эти же произведения — великий вклад народа в общечеловеческую культуру.

В ряду святынь русского народа колебимо стоят произведения народного деревянного зодчества.

Любовь к памятникам — одна из сторон нравственной характеристики человека, его связи с землей своей и народом. Она позволяет человеку ощущать себя наследником прошлого и сознавать свою ответственность перед будущим.

Деревянное народное зодчество для нас не просто драгоценное наследие, а один из животворных источников развития современной архитектуры.

Суть, конечно, не в подражательстве, а в творческом освоении самого духа русского деревянного зодчества, его глубинной основы и веками накопленного опыта народа.

В нем — мудрая простота и ясность архитектурных форм, практическая, функциональная оправданность всех деталей и приемов, органическое единство художественного и конструктивного начал, подлинная монументальность. Это не временные, преходящие, но вечные и неизменные принципы архитектурного искусства.

Современные архитекторы могут многому научиться у своих предшественников.

Трудная, но завидная судьба выпала на долю памятников русской народной архитектуры. Разрушающий бег времени, огни пожарищ и вражеские нашествия уничтожили сотни замечательных сооружений. Позднее многие из уцелевших были варварски искажены. И все-таки народное зодчество выдержало, выстояло, ибо нельзя уничтожить душу народа, его историю. Они живут в эпическом сказе древних былин и плаче Ярославны, удивительных ликах икон и фресок Феофана Грека и Андрея Рублева, в белокаменных соборах Владимиро-

Суздальской Руси и колокольным звоне Ростовского кремля, великолепии кижского Преображенья и Успенской церкви в Кондопоге. В старину русский человек не представлял себе Родины без золотистой рубленой избы, сторожевой башни под шатром, «чудного и дивного» храма. Радость и счастье в доме он связывал с красивым и светлым жилищем, безопасностью и воинскую доблесть — с несокрушимыми башнями крепостных стен, красоту и величие духа — со строгой возвышенностью образов монументальных памятников. Душа России — в этих народных строениях. Вместе с нею влетают они в неразрывную цепь событий и явлений русской жизни, в бесконечную цепь истории... Ни одно звено этой цепи — малое ли, большое ли — не может быть изъято или навсегда потеряно.

...Необъяснимо привлекательны памятники народного деревянного зодчества. Встанешь поодаль, смотришь, смотришь на памятник, отойти не можешь. Отойдешь и оглянешься. Еще отойдешь, еще оглянешься. Не быстрое расставание. Почему так? Трудно объяснить. Что-то свое, родное чувствуется в них, что-то издавна знакомое, доброе и теплое, как улыбка матери — пусть старенькой, сгорбленной, но самой родной, самой дорогой на свете. К ней пойдешь в радости, к ней пойдешь в горе — это частица тебя самого, частица твоей души.

А если силу притяжения памятников древнерусского деревянного зодчества попытаться объяснить более объективными причинами — не ощущениями, то ее следует характеризовать как единство архитектурно-художественных, конструктивно-технических и практически-бытовых задач, совокупность которых всегда исходяще, природно красива. Причем красота эта столь естественна, что порой словно и не заметна. Но потеря ее остро ощутима. Без нее нарушается внутреннее, духовное равновесие человека, исчезает видение гармонии жизни, ее целостности и глубинного смысла. Не всякий в состоянии осознать эту потерю, но все мы — вместе и порознь — хотя бы подсознательно реагируем на нее. Вступает в силу закон

прямых и обратных связей: материализуя в собственных творениях ощущение природной гармонии как истинного смысла жизни, человек, созерцая и осознывая ее потом, обогащает свою душу и вольно или невольно совершенствует свое земное бытие.

В книге мы сочли возможным отойти от упрощенного метода исследования памятников, которое сводилось, главным образом, к констатации их архитектурной формы и общей композиции, когда социальная и эстетическая сущность, содержание и природа деревянного зодчества оставались вне поля зрения исследователей.

Национальная принадлежность и самобытность памятников рассматривается нами не как нечто особенное и исключительное, а как характерное явление в истории развития любой народной культуры. Именно его в первую очередь мы и должны изучать, на нем сосредотачивать внимание и его стремится привнести в нашу современную жизнь, памятуя, впрочем, что не слепое подражание старым формам — наша цель, а воспроизведение образного видения мира былыми поколениями, вслед за которым должна последовать реализация их мудрых мыслей в наших условиях, на новом витке развития нашей общечеловеческой жизни. И чем больше, чем глубже познаем мы каждую национальную культуру — разумеется, не только русскую — тем более приближаемся к пониманию первооснов жизни, ее истинной красоты. Истоки мышления разных народов земли едины. Стало быть, и правда у нас одна: «Первое сотворена бысть правда богом в человецех»...

Единство исходной позиции человеческого мышления никим образом не исключает многообразия форм ее проявления и уж тем более не подводит к мысли о создании некой универсальной, внациональной культуры и определенного стереотипа поведения разных народов земли. Так же, как мы не хотим повсеместно видеть одинаковый природный или городской пейзаж (об этом и подумать-то страшно!), так и нивелирование самобытности национальных культур, соответствующих той или иной сре-

де обитания человека, в конечном итоге начинает нас удручать, превращая жизнь в убогое и безликое существование, в какие бы маски мы себя ни рьядили, какую бы роль ни пытались играть, какими бы стандартизированными новшествами так называемой цивилизации ни пытались бы усовершенствовать свой быт. Все это была бы лишь внешняя оболочка жизни, скрывающая пустоту ее содержания. Да и правомерно ли называть «цивилизованным» общество, лишенное основ своей культуры, оторванное от корней своего развития?

Еще раз подчеркнем, что понятие народности национальной архитектуры (в данном конкретном случае — русской) ни в коем случае нельзя упрощать, подменяя его механистическим соотношением с теми или иными творениями, построенными именно народом, не включая в это понятие другие слои общества и воспринимая его в рамках искусственного социального ограничения. Тогда и саму архитектуру правомерно трактовать как совокупность различных форм и конструкций, что, к сожалению, сейчас частенько и делается, без их философского осмысления, которое, собственно, и превращает архитектуру в искусство. Словом, чем объективнее отражена философия жизни всей нации в произведениях архитектуры, тем более народна и сама архитектура, вне зависимости от того, является ли ее творцом итальянский архитектор или русский плотник. Важно, какие идеалы красоты материализует он в образах архитектуры, какова глубинная суть, духовное богатство этих образов.

Эта исходная позиция составляет основу анализа историко-художественной ценности той или иной старинной постройки и предопределяет направленность ее реставрации. Важно установить, что мы намерены воссоздать в памятнике и хранить: материал или образ.

Наиболее полный ответ на этот вопрос мы можем получить на примере реставрации ансамбля Кижского погоста, которая проводилась в течении десяти лет (1949—1959). В результате ее две уникальные церкви — Преображенская и Покровская — были освобождены

от многочисленных, чуждых духу их архитектуры наслоений и предстали в своей первозданной красоте. Мало того, на основе сохранившихся фундаментов была восстановлена ограда погоста, явившаяся, по сути дела, тем самым «новоделом», против которого огульно выступают некоторые современные теоретики. Остается непонятным, в какой области они теоретизируют: в области методики реставрации или в области истории архитектуры? В первом случае критерием истинности «теории» должна быть практика, а за неимением таковой их теоретические изыскания превращаются в абстракцию, а точнее — в беспредметную демагогию. Во втором же случае, когда рассуждения по вопросу правомерности воссоздания целостного архитектурно-художественного образа памятника мы относим к сфере истории архитектуры, то есть искусствознания, то прежде всего необходимо определить, какой смысл мы вкладываем в понятие «памятник». Но об этом мы уже довольно много и подробно говорили. Тем не менее, даже не углубляясь в философскую сущность архитектуры, совершенно ясно, что коль скоро речь идет о восстановлении ансамбля, то и следует восстанавливать все его составные элементы, по крайней мере — основные. На том же основании восстанавливаем мы и утраченные части памятника — к примеру, упавшую главу церкви или часовни, столб крыльца или причелину кровли и т. п. Вот и получается, что новодел новоделу — рознь, что в одном определении может быть сосредоточено много разных понятий и разных аспектов реставрационной практики.

Ограда Кижского погоста со времени своего воссоздания и по сей день воспринимается как неотъемлемое звено древнего ансамбля.

И вряд ли у кого-то из посетителей кижского музея-заповедника возникает сомнение по поводу ее воссоздания, и уж тем более нет чувства досадного недоумения, вызванного ее инородностью и нетрадиционностью по отношению к архитектуре памятников, которые она обрамляет. Напротив, именно благодаря ей композиционно-простран-

ственное построение Кижского ансамбля приобретает ту совершенную гармоническую слаженность частей и целого, которая так радует сердца и души людей, напоминающая о вселенной гармонии жизни, возрождая веру в нее и способствуя очищению человеческих мыслей и дел от чуждых, бездуховных наслоений.

Реставрация Кижского погоста, осуществленная в 50-е годы, опиралась на твердые теоретические позиции и практический опыт, в результате чего была одержана блистательная победа — возрожден шедевр русской архитектурной мысли. Начать еще в первые послевоенные годы, реставрационные работы, осуществленные в Кижях, и по сей день во многом могут служить образцом, причем и в плане научно-методическом, и в плане организационно-практическом. Силы и энергия реставраторов не уходили на бесконечные дискуссии и согласования. Большая часть вопросов решалась прямо на месте. При этом последнее слово оставалось за автором-реставратором, надежными помощниками и товарищами которого являлись мастера-плотники.

Ныне же в обсуждении подавляющего большинства реставрационных вопросов, в том числе и методологических проблем, принимают участие лица, далекие от практической стороны дела. Воистину образовался целый полк активистов слова! Иначе их и не назовешь. Их материализованным воплощением можно считать вставленный ныне внутрь Преображенской церкви многотонный металлический каркас. Слово железный паяк-кровосос, впился он в тело еще живого памятника, медленно, но верно обескровливая его. Мало того, что вместо некогда чарующего интерьера памятника стоит теперь устрашающее зрелище огромного чудовища, оно же еще нарушило и продолжает нарушать статическое равновесие и естественную слаженность срубной конструкции памятника, да к тому же способствует охлаждению и увлажнению воздушной среды внутри его, усоряя биоразрушение древесины. Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник...

Беда, если процесс реставрации осу-

ществляется на основе беспринципной фразеологии, а не на базе научно обоснованной и практически апробированной методики, базирующейся на народном опыте.

Основы методологии и методики реставрации памятников древнерусского деревянного зодчества, раскрытые в этой книге на многочисленных примерах, складывались в протяжении многих лет практической и научной деятельности и прошли длительное испытание временем. Ныне они внедрены в практику реставрации повсеместно. По сути дела сейчас в России нет ни одного памятника народного деревянного зодчества, полностью отреставрированного, восстановление которого не основывалось бы на этой методике. Однако ее не следует рассматривать как свод практических приемов и способов, раз и навсегда данных рецептов и советов, которыми можно пользоваться во всех случаях жизни. Это система, в которой общие исходные понятия, сливаясь воедино со всеми их частными проявлениями, образуют то, что мы называем концепцией реставрации, осмыслением всего ее процесса.

Основу же этого осмысления, его исходную платформу составляет, прежде всего, изучение самого деревянного зодчества, понимание сути его традиций и их эстетической природы, порожденной мировосприятием народа. Это позволяет провести четкую грань между народным деревянным зодчеством и стилевой архитектурой. В противном случае создается невероятная путаница в самых общих исходных понятиях, что само по себе исключает возможность создания твердых положений методики реставрации памятников деревянного зодчества.

Следующим шагом на этом пути должно стать изучение разновременных наслоений на памятнике и оценка их историко-художественной ценности, что позволит установить три разновидности наслоений: традиционные, нейтральные и чуждые, а затем выявить оптимальный облик памятника, его синтетический архитектурно-художественный образ. И вот тогда архитектор-реставратор обретает твердую позицию, помогающую ему разобраться в сложном комплексе

разных вопросов, возникающих при воссоздании памятников древнерусского деревянного зодчества.

Практическую реставрацию губят сейчас демагогия, бесконечные совещания, конференции, симпозиумы, в которых участвует все большее число разного рода лиц, причем, как правило, далеких от реставрационной деятельности и уж, по крайней мере, не занимающихся ею постоянно, на должном профессиональном уровне. Естественно, что советы и всякого рода предложения носят порой фантастический характер. Но обсуждают их тем не менее вполне серьезно. Все это прямо или косвенно поддерживается далеко не всегда компетентным, но обстоятельно развитым бюрократическим аппаратом и многочисленными, как бы опекающими реставрационное дело, но не несущими за него никакой ответственности, организациями. На примере нынешнего состояния Преображенской церкви в Кижях можно судить и о состоянии всего дела реставрации и сохранения памятников русского Севера. Вывод о несовершенстве его организации напрашивается сам собой.

Всего в этой книге представлено около двухсот памятников архитектуры. Большая часть тех из них, что не были перевезены в музеи под открытым небом, а продолжали стоять на своих местах, погибла. Да и состояние «оставшихся в живых» производит сейчас безрадостное впечатление. Болит душа от сознания гибели наших отечественных реликвий. Неужели в скором времени от них останутся только музейные воспоминания?!

Не так уж и давно—всего в начале двадцатого столетия—называли художники наш Север «русским Римом». Канула в лета его былая краса... Однако ничто не исчезает бесследно из человеческой жизни. И уж тем более не может обратиться в прах народная мудрость. Придет время, обязательно придет,—и она возродится.

«Прекрасное есть жизнь»,—говорил Н. Г. Чернышевский. Умение видеть красоту в естестве жизни, в естестве вещей лежит в основе любого творческого процесса. И только в развитии это-

го естества, образно преломленного сердцем человека, вершатся произведения искусства.

Русский плотник, работая с деревом, не нарушал, а, напротив, всячески выявлял и подчеркивал его естественные особенности, используя дерево и как строительный материал, и как материал искусства. Потому и создавал шедевры.

...И предстают перед нами, как живые, памятники древнерусского деревянного зодчества—воедино слившаяся красота земли и красота творений рук человеческих. В их образах—правда земли русской, неизбывная вера в победу добра жизни.

Словарь специальных терминов

А

Алас — небольшое якутское поселение, состоящее обычно из 1—3 усадеб.

Алтарь, алтарный прируб — восточная часть церкви для совершения таинства, отделенная в православных храмах иконостасом.

Б

Балясины — фигурные стойки ажурного ограждения балконов, гульбищ, звонниц.

Безвозвдная (самцовая) кровля — кладется не на наклонные стропила, как обычно, а на горизонтальные бревна-слези. Концы этих продольных слег, врубленные в поперечные стены сруба, называются самцами. Чтобы тесины не соскальзывали, их снизу поддерживает выдолбленное бревно-«поток», опирающееся на «курицы» (см. ниже).

Бойница — отверстие в стене для стрельбы из ружей.

Бочка — декоративная форма двухскатного покрытия. Оба ее ската имеют плавные криволинейные очертания, завершенные острым углом. «Крешатая бочка» — форма покрытия, образуемая двумя взаимно пересекающимися бочками.

Брус — обтесанное с двух сторон бревно.

В

Вежа — сторожевая наблюдательная башня в крепости.

Венец — один горизонтальный ряд бревен в срубе, связанный в углах врубками.

Верей — столб у ворот.

Верх — композиционное завершение центральной части церкви, определяющее ее тип: клетский, шатровый, ярусный, многоглавый, кубоватый.

Вешала — длинные шесты для сушки сена с перекладинами или выступающими сучками.

Въезд — наклонный бревенчатый помост, ведущий на второй этаж хозяйственного двора северной избы — поветь (см. ниже).

Висячее крыльцо — крыльцо, опирающееся не на столбы, а на «выпуски» — концы бревен, выступающие из самого сруба.

Волоковое окно — небольшое оконце, закрываемое (заволакиваемое) тесовой задвижкой.

Валюты — завитки, украшающие верх оконного наличника.

Воробиня — длинное бревно, к которому крепятся лопасти двух противоположных крыльев мельницы; верхняя, подвижная часть ветряной мельницы.

Воронцы — длинные деревянные полки у стен и печи.

Воротник — обрамление из лемеха под главами церкви для отвода воды.

Восьмерик — часть здания, имеющая восьмигранную форму.

Веход — передняя часть здания (сени, крытое крыльцо и т. п.)

Выпуски (помочи) — консоли, концы бревен, выпущенные из сруба для поддержки свесов кровли, галереи, крыльца.

Выставки, выселки, починки — маленькие деревушки из нескольких домов.

Г

Галерея — широкий балкон, опирающийся на выпуски бревен или на столбы.

Гать — бревенчатый настил на заболоченных участках дорог.

Глава, главка — церковный купол в виде луковки с крестом, которая завершает все здание или какую-либо его часть.

Глагодь — тип дома, имеющий в плане букву «Г», когда хозяйственный двор поставлен под прямым углом в жилой ее части.

Голбец — припечье со ступенями на полати и лазом в подполье.

Гонт — короткий кровельный тес, применявшийся наряду с лемехом для покрытия криволинейных поверхностей бочек, кубов, шатров.

Горница — парадная комната в крестьянской избе; обычно находится на втором этаже. Название происходит от слова «горняя» — наверху.

Городня — бревенчатый сруб, заполненный камнем или землей, применявшийся для устройства крепостных стен.

Грибчики — обобщенное название объемных резных украшений на различных деталях здания — столбах, помочах, потоках.

Гульбище — галерея, охватывающая здание с двух-трех сторон.

Гумно — молотильный сарай для очистки зерна.

Д

Двадцатистенок — крестообразный в плане сруб, состоящий из восьмерика и трехстенных прирубов по четырем его сторонам.

Дымник — печная труба в черных (рудных) избах, верхняя наружная часть деревянного дымохода.

Е

Елавь — небольшая полянка в лесу, обычно на берегу озера или реки.

Епанчевый воротник, епанча — обрамление низа лувковичных глав церквей и их шеек, состоящее из резных, обычно ликообразных тесин, похожих на лемех.

Ж

Жароток — часть русской печи, в которой хранятся горячие угли; расположена обычно справа от шестка.

З

Замковое кольцо — деревянный круг в центре пирамидального потолка «неба», в который упираются радиально идущие наклонные балки-тябла, несущие тесовое покрытие.

Заплот — глухой забор из горизонтально положенных бревен или тесин.

К

Казенка — каморка, чулан, отгороженный угол; перегородка в избе, отделяющая отапливаемую часть от неотапливаемой; деревянная пристройка к печи в избе с дверкой.

Камелек, камеленок, каменка — очаг, сложенный из камней «насухо», без связывающего раствора; дым из него идет непосредственно в помещение и вытягивается либо в дверь, либо в специальное отверстие в стене.

Клеть — крытый прямоугольный деревянный сруб.

Клзирос — место для певчих в церкви.

Кокора — часть дерева, срубленного с одним из ответвлений корня.

Косишник — декоративная архитектурная форма, повторяющая очертания укороченной бочки; располагается на стенах и вокруг шеек центральной главки.

Коневая слега — самое верхнее бревно в безвоздушной конструкции кровли, лежащее под охлупнем или шеломом (см. ниже).

Конек — верхний стык двух скатов кровли, прикрытый охлупнем или шеломом (см. ниже).

Коники — деталь русской печи; массивная резная доска, отделяющая шесток (см. ниже) от рукомойника; служит местом для рушников (полотенец) и чистых хозяйственных тряпок.

Костер — пирамидальный сруб, сделанный «в режь» (см. ниже).

Косячатое (красное) окно — окно, обрамленное гладкими косячками, соединенными под углом «в ус». В отличие от волоковых окон, косячатые окна крупнее по размеру, более сложны и парадны.

Красный тес — тес, идущий на второй, верхний слой деревянной кровли; нижние, свисающие концы красного теса часто обрабатывались в форме усеченной пики.

Куб (кубоватый или кубастый верх) — четырехгранное покрытие четверика, напоминающее по форме массивную луковичную главу.

Курица — деталь безвоздушной кровли, представляющая собой ствол дерева, срубленного с одним из ответвлений корня — кокоры и предназначенная для поддержания потока (см. ниже).

Курная (рудная) изба — изба, отапливаемая «по черному»; в ней дым из печи выходит непосредственно в помещение и затем вытягивается либо в дверь, либо в специально устроенный дымоход — «дымник».

Л

Лапа, рубка «в лапу» — способ соединения бревен в углах, при котором концы бревен не выходят за пределы наружной плоскости стены.

Лемех — деревянная черепица, употребляющаяся для покрытия глав, шеек, бочек, косишников и других частей церковных верхов.

М

Мандера — удаленная от жилья, поросшая лесом часть материка.

Матца — балка, несущая деревянный потолок.

Мост — кроме обычного значения — всякое место, выложенное бревнами; настил пола, а также пол в сенях.

Н

Надолбы — ряд вкопанных в землю обрубков дерева, иногда соединенных между собой связью; в XIII—XVIII веках они широко применялись в русских фортификационных постройках: их ставили в один или несколько рядов.

Накат, накатник — перекрытие сруба, состоящее из бревен, уложенных в виде сплошного настила на стены и балки.

Наличник — обрамление оконных проемов.

-Небо — вид потолка, часто встречающийся в северных деревянных церквях; в центре его — массивный круг — замковое кольцо, в которое упираются наклонно идущие балки-тябла. Плоскости потолка между балками и в замковом кольце обычно записались иконой.

Нейтральные наслонения на памятнике — не характерные для древних традиций элементы памятника, появившиеся в процессе его перестроек, но представляющие собой определенную художественную ценность и не противоречащие существованию его архитектурно-художественного образа.

О

Облам — верхняя, выступающая часть крепостной стены или башни.

Обло, рубка «в обло», или «с остатком» — способ соединения бревен, укладываемых в округлые углубления, при котором концы бревен — остатки — выходят за пределы наружной плоскости стены.

Овин — сарай для сушки снопов.

Околица — край деревни; ворота при въезде или выезде из деревни или какого-либо другого поселения.

Оптимальный облик памятника — синтез его первоначальной архитектуры и всех традиционных и нейтральных наслонений.

Осеки — изгородь из косо поставленных жердей.

Остатки — наружные концы бревен в углах сруба.

Острог, острожец — укрепленное место с деревянной оборонительной оградой.

Охлупень, или шелом — выдолбленное бревно, закрывающее верхний стык двух скатов кровли.

Очеп — прочная и гибкая жердь, зажатая между потолком и балкой-матицей; служит для подвески детской люльки.

П

Паперть — западная входная часть церкви.

Переруб — поперечная перегородка в срубе.

Плаха, пластина — полбревна, расколотого или распиленного в продольном направлении.

Повал — верхняя часть сруба, уширенная наподобие карниза.

Поветь — второй этаж двора (хозяйственной части избы).

Погост — в древности административно-территориальная единица и ее центр; позднее — кладбище с церковью и жилыми домами духовенства или одно кладбище, обнесенное оградой.

Подзор — резная доска с узором, расположенным у нижнего края; размещался под скатами кровли, на крыльцах, лавках.

Подклет — нижний этаж деревянного здания, обычно служебно-хозяйственного назначения.

Подтесок — тес, идущий на первый, нижний слой деревянных кровель.

Полина — нижняя, пологая часть крутой двухскатной или шатровой кровли.

Полотенце — короткая резная доска, закрывающая стык причелин.

Помочи — см. выпуски.

Поток — деталь безвозводной тесовой кровли — брус или доток, в который упираются нижние концы кровельного теса.

Пчичнок — см. выставки, выселки.

Придел — пристройка к церкви со своим алтарем в честь какого-либо святого.

Прируб — второстепенная по отношению к главной и более низкая в сравнении с ней часть здания, включенная в его общую композицию.

Причелина — доска, закрывающая наружные торцы подкровельных слег; обычно украшается резьбой.

Прогон — дорога за деревенской околицей, огражденная с обеих сторон пряслами; продольная мощная балка, поддерживающая несколько поперечных балок меньшего сечения.

Прясло — часть крепостной стены между башнями; ограда из жердей, расположенных горизонтально; то же, что «поскотина» или «огорода».

Р

Резь, сруб -в резь — тип сруба, в котором бревна уложены не плотно, а на некотором расстоянии одно от другого и связаны между собой только в углах.

Ростань — развилка у дороги.

Рундук — верхняя площадка крытого крыльца; часть второго этажа амбара, нависающая над входом.

Ряж — опора, основание под сооружение, срубленное из бревен в виде клетки.

С

Самцовая крыша — см. безвозводная крыша.

Свес — верхний выступ постройки (облам — в крепостных сооружениях, рундук — в амбарах).

Сени — внутреннее помещение, расположенное за входом и крыльцом.

Слеги — горизонтальные бревна, образующие подкровельную конструкцию.

Спяля — повышенная часть церковного пола перед алтарем.

Сорока (стамик) — деревянная шпонка-стяжка, скрепляющая коневую слегу и шелом (см. ниже).

Сруб — конструктивно связанные ряды бревен, образующие стены построек.

Стоп — вертикаль основного объема здания, обычно церкви или сторожевой башни.

Съезжая изба — административное здание на погосте или в крепости, в котором размещались канцелярия, архив, тюрьма.

Саргэ, коновязь — столб для привязывания лошадей; в Якутии саргэ обычно украшали резьбой, ставили перед входом в усадьбу как символ гостеприимства хозяина.

Т

Тарасы — двухрядная рубленая крепостная стена, заполненная внутри камнем или землей; отличие ее от городни (см.) в том, что она сплошная.

Терем — помещение над верхним ярусом в хоромах; богатые хоромы.

Тетива (косоур) — основной элемент конструкции лестницы; один из двух наклонных брусев, несущих ступени.

Традиционные наслоения на памятнике — относительно поздние части памятника, выполненные в традиционных архитектурно-конструктивных формах народного деревянного зодчества.

Трапезная, или предхрамие — пристройка с западной стороны церкви, служившая в старину местом общественных собраний, ожидания церковной службы; в позднейших деревянных церквях, а также в обновленных трапезная уже используется как помещение для свершения церковного церемониала (литургии).

Тяп — деревянный сплошной забор; в зависимости от вертикального или горизонтального расположения бревен назывался еще «частоколом» или «заплатом»: делался и в виде двухстенных срубов с перерубами.

Тябло — горизонтальные брусья-полки, на которые ставились иконы в иконостасе; наклонные балки в церковном пирамидальном потолке-«небе».

У

Ушкуйники или повольники — участники новгородских отрядов, отправлявшихся по речным путям для торговли, колонизации и просто разбоя (от слова «ушкуй» — большая лодка, судно).

Ф

Фронтон, или щипец — верхняя часть бревенчатой стены, ограниченная двумя скатами кровли.

Фронтонный пояс — ряд треугольных кровель-фронтонов, охватывающий восьмерик церкви; защищает сруб восьмерика от осадков и одновременно служит декоративным элементом здания.

Х

Хоромы — комплекс жилых и дворовых деревянных строений, связанных между собой сенями и переходами.

Ч

Четверик — часть здания, имеющая квадратную в плане форму.

Чуждые наслоения на памятнике — позднейшие элементы памятника, образующие на нем декоративный футляр, скрывающий его подлинную архитектуру, не совместимые с формами народного деревянного зодчества, противоречащие его природе, творческому методу и архитектурно-конструктивным традициям.

Ш

Шатер, шатровый верх, шатровое покрытие — высокое восьмигранное пирамидальное покрытие.

Шейка, шея — глухой барабан, несущий церковную главу.

Шелом — см. охлупень.

Шкант — шип, которым скрепляются между собой плахи пола и венцы сруба.

Шесток — место перед топкой русской печи или камелька.

Щ

Щипец — см. фронтон.

Ю

Юбка — напуск одного ряда кровельного теса на другую, образующий горизонтальную полосу-подсечку.

Я

Ядова (ендова) — стык двух скатов кровли, образующих входящий, внутренний угол.

Ярус — убывающее по высоте горизонтальное членение объема здания; горизонтальный ряд икон в иконостасе.

Список литературы

- Алферова Г. В. Каргополь и Каргополье.— М., 1979.
- Андреева Л. А., Коляда М. И., Кондратьева Е. В. По Ленинградской области.— Л., 1978.
- Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу.— М., 1865.
- Ащепков Е. А. Русское народное зодчество в Восточной Сибири.— М., 1953.
- Белов М. И., Овсянников О. А., Старков В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII вв.— М., 1981.
- Бубнов Е. Н. Русское деревянное зодчество Урала.— М., 1988.
- Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XIII—XV вв.— М., 1962.— Т. 2.
- Габе Р. М. Карельское деревянное зодчество.— М., 1941.
- Грабарь И. Э. История русского искусства.— М., 1910.— Т. 1.
- Дерево в архитектуре и скульптуре славян.— М., 1987.
- Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей в истории.— М., 1972.— Ч. 1.
- Забелло С. Я., Иванов В. Н., Максимов П. Н. Русское деревянное зодчество.— М., 1942.
- Зайцев Б., Пинчуков П. Солнечные узоры.— М., 1978.
- Ильин М. А. Русское шатровое зодчество.— М., 1980.
- Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России: Период феодализма.— М., 1977.
- Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI вв.— М., 1960.
- Косточкин В. В. Русское оборонное зодчество конца XIII—начала XVI веков.— М., 1962.
- Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири.— М., 1978.
- Красноорчев Л. Е., Тынтарева Л. Я. «...Как красота и мера скажут».— Л., 1971.
- Краспавский М. Курс истории архитектуры.— Вып. 1—Деревянное зодчество.— Пг., 1916.
- Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России.— СПб., 1858.— Ч. 1.
- Лебединский Б. Иркутский острог.— Иркутск, 1929.
- Лихачев Д. С. Заметки о русском.— М., 1984.
- Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков.— Л., 1973.
- Майерберг А. Виды и бытовые картины России XVII века.— СПб., 1903.
- Маковецкий И. В. Памятники народного зодчества Русского Севера.— М., 1955.
- Максимов С. В. Год на Севере.— Архангельск, 1984.
- Молчанов А. А. Деревянная церковь Николая Чудотворца в Муезерском монастыре // Архитектурное наследство.— М., 1969.— № 18.

- Мильчик М. И., Ушаков Ю. С. Деревянная архитектура Русского Севера. Страницы истории.—Л., 1981.
- Некрасов А. И. Очерки по истории древнерусского зодчества XI—XVII веков.—М., 1936.
- Никольский В. История русского искусства.—Берлин, 1923.
- Никольский Н. История русской церкви.—М., 1930.
- Одинцова М. К. Из истории русского деревянного зодчества в Восточной Сибири (XVII в.).—Иркутск, 1958.
- Озерецковский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому.—СПб., 1792.
- Окладников А. П., Гоголев З. В., Ащепков Е. А. Древний Зашиверск.—М., 1977.
- Окладников А. П. Ленские древности.—Л., 1945—1950.—Вып. 1—3.
- Ополовников А. В. Кижичи.—М., 1976.
- Ополовников А. В. Памятники деревянного зодчества Карело-финской ССР.—М., 1955.
- Ополовников А. В. Реставрация памятников народного зодчества.—М., 1974.
- Ополовников А. В. Русский Север.—М., 1977.
- Ополовников А. В. Русское деревянное зодчество: Гражданское зодчество.—М., 1983.
- Ополовников А. В. Русское деревянное зодчество: Памятники шатрового типа. Памятники клетского типа и малые архитектурные формы. Памятники ярусного кубоватого и многоглавого типа.—М., 1986.
- Ополовников А. В., Ополовникова Е. А. Деревянное зодчество Якутии.—Якутск, 1983.
- Ополовников А. В., Островский С. Г. Русь деревянная.—М., 1981.
- Ополовникова Е. А. Красота и красивость // Архитектура СССР.—1986.—№ 2.
- Орфинский В. П. В мире сказочной реальности.—Петрозаводск, 1972.
- Очерки истории русской этической мысли.—М., 1976.
- Плеханов Г. В. Раскол как одно из выражений общественной мысли // Соч.—М.—Л., 1925.—Т. 20.
- Проскурякова Т. С. Планировочные композиции городов-крепостей Сибири // Архитектурное наследство.—М., 1976.—№ 25.
- Раппопорт П. А. Древние русские крепости.—М., 1975.
- Резун Д. Я. Сибирские города конца XVI—первой половины XVIII века.—Новосибирск, 1982.
- Ремезов С. У. Чертежная книга Сибири.—СПб., 1882.
- Сармчев Г. А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану.—М., 1952.
- Сафронов Ф. Г. Город Якутск в XVII—начале XIX в.—Якутск, 1957.
- Суслев В. В. Путевые заметки о Севере России и Норвегии.—СПб., 1889.
- Тверской А. М. Русское градостроительство до конца XVII века.—Л.—М., 1953.
- Титов А. Сибирь в XVII в.—М., 1890.
- Троицкий С. М. Россия в XVIII веке.—М., 1982.
- Ушаков Ю. С. Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера.—Л., 1982.
- Шлычков Л. Листая времени странницы.—Ярославль, 1983.
- Шургин И. Н. Деревня—резерват—новый экспонат Кижского музея // Реставрация и исследование памятников культуры.—Вып. 1.—М., 1975.
- Шургин И. Н. Никольская трапезная церковь на Муезере // Реставрация и исследование памятников культуры.—Вып. 2.—М., 1981.
- Ямщиков С. В. Древняя живопись Карелии.—Петрозаводск, 1986.

Оглавление

От автора	5
Введение	6
<i>Глава первая</i>	
Онежский край	12
<i>Музей-заповедник «Кижы»</i>	26
<i>Обонежье</i>	60
<i>Поонежье</i>	88
<i>Глава вторая</i>	
Беломорье	116
<i>Глава третья</i>	
Северодвинское поречье	160
<i>Глава четвертая</i>	
Центральные земли России	226
<i>Глава пятая</i>	
Сибирь	298
Заключение	356
Словарь специальных терминов	361
Список литературы	365

Ополонников А. В. *Сокровища Русского Севера*. — М.: Стройиздат, 1989. — 367 с.: ил. — ISBN 5-274-00335-4

Opolovnikov A.V. *Treasures of the Russian North*

Рассказывается о замечательных памятниках русского деревянного зодчества, когда-то повсеместно находившихся на территории Древней Руси. Управителем их в силу многих исторических причин стали северные районы России, включая Сибирь. Речь идет об ансамблях деревень и погостов, о крестьянских избах и хозяйственных постройках, о церквях и часовнях, о мостах и оградах, о мельницах и охотничьих избушках. Многие из них уже не существуют. В книгу включены материалы, посвященные не только малоизученным, но и ставшим всемирно известными памятникам. Они позволяют полнее раскрыть общерусские традиции деревянного зодчества и его местные особенности. Представлены не только натурные фотографии, но и объемные чертежи памятников, а также их графические реконструкции.

Для архитекторов, искусствоведов и широкого круга читателей.

Ил. 605, список лит.: 32 назв.

The book is about the outstanding monuments of Russian wooden architecture, which were sometimes ago located everywhere on the territory of the Ancient Rus. Owing to some historical conditions northern regions of Russia and Siberia became the guardians of these treasures. The author describes the ensembles of the villages and grave-yards, peasant's huts and buildings for economic purposes, churches and chapels, bridges and fences, wills and hunting huts. Many of them have already destroyed. The book contains materials about not only the unknown buildings, but also the world famous monuments. These materials allow to give the full account of all-Russian traditions of wooden architecture and its local peculiarities. The book is illustrated with natural photos, measuring draughts of monuments and graphic reconstruction.

The work lasted for fifty years, this was the fruitful period of the authors' creative activity. That's why the full picture of passed architectural image of northern Russian outlying districts was represented in the book. The material is unique, the main part of the monuments is published for the first time.

For architectures, art critics, wide range of readers.

Печатается по решению секции литературы по градостроительству и архитектуре редакционного совета Стройиздата.

Рецензент канд. архит. Г. В. Борисевич

Научное издание

Ополонников Александр Викторович

СОКРОВИЩА РУССКОГО СЕВЕРА

Объемные чертежи, графические реконструкции и фотографии (кроме указанных в подписуточных подписях) выполнены автором

Редакторы *Е. Б. Овсянникова, Н. И. Гинзбург*

Художник *Е. Е. Смирнов*

Художественный редактор *Д. М. Чериков*

Технический редактор *Л. И. Шерстнева*

Корректор *Г. Г. Морозовская*

ИБ № 4119

Сдано в набор 16.05.88.

Подписано в печать 12.06.89. Т-11712. Формат 60×90/8. Бумага мелованная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 46,0. Усл. кр.-отт. 137. Уч.-изд. л. 52,64. Тираж 30 000 экз. Изд. № А1Х-1558. Заказ № 4806. Цена 9 р. 50 к.

Стройиздат. 101442 Москва, Каляевская, 23а

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» Государственного комитета СССР по печати. 113054, Москва, Валаовая, 28. Отпечатано в Московской типографии № 5 при Госкомпечати СССР. 129243, Москва, Мало-Московская, 21.